

XXI ВЕК

ВОЛГА

9-10 2015

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2015

**9-10
2015**

СОДЕРЖАНИЕ

ОТРАЖЕНИЯ

Елена ГААЗЕ. **Белая лилия, верная Лилия...**

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

Александр АНДРЕЕВ. **Велико мгновение на Земле!**

ОТРАЖЕНИЯ

Светлана ГОЛУБЕВА. **Милька**

Виталий ЛОЗОВИЧ. **Два рассказа**

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

Михаил МУЛЛИН. **Алёна Волчья Заря**

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Валентина ЗВЯГИНА. **Вырос в лесу на горе городок...**

Михаил МУЛЛИН. **Дождь играл на барабанах**

Михаил КОЛЬЯШКИН. **Ты куда бежишь, ручей?**

Игорь ХРАМОВ. **Лесной консультант**

ОТРАЖЕНИЯ

Олег КОРНИЕНКО. **Тарзанка**

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Михаил КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ. **Хвалынские истории**

Ольга КОЛЕСНИКОВА. **Любимый день**

МИНИАТЮРЫ

Вяч. МИНАЕВ. **Камни и болото**

Галина РОГОЖИНА. **Старый Дом и ежонок Топ**

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Илья ВОДОЛАЗЬСКИЙ. **Пещерные сказки о происхождении всего на свете**

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Нелли КРЕМЕНСКАЯ. **Вчера выйду замуж...**

ФЭНТЕЗИ

Джордж МАКДОНАЛЬД. **Карачун**

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МУЗЕЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Галина МУРЕНИНА. **Верные спутники жизни**

В МИРЕ ИСКУССТВА

Алексей ГЕРАСИМОВ. **Актёр из нашего города**

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Справедливости ради...

ОТКЛИКИ

Кое-что о самокритичности

Дорогие читатели!

Перед Вами – специальный выпуск, посвящённый литературе для детей и юношества. Эта добрая традиция была заложена в 2008 году, и с тех пор в ежегодных спецвыпусках публиковались известные детские поэты и писатели: Сергей Михалков, Владимир Бояринов, Тамара Крюкова, Андрей Усачёв (Москва), Дмитрий Суслин (Чебоксары), Михаил Каришнев-Лубоцкий, Михаил Муллин, Евгений Грачёв (Саратов) и другие. Печатались и произведения участников форумов молодых писателей России: Галины Дядиной, Елены Фельдман, Алёны Павловой, Елены Тулушевой. В рубрике «Останется мой голос» публикуются произведения замечательных саратовских поэтов Бориса Озёрного и Олега Молоткова.

В 9–10 номере представлены произведения разных жанров, созданные как саратовскими авторами, так и писателями из других регионов: повесть Елены Гаазе «Белая лилия, верная Лилия» (Саратов), рассказы Виталия Лозовича (Воркута), Светланы Голубевой (Орёл), сказки Михаила Каришнева-Лубоцкого и Ольги Колесниковой (Саратов), сказки и рассказы саратовского школьника Ильи Водолазского, победителя нескольких областных конкурсов, фэнтези Джорджа Макдональда «Карачун» (перевод Риммы Лютой), стихи детских поэтов Валентины Звягиной, Михаила Муллина, Михаила Кольяшкина и других.

В последние годы в «детских» спецвыпусках, помимо традиционных разделов – стихов для детей, рассказов, сказок, приключенческих повестей – были представлены рубрики «На волне памяти», «В мире искусства», «Волжский архив», перекликающиеся с одноимёнными рубриками из «взрослых» номеров. Эти материалы, адресованные также учителям и библиотекарям, могут помочь в различных краеведческих исследованиях.

Статьи представляют собой юбилейные материалы. Так, о личной библиотеке Н. Г. Чернышевского повествует Г. П. Муренина, директор музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского (музей отмечает в этом году своё 95-летие); Алексей Герасимов рассказывает об актёре из нашего города Владимире Краснове – тоже к его юбилею.

Нововведённые рубрики призваны сориентировать школьника в море информации, дать полезные сведения литературного и краеведческого характера, а самое главное – заставить задуматься над нашей историей, литературой, судьбами людей.

**Редакция журнала
«Волга–XXI век»**

Елена ГААЗЕ

Елена Владимировна Гаазе родилась в 1963 году в Саратове. После окончания филологического факультета СГУ работала учителем в школе, редактором в Приволжском книжном издательстве, журналистом. Вышли в свет две детские книги Елены Гаазе: рождественская сказка «Праздник в коробке из-под шоколада» и повесть о докторе Гаазе «Самая яркая звезда». Статьи и рассказы публиковались на сайтах «Православие.ру», «Православие и современность», «Православное Заволжье» и др.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ, ВЕРНАЯ ЛИЛИЯ...

*Посвящаю моим детям, Фёдору и Верочке.
Эта маленькая повесть-притча – моя мечта
о них...*

Саша сидел у реки и пускал кораблики, сделанные из яркого цветного картона. Этим он хотел развлечь девочку лет шести, почти незнакомую. Она приехала на лето к глухой бабушке Тане с соседней улицы. Девочке баба Таня приходилась какой-то очень дальней родственницей – двоюродной прабабушкой, что ли. Из-за глухоты она почти не общалась с правнучкой, и та бродила недалеко от дома – одинокая и неприкаянная.

Одиннадцатилетнему мальчику было стыдно подходить к такой «малышке», и он просто наблюдал за нею издали, даже не пытаясь узнать её имя. Ему было жаль девочку – она выглядела несчастной: не умела играть с деревенскими детьми, разговаривала с курами, козами, с цветами мальвы и даже с яблоком у себя в руке...

Что-то у них с Сашей было общее. Как ни странно, девочка напоминала ему его маму, ту, какой она была раньше: беленькая, хрупкая, потерянная... Тогда они жили далеко отсюда – в горах, и мама сидела, обняв своего крошечного сына, на берегу реки. А недалеко от них старуха, вся в чёрном, пасла свою страшную козу. Старуха не разговаривала с мамой и всё время сидела к ним спиной. Казалось, что даже её коза, оказавшись она говорящей, не стала бы говорить с чужой. С мамой вообще никто не разговаривал, даже папа. Когда-то он любил маму и привёз её из русского города. Но здесь, в горах, она ему почему-то разонравилась, и он смотрел на неё и сына отчуждённо, как все. А потом они вернулись в Россию – подальше от ненависти, чужих гор и холодной, чересчур быстрой реки – и поселились в глухой русской деревне. Здесь было лучше, но Саша, как и эта городская девочка, чувствовал себя одиноким. Мама уже не была такой, как прежде. Стала раздражительной, крикливой. Она кричала на сына, соседей, даже на кур. Часто жаловалась на свою судьбу и тяжёлый труд. Даже стала выпивать. Немного, но Саше всё-таки было за неё стыдно.

Сегодня он решил развеселить грустную девочку, поговорить с ней, как с младшей сестрёнкой. Он сделал много ярких корабликов и пошёл искать девочку. Но её нигде не было, и мальчик отправился к реке, надеясь встретить девочку по дороге. Теперь он сидел один на берегу и смотрел на воду. Ниже по течению качалась на воде привязанная к кольшку лодка. Было тихо и очень жарко. Даже гусям, стайкой плавающим по воде, было лень гоготать, и они двигались медленно и бесшумно, как в немом кино. Саша смотрел на яркие пятна корабликов, как они плыли по течению. Это было очень красиво, только жаль, что девочка этого не увидела. Он встал и пошёл домой. «Наверное, её увезли в город», – подумал Саша и оглянулся на реку. Гуси молча и недоуменно провожали взглядом кораблики. Но им было лень что-либо предпринять, и они вышли на берег и важно куда-то зашагали. Мальчик думал о маленькой незнакомке и вдруг поймал себя на мысли, что она была первым в его жизни существом (не считая мамы, конечно),

которому он так остро желал счастья, и впервые молился своими словами Богу, чтобы тот уберёг её от всего злого и грубого... И странно, у него не было ощущения потери, а просто было хорошо, что где-то она есть, эта девочка.

Лилины родители купили дачу, когда дочери было лет 9 или 10. Это была старая заброшенная дача с огромным садом, тоже запущенным. Удивительно, но в этой заброшенности и запущенности не было ничего дикого, некрасивого. Наоборот, дом и сад выглядели очень поэтично, может быть, благодаря особенной добротности строения, окружённого со всех сторон верандами с огромными дубовыми столами на точёных ножках. Или это ощущение давали старые берёзы и сосны, которые росли на участке вместе с огромными корявыми яблонями и грушами. Казалось, что плоды на их высоких верхушках не собирались падать на землю, а хотели взлететь в небо, или это постаревшие деревья протягивали в глубокую синеву своих последних – мелких и неказистых – детей. Бродившие по участку новые владельцы то тут то там находили среди сорной травы благородные растения, чудом выжившие здесь без многолетнего ухода. То были папоротники, хосты, лилии. Разноцветные аквилегии разрослись по всему участку. Листья уже отцветших тюльпанов, нарциссов, незабудок и первоцветов говорили о том, как красив сад весной. Умными, добрыми руками очищали новые хозяева сад от всего лишнего, заботливо восстанавливали его былое великолепие, сохраняя растения, когда-то столь дорогие прежним его владельцам. Внук этих прежних владельцев уезжал навсегда за границу и, оформляя продажу, недоуменно поглядывал на покупателей, как бы размышляя, а зачем им, собственно, нужна эта старая дача с участком, на котором невозможно вырастить ни огурцы, ни картошку – кругом сплошная тень да корни.

Новые же хозяева, уже не молодые, но с малолетней дочерью, покупали дачу «для здоровья», ради тишины, покоя. Веранда с самоваром, пение соловьёв, сосновый запах... Почему-то им не хотелось здесь ничего менять. Дом и сад мгновенно, с первого взгляда, подчинили их своему обаянию. Заходя за покосившийся деревянный забор, они попадали в другой мир со своими тайнами, странностями, чудесами. Там было так хорошо, каждый кустик, камешек, травинка, даже сорнячок – милы и симпатичны, полны любви.

Дом берёт энергию прежней жизни, что протекала здесь, сохранял её обаяние, ощущение её правильности и благородства людей, когда-то живших в его стенах. Казалось, дом постоянно воспроизводил звуки их шагов, шлепки босых ног по мокрой веранде, смех – приглушённый, вечерний – так, как мы повторяем любимый мотив. Это не пугало – очаровывало. И, отдавая последнюю часть оговорённой суммы, покупатели недоумевали: как могли бывшие хозяева добровольно отказаться от этого чудесного дома – такого старого и уютного, с садом, где столько тени и загадочно выпирающих из земли корней?

Лиля – болезненная, хрупкая, мечтательная девочка – крепла и расцветала в саду. Она бродила по нему часами, и каждый уголок был ей интересен. В малине жил крот, под ёлкой примостился, врос в землю маленький, сколоченный из деревяшек, впрочем, очень добротный маленький домик с облупившейся краской. На нём табличка, на которой ещё можно прочесть: «Домик ёжика». В домике – разбитое блюдечко, наверное, в него наливали молоко. Да неужели ёж и впрямь жил здесь? Впрочем, в этом саду всё было возможно. А на границе с лесочком, в который переходил незаметно сад, была сказка. Вскоре после того, как были убраны все сорняки, обнаружилось, что здесь живут два цветка – белая лилия и какой-то диковинный, безымянный алый цветок с крупной чашечкой и широко распахнутыми лепестками.

Лиля каждое лето с нетерпением ожидала, когда они распустятся. Алый цветок расцветал первым и замирал, глядя на закрытый ещё бутон лилии. Вскоре её лепестки

нехотя раскрывались, а алый цветок, дрожа и обмирая от невыразимой тоски и любви, уже через день, редко через два, отцвел. Поэтому вместе они стояли совсем недолго: нежная красавица-лилия и ликующий огненный цветок, распахнувший свои лепестки.

Это было поразительное, завораживающее зрелище. Но вот красные лепестки опали на землю, и – прощай, любимая! До следующего лета! Белоснежная лилия оставалась одна-одинёшенька, грустно клонясь к тому месту, где ещё вчера рос алый красавец. И уже не выглядела она такой изнеженной и капризной, а печально освещала своими сияющими белизной, душистыми лепестками густую тень сада. Вся семья любовалась этой парой и сопереживала их драме.

Девочка Лиля постепенно превратилась в грациозную, загадочную и молчаливую девушку, которую невозможно было не любить. Стареющие родители не могли нарадоваться на дочь и с тревогой ждали её влюблённости, которая, как им казалось, у их девочки могла быть только единственной в жизни. И однажды Лиля привезла на дачу Сашу – юношу, оканчивающего медицинский институт, в котором Лиля только что начала учиться. Елена Алексеевна и Михаил Матвеевич не нашли в себе сил даже встать из-за стола (они пили чай на веранде), когда увидели идущих по дорожке дочь и незнакомого юношу – прекрасного как принц. И когда вечером они проводили Сашу на электричку и помахали вслед удаляющемуся вагону, Елена Алексеевна облегчённо вздохнула: «Ну, совершенно такой!» Кто-то мог бы и не понять этой загадочной фразы, но только не Михаил Матвеевич, который живо вспомнил себя и жену 16-летними, уютно устроившимися с томиком Грина в руках на стареньком кожаном диванчике в проходной тёмной комнате в Леночкиной квартире.

Не успели молодые люди пожениться, только справили помолвку (как любил на старинный манер выражаться Михаил Матвеевич). На Кавказе запыхала война.

Саша собрался ехать туда как врач. Этот поступок настолько был естественным для него, что никто даже не попытался остановить Сашу от этого шага. Это было бы так же нелепо, как отговаривать здорового юношу уступить место дряхлому старику или беременной женщине.

Саша взял благословение у отца Дмитрия, впрочем, почти ровесника и друга, повесил на верёвочку рядом с крестиком святынку, которую дал ему батюшка. Уехали они на войну, как потом выяснилось, вместе с отцом Дмитрием – врач и полковой священник.

Елена Алексеевна научилась молиться. Ей было так легко и сладостно молиться за детей. Она верила, что дочь ждёт свадьба и счастливая долгая жизнь.

А Михаил Матвеевич всё пытался вспомнить что-то такое знакомое, из далёкого детства, что изо всех сил хотело пробиться из толщи времени. Но он всё никак не мог ухватить это воспоминание – оно было связано с началом войны, тем временем, которое если и всплывало в памяти, то в виде каких-то цветных пятен, запахов, обрывков фраз, неясных звуков. А хорошо себя помнить он начал примерно с середины войны. Вот он достаёт из холодной печки аккуратно свёрнутый бумажный конвертик, а в нём – заплесневелые сырны корочки. Их выбросил, предварительно завернув в бумагу, немец, живший в их доме. Он, Миша, жадно ест их. А мама, прижимая сына к себе, говорит: «А до войны ты от сыра совсем отказывался...» Михаил Матвеевич до сих пор помнит вкус этих корочек – жёстких, солёных, волшебного вкуса. Жалкое, мучительное воспоминание... Вот мама строчит что-то на машинке, голова её всегда низко опущена, старается не встречаться взглядом с немцем, который, кстати, тоже был врачом и однажды

даже вылечил Мише застарелый нарыв на пальце ноги. У них с мамой была папина немецкая фамилия, может быть, поэтому оккупацию они пережили относительно спокойно. А вот отец, чудом не расстрелянный в 37-м, с войны не вернулся.

А потом он вспомнил... лицо отца, уходящего на фронт, – беспечное юное лицо. У Михаила Матвеевича не было его фото – всё сгорело в войне. Таким же было и лицо Саши в окне вагона, увозившего его на войну. Ясное и спокойное лицо солдата, лицо его отца, лицо его сына...

Такая радость наполнила тогда душу Михаила Матвеевича! Как будто он сразу обрёл двух родных людей. Сам Михаил Матвеевич в армии не служил – по здоровью – и никогда не жалел об этом. Вся его жизнь и устремления были направлены на Еленушку, которую знал чуть ли не с рождения: были соседями, сидели за одной партой и поженились сразу после школы. А в армию он уйти никак не мог. Тем более войны-то больше уж точно не будет – так он думал в своё время.

Теперь он чувствовал что-то новое для себя – гордость, что ли? За своего отца, за мужество сына. Он так и сказал сослуживцам: «Вчера сына на войну проводил». И смахнул слезу.

Примерно через месяц в цинковом гробу вернулся с войны отец Дмитрий. Машину, в которой они с Сашей добирались до части, нашли расстрелянной и развороченной на склоне обрыва, а недалеко – мёртвого отца Дмитрия. Сашу найти не удалось. Но ясно было, что вряд ли он остался в живых – машина вся изрешечена.

Отпевали батюшку в храме Петра и Павла, где он успел недолго прослужить после окончания семинарии. Прихожане смотрели в окошечко гроба и видели своего батюшку, совершенно не изменившегося, даже как будто улыбающегося своей невероятной улыбкой. Но, наверное, им так только казалось, слишком уж свежим было воспоминание о его необыкновенной улыбке – детской, радостной, обнимающей. Прихожанки относились к нему нежно, по-матерински, поначалу стеснялись исповедоваться. Потом привыкли. Бывало, поплачутся ему о своих бедах-грехах, он отпустит, а там глядишь, про своё что-нибудь расскажет, тоже будто бы поплачется. Казалось, что как-то это по-детски, а теперь понятно стало: от мудрости, которая свыше только даётся. Даётся даром, и только избранным.

Невозможно было смотреть на матушку, восемнадцатилетнюю вдову... Она вышла замуж через три месяца после окончания школы, успев только поступить в художественное училище. Вышла за священника, потому что её отец и дед были священниками, и о другом муже она и помыслить не могла. Матушка была ещё совсем ребёнком, выглядела лет на 14, не старше. Жизнерадостный ребёнок, с вечно выбивающимися из-под платочка кудряшками – ими всегда любовались прихожане. Они были так похожи с батюшкой именно своими улыбками и жизнерадостностью. Теперь на похоронах кудряшки так же выбивались из-под чёрного платочка, и вид их – блестящих, беспечных – надрывал всем души. Многие думали о том, что гроб стоит в храме как раз на том месте, где во время служб обычно стояла матушка Юлия. Она всегда так смотрела на батюшку, что казалось, радость просто выплёскивается из её глаз вместе со счастливыми слезами.

Лиля после похорон отца Дмитрия как-то ушла в себя, почти не разговаривала, как будто прислушивалась к чему-то. Многие думали, что она не в себе – ещё бы, потерять такого жениха! Лилю жалели, но всё-таки иногда проявляли и любопытство вперемежку с чем-то вроде злорадства. Немного, но было, было... Ждали с нетерпением, что дальше будет.

Елена Алексеевна перестала молиться и пребывала в горестном недоумении: впервые она столкнулась с чем-то, чего не понимала, не могла объяснить. Когда закончилась в 45-м война, она пережила почти невыносимую для человека, доступную только детям радость. Даже уж на что война страшная, долгая была, и та окончилась. Все в квартирах живут, и хлеба вдоволь... И потом жила с уверенностью, что у неё всегда всё будет хорошо. Конечно, и в её жизни было немало трудных, даже трагических моментов, но всегда как-то всё устраивалось, утрясалось, оборачивалось благополучием и ещё большим счастьем. Вот не было у них с Михаилом Матвеевичем детей 20 лет – и вот вам – девочка, да ещё какая! Заболела она, Елена Алексеевна, тяжело, никто не думал, что выживет. Выжила, дочь вырастила. Все говорили: какая Лилька у тебя неприспособленная, изнеженная, в облаках витает, кто на такой женится? И вот появился Саша, суженый, о каком только и можно мечтать. И вдруг такое! А Лилька-то – она и впрямь не от мира сего, как жить-то теперь будет? Страшно.

А Михаил Матвеевич принял самостоятельное решение: собирать деньги на выкуп. «Говорят, там наших ребят воруют, а потом за деньги продают родным, – нескладно объяснял он своё решение. – Раз тела не нашли, значит, понятно, жив. Значит, будем выкупать, других родных у Сашки нет. Где взять деньги? Продадим что-нибудь. Дачу продадим. Теперь народ поумнел. Наш старинный дом с садом на участке сейчас больших денег стоит. Короче, Сашку выкупим!»

Лиля тогда в первый раз разрыдалась. Плакала, как в детстве, уткнувшись отцу в колени, долго и безутешно.

Но выкупа никто не требовал.

Молитва Лилии:

«Я всё никак не могу осознать, Господи, что произошло. Встретив Сашу, я так горячо уверовала в Тебя, в Твою бесконечную доброту. Моя бессознательная детская вера не обманула меня. Получила в дар родную душу – и так неожиданно потеряла её... Так бессмысленно, так быстро. Я не успела даже толком, по-настоящему поговорить с ним. Нам было так хорошо молчать вместе. Это ведь очень много, когда хорошо молчать. Но я не успела сказать, как люблю его. Уже три месяца прошло, и нет никаких вестей. Господи, я не могу плакать. Я поняла, что значит выть от горя. Мне хочется закрыть лицо подушкой и выть. Это грех. Грех уныния... Но у меня нет сил просто жить, жить день за днём, зная, что его, возможно, больше нет в живых. Нужно молиться, но я не могу уже просить. Батюшка утешает как может, замучила я его совсем, а он ведь сына потерял... И весь светится. Слава Богу за всё, говорит. Ещё говорит, чтобы шла выхаживать раненых в госпиталь. Что это промыслительно, что именно у нас его открыли. Помогите мне, Господи, дайте силы. А вдруг я там Сашу найду? Вдруг он память потерял? Ждёт меня... Господи, пусть так будет. Помогите мамушке Юлии, Господи».

Ахмета окрестил Димкой пленник – белоголовый, добрый, с говорящими синими глазами. Он жил в уцелевшей части разрушенного снарядом дома, и его не трогали, даже не сильно охраняли – бежать некуда. Не трогали ещё и потому, что он лечил и принимал роды: местные женщины продолжали рожать, хотя мужчины воевали. Только спустя какое-то время Саша понял, что все четыре года его плена были сплошным, протянувшимся во времени чудом: его не убили, кормили, позволяли ему, «неверному», прикасаться к своим женщинам, когда они рожали будущих воинов. Даже избили всего один раз, когда брали в плен. Но самое главное – не сняли с него креста. Может, обнаружив документы врача и оценив его спокойное мужество и готовность умереть, поняли, что креста он не снимет. И оставили в покое: врач – не воин, пусть лечит пока...

Димка, когда он ещё был Ахметом, бродил по посёлку – никому не нужный. Вопреки устоявшемуся мнению, что на Кавказе сирот не бывает, Ахмет был сиротой. Мать умерла

родами, а отца в начале войны убили свои же – заподозрили в измене, да ещё припомнили какую-то русскую жену, что была задолго до матери Ахмета. Родственники отца мальчика кормили, конечно, но никогда ничем не интересовались: где тот целыми днями бродит, не болен ли, где ночевал...

Шестилетний Ахмет как-то сразу привязался к русскому, ему хотелось так прижаться к нему, чтобы никто никогда не смог оторвать их друг от друга. В первые же дни их знакомства Саша вылечил мальчику давно не заживающие болячки на руках – мазал каким-то маслом и шептал что-то по-своему. Осматривал его, что-то нащупывал на шее, проводил длинным тонким пальцем по позвоночнику. Ахмет смеялся от щекотки – ему были приятны и непривычны заботливые прикосновения. Саша смеялся вместе с мальчиком, и это был их единственный пока способ общения, впрочем, вполне достаточный.

Как-то очень быстро мальчик научился понимать по-русски, а через год уже легко общался с Сашей и говорил почти без акцента. Какое же это было наслаждение – слушать Сашу, когда он рассказывал Ахмету о России, о своей невесте, о русском Боге. Никто никогда не нарушал их уединённых бесед, а к их дружбе относились снисходительно – мальчиком никто больше не интересовался.

Молитва Лилии:

«Я стараюсь изо всех сил, Господи. Весь год я каждое утро встаю с надеждой, а засыпаю в слезах. Молитва больше не утешает меня. Душа болит, теперь я поняла, что это значит. Боль осязаемая, физическая. Что мне делать? Если бы не госпиталь, не эти несчастные, испуганные мальчишки – кто без руки, кто без ноги, – моя боль уже сожгла бы меня изнутри. А мне приходится утешать. Кому я могу помочь? Что сказать им? Радуйтесь, что живы? Рассказать об отце Димитрии, о Саше? Рассказать о моей любви? О Твоей Любви? Прости меня, Господи, прости! Но я её не чувствую сейчас, мне кажется, Ты меня не слышишь. Дай силы, Господи. Дай хоть какое-нибудь утешение. Прошу Тебя!»

– Хочешь, я окрещу тебя? – спросил однажды Саша Ахмета. – Ведь ты уже так много знаешь о моей вере, а я стану твоим крёстным отцом.

Взгляд Саши был таким серьёзным и глубоким. Он говорил что-то ещё, но у мальчика от волнения шумело в ушах, и он понимал только, что Саша хочет стать его отцом, а для этого он, Ахмет, должен был надеть крест, как у Саши, и поверить в русского Бога. Но он и так уже давно в Него верил, и крестик у него был – нашёл его в траве незадолго до того, как Саша появился в посёлке. Он давно уже выучил все молитвы, которые Саша шептал по ночам, глядя на звёзды. Эти молитвы ещё больше сближали их. Ахмет очень боялся, что война закончится, придут русские и уведут от него Сашу. Поэтому просил русского Бога, чтобы этого никогда не произошло. Но Бог оказался много мудрее и рассудил по-другому: решил сделать Сашу его отцом, а значит, соединить навеки. Как же мог Ахмет не любить такого Бога всем сердцем и душой, почти так же, как и самого Сашу?

Накануне крестин весь вечер они просидели на берегу реки, было холодно, сгущались сумерки, и почему-то их обоих охватила тревога. Чтобы «встряхнуться» самому и немного развеселить мальчика, Саша принялся учить его делать кораблики из бумаги. Это оказалось весьма увлекательным делом, и Ахмет очень оживлённо, со здоровой детской беспечностью погрузился в новую игру, делал кораблик за корабликом и весело смеялся, пуская их в безнадежное путешествие по бурной реке. Ахмет был в те минуты абсолютно счастлив, как будто не было в его жизни ни войны, ни сиротства...

После того, как Саша, произнося молитвы и сияя потемневшими от волнения глазами, трижды погрузил его в ледяную воду реки, для Димки перестали существовать прежняя жизнь и родной аул, где его никто не любил. Он стал мечтать о России, о которой так

много слышал от Саши. А так как говорили они обычно по ночам, глядя в звёздное небо, то мальчику казалось, что Саша пришёл оттуда, и всё, о чём рассказывал он Димке, находится высоко-высоко, выше звёзд – и Бог, и Россия, там непобедимый богатырь Дмитрий Донской вместе с новопреставленным иереем Дмитрием воюет с падшими злыми ангелами за его, Димкину, душу. Там золотые купола с крестами, и широкая тихая река, и нежная девушка Лилия, и смешные добрые старики на большой веранде, и два дивных цветка, белый и красный, цветущие вместе лишь один день в году...

Молитва Лилии:

«Что это было? Я смеялась сегодня. Спасибо, ведь это знак от Тебя, правда, Господи? Не хочу никому рассказывать, только Тебе. Сначала было такое искушение: я подумала, что Тебя нет. Прости меня! Просто я проснулась ночью и подошла к окну. Сначала мне показалось, что все умерли. Да... так показалось. Было очень холодно, вьюжило, железная дверь подъезда хлопала, от фонаря шёл свет – мертвенный, зеленоватый. Страшно, одиноко. Никого. Ни Саши, ни родителей, ни Тебя – я одна. Как же это страшно, Господи. Потом я почувствовала: что-то происходит в мире, в небе. Какое-то движение, борьба. Я услышала внутри себя Сашин голос, как он молится обо мне. На душе потеплело. Подумала, если я не сошла с ума, значит, он жив. Жив! Ты слышал меня, Господи. Как я молилась, сначала своими словами, потом по молитвослову, как Саша говорил, а я не слушалась. Это же чудо, Господи! Спасибо Тебе!

А утром мы с родителями поехали на дачу – папа забыл там, в доме, какие-то инструменты. И тогда я увидела знак от Тебя, долгожданное утешение: в бочке для дождевой воды, на куске льда – бумажный кораблик, чистенький такой, сухой, как будто его только что бросили туда. Родители предположили, что какие-то дети были на участке. Но ведь на снегу не было никаких следов, только наши! Я не стала их разубеждать. Это только для меня, я поняла. Спасибо. Я смеялась, а мама с папой испугались. Саша жив, он молится по ночам, и я буду вместе с ним.

А кораблик я положила в молитвослов...»

Боясь пошевелиться, чтобы не разбудить спящего, теперь уже раба Божия Дмитрия, Саша думал о превратностях своей странной судьбы. Вернее, о непостижимости плана Господа о нём. Вот он ехал на войну, чтобы помогать нашим мальчишкам, оторванным от своих матерей, в большинстве своём ещё таким беспомощным. А получилось по-другому. Спас он только одного человека – чужого ему мальчика, сына врага. Но это выглядело теперь таким значительным. И ещё он надеялся, что спас от надругательства тело отца Дмитрия, когда, спрятав его в кустах так, чтобы оно не было видно с дороги, пошёл навстречу боевикам и оказал им сопротивление, без надежды остаться в живых. Но его не убили, оставили заниматься своим делом – лечить. Хотя понятно, что нужен он оказался Господу. Ради этого ребёнка, ради Лилии, ради матушки Юлии? «Ничего, потом разберёмся», – думал Саша.

Так же странно его «развернуло» уже не в первый раз. Что-то похожее с ним произошло в день, когда он впервые увидел Лилию.

Выпускник медицинского института, он помогал на приёмных экзаменах. Его считали подающим надежды врачом, учёным, настаивали на ординатуре, но у него уже сформировалось, как ему казалось, единственно верное решение: посвятить себя Богу и, скорее всего, стать монахом. Во время студенческой практики, многочисленных ночных дежурств в больницах, когда перед его глазами проходили сотни больных людей, которым очень часто невозможно было помочь, он всегда испытывал чувство своей ненужности. Он видел душевные язвы людей, и они бывали иногда такими страшными, так оскорбляли Бога, что телесные немощи больных казались благоухающими цветами по сравнению с этими язвами. Он видел, как суетятся больные, кто-то даже стоя на краю могилы. Саше

становилось страшно за них. И перспектива лечить людей, более всего нуждающихся в молитве, в помощи Господа и добровольно отказывающихся от неё, казалась невыносимой.

Он часто вспоминал свою неприкаянную, рано ушедшую из жизни мать, которую он так и не уберёг от самой себя – ей не смогли помочь ни врачи, ни его любовь. И в такие минуты ему хотелось убежать, скрыться, он находил успокоение только в молитве, но никогда не смел говорить о Боге с больными, так как боялся не найти единственно верные слова. Тогда он решил, что его путь – путь иного служения им: служения молитвой. Отец Димитрий, тоже ещё не имевший большого духовного опыта, всегда очень внимательно и напряжённо слушал Сашу, но советов не давал, а просил не торопиться с монашеством. А в тот день стало понятно, почему...

Молитва Лилии:

«Скажи, почему все ненавидят меня? Все, кроме папы, даже мама. А Ты, Ты любишь меня, Господи? Там, в госпитале, один майор. У него страшная депрессия. Был в плену. Никто не знает, что там с ним делали, что он пережил. Можно только догадываться. Он ни с кем не разговаривает. Его лечат от истощения, от последствий побоев. Он очень страдает. Страдает и молчит. Помогите ему, Господи. Все медсёстры как сума походили. Только о нём и говорят. Какой он красивый и почему к нему жена не едет. Выдумывают всякие глупости. И почему-то меня возненавидели – это как-то связано с Василием (так майора зовут). Может, потому, что он несколько раз просил меня посидеть с ним? А девчонки мне бойкот устроили: когда прихожу на дежурство, не здороваются, отворачиваются. Это больно, Господи. И несправедливо. Хотя они и раньше меня недолюбливали, просто я старалась не замечать...

А теперь почему-то обидно до слёз. Что мне делать? Где Саша? Как же я буду дальше без него? Я не могу, Господи, не могу. Помогите мне! Верни Сашу. Кораблик уже не утешает меня, я уже не верю, что это был знак от Тебя. Опять та же тоска. Я чувствую, как слабею, некому меня защитить – даже папа, любимый, надёжный папа кажется сейчас таким слабым и жалким. Я не умею молиться, Саша не смог научить меня. Однажды я видела, как он молится... Когда такое видишь, невозможно ничего говорить, хочется только, чтобы это никогда не кончалось. Я даже пожалела, что он не стал монахом. Ведь монахов на войну не берут? Что же это я? Неблагодарная, ведь это Твой дар мне, Господи! Незаслуженный. Наша с Сашей встреча – это чудо, которое произошло именно со мной! Верни его. Услышь меня, Господи, не оставляй, защити».

В тот день Саша быстро шёл по коридору института, в сторону аудитории, где его ждали в приёмной комиссии. Здание было старинное, много раз переживало перепланировки, внутри было всё как-то странно, запутанно, и первокурсники в самом начале своего пребывания в институте большую часть времени тратили на поиски нужной аудитории и не верили, что когда-нибудь разберутся в топографии этого здания. Эти первые недели были всегда самыми весёлыми: завязывалась дружба, выявлялись остроумцы, и обязательно кто-нибудь являлся в институт с компасом и бегал с ним по коридорам в поисках нужного направления.

Саша спешил, на ходу вспоминая первые дни своего студенчества, с симпатией поглядывал на абитуриентов, которые компаниями стояли у больших окон. Не похоже было, что кто-то из них сильно волновался – в большинстве своём это были хорошо подготовленные, уверенные в своих знаниях или в связях родителей молодые люди, знающие, чего хотят от жизни.

Против двери какого-то кабинета, в проёме окна, Саша увидел одинокий силуэт девушки и, за секунду до того, как успел разглядеть её, понял, что она – его судьба.

Мимо нельзя было проскочить, как нельзя проскочить мимо упавшего к твоим ногам пенца или хрустального шара. Она стояла одна, всем чужая, как, собственно, и он, Саша, – общий любимец и душа компаний, по-настоящему был чужд практически всем, с кем сталкивала его до сих пор жизнь. Он тогда даже не понял, красива ли она. Это было совсем неважно. Девушка стояла против света, и её лицо было непросто разглядеть, но Саша уже знал его черты во всех подробностях, как знают лица людей, знакомых с детства. Он знал, что глаза у неё серые, всегда чуть влажные, мерцающие, волосы тонкие, негустые и что если подойти к ней совсем близко, то обязательно услышишь едва уловимый запах полыни, что слова она произносит медленно, как бы обдумывая на ходу каждую мысль, и у неё прекрасная дикция и своя неповторимая манера говорить. Увидев Сашу, девушка вздрогнула и даже протянула к нему руки и была похожа в тот миг на тонкое молодое деревце, которое качнул ветер. Саша заговорил, задал ничего не значащие вопросы, выяснил, что ей, собственно, нужна другая аудитория. Потом проводил в другой конец здания. Шли молча, но это было легко, как с близким человеком. Ни о чём не договорившись, они расстались, а после экзамена он ждал её на улице. Она наконец представилась – и Саша не удивился: он как будто уже знал, что её зовут Лилия.

Молитва Лилии:

«Скоро четыре года, как его нет. На душе такая пустота, что даже страшно. А вдруг я разлюбила? Тогда зачем всё?»

В городе кто-то пустил слух, что Саша жив, давно вернулся в Россию, только живёт теперь в Москве и даже женился. Я вдруг увидела людей, какие они. Они страшные, Господи. Она радуется чужой боли, унижению. Мне кажется, что прохожие смеются мне в лицо. Это, конечно, бред. Батюшка говорит, что это искушение и чтобы я не верила себе. Говорит, что люди немощны, поэтому кажутся подлыми, и чтобы я молилась за них, особенно за тех, кто делает больше всего. А как же мне молиться за них, если я даже за Сашу уже не могу молиться? Просто думаю о нём всё время. Может, это уже только привычка – думать о нём? А вдруг, если он живой, то стал совсем другим, чужим, и если вернётся, то я его не узнаю? Ведь мы были знакомы всего полгода, а уже прошло четыре. И я для него, возможно, больше не существую? Может, мама права? Зачем я мучаю её? Она плачет, к экстрасенсам каким-то бегаёт. Если я выйду замуж, она станет прежней и будет счастлива.

Только если всё это правда – значит, Тебя нет, Господи».

В тот год цветы распустились один за другим, с небольшим интервалом, но против обыкновения продолжали стоять вместе и день, и два, и неделю... Михаил Матвеевич объяснял это меняющимися климатическими условиями. Лилия молчала, каждое утро бежала смотреть на красный цветок, и как-то по-новому стали светиться её глаза. А Елена Алексеевна ждала плохих вестей. Все эти годы она жила предчувствиями, ожиданием предзнаменований, причём исключительно дурных. Она очень постарела, осуждала дочь, что та махнула на себя рукой и ждёт неизвестно чего – все, кто был жив, уже вернулись или хотя бы дали о себе знать. Нет Саша – Елена Алексеевна это чувствовала, и одна женщина-экстрасенс ей то же самое сказала. А ей, Елене Алексеевне, хотелось свадьбы, внуков, общения и даже каких-нибудь несерьёзных ссор со свахой – в общем, нормальной человеческой жизни, как у других... Молчание Лилии, истязавшей себя учёбой и дежурствами в военном госпитале, убивало её. Да ещё надела на себя платочек, как старушка, каждую свободную минуту в церкви – то молится, то полы моет. Для этого, что ли, они с Мишей 20 лет её ждали, пестовали, себя не жалели. И вот дожили до старости: единственная дочь – монашка...

Елена Алексеевна даже попыталась однажды скандалить, но тут неожиданно проявил себя муж. Очень твёрдо её осадил, да и сама Елена Алексеевна, увидев глаза дочери,

отступилась. Но о всех случавшихся вокруг помолвках, свадьбах и крестинах сообщала домашним многозначительно и с упрёком.

Молитва Лилии:

«Ты есть, есть! Прости за маловерие, малодушие. Господи, Ты любишь, а остальное неважно.

Я причастилась по настоящю батюшки, я ведь уже полгода не исповедовалась и не причащалась. Какая это была исповедь! Я не успевала открыть рот, не успевала подумать, а Ты уже прощал, утешал. Мне кажется, я почти ничего не сказала, только плакала, и батюшка плакал вместе со мной. А потом было причастие. Ты открыл мне Себя. Таинственно. Я даже не понимаю, как это произошло. Конечно, я Тебя не видела, но я Тебя почувствовала. И это настолько сильно, что я не знаю, как мне нести Тебя в себе? Теперь я точно знаю, что Ты есть и Ты любишь. Мне даже страшно немного, как же можно ВЕРИТЬ, если ЗНАЕШЬ? Как благодарить? Потом, после литургии, я осталась в храме – чистить подсвечники. Просто не могла, не хотела уходить, боялась, что, выйдя на улицу, утрачу это острое чувство Твоего присутствия. Так вот, возле Твоей иконы что-то произошло. Я как будто «выключилась» на мгновение, а когда пришла в себя, то увидела, что лампадка легко раскачивается (наверное, я задела её головой, когда чистила подсвечник), а у меня руки сложены под благословение и в ладони немного масла. И ни одной капли не пролилось на пол. Я никому об этом говорить не буду. Я всё поняла. Смерти нет. Все живы. Если Саши нет здесь, на земле, это ничего не меняет. Твоя Любовь соединила нас, и я готова принять от Тебя всё.

...Наконец я решилась, Господи. Ты дал мне силы, и я пошла к Василию. Его скоро выписывают, и жена уже приехала за ним. Он даже не обрадовался ей, только посмотрел внимательно и отвернулся. Она очень страдает. Физически Василий здоров, но депрессия его не проходит, он по-прежнему молчит, только иногда просит меня посидеть с ним. Господи, как велика сила Твоя. Я же совсем не умею говорить, с трудом подбираю слова. Мы проговорили с Василием всю ночь. То есть я рассказывала, а он слушал – он сам так захотел. Слушал, не отрывая глаз от моего лица, а когда я замолкала, то сжимал мою ладонь, как испуганный ребёнок. Господи, это Ты говорил через меня – как это страшно и непостижимо. О чём я могла рассказать? В моей короткой жизни почти нет событий. Я говорила с Василием о Саше, об отце Димитрии и Юле, я рассказала о своей любви и тоске, которая так долго сжигала меня. Но на самом деле я рассказывала ему о Тебе. Речь моя была бедной, как всегда. Но почему-то было ощущение праздника, торжества и ликования, длившихся всю эту ночь. А под утро мы договорились, что я приведу к нему батюшку.

Василий уехал домой вместе с женой, после исповеди и причастия. Господи, не оставляй их!

Я совершенно счастлива, я знаю, зачем живу. Я живу для Тебя, я жду встречи с Сашей – здесь или в вечности.

Спасибо Тебе за всё».

Саша с Димкой вернулись раньше, чем завяли цветы. Самой счастливой и сильно помолодевшей выглядела Елена Алексеевна – к ней вернулось чувство правильности жизни и справедливости судьбы. Она даже сходила в церковь и поставила свечку. Лилия, напротив, как-то вся сразу обмякла, ослабла, даже поблекла – не было у неё сил ни смеяться, ни плакать от счастья. Она просто смотрела не отрываясь на Сашу и прижимала к своей груди Димкину нестриженую голову. Михаил Матвеевич чувствовал себя как мальчишка, встретивший вернувшегося из армии старшего брата. Лицо его просто светилось гордостью, и все стали замечать, что он стал как будто разговаривать сам с собой. Этот разговор, видимо, всегда заканчивался на оптимистической ноте, потому что

Михаил Матвеевич бодро взмахивал рукой и в глазах появлялось умиленное выражение. Он растерянно обводил глазами окружающих людей и предметы и возвращался в реальность, кажется, ещё более счастливую, чем та, в которой он только что пребывал.

Через пару недель после Сашиного с Димкой приезда устроили на даче праздник. Елена Алексеевна превзошла себя, наготовив много всего вкусного, и гости, наевшись и напившись, забыли повод, по которому собрались, и стали в конце вечера вдруг выкрикивать «Горько!» И молодые, включившись в игру, не возражали и сдержанно целовались, ко всеобщему удовольствию. И никто не знал, что прикасались эти двое друг к другу в первый раз в жизни...

Гости разошлись часов в десять, ещё было по-летнему светло, и Саша с Лилей пошли на речку посидеть на берегу. Они сидели обнявшись и молчали, а потом Саша увидел валявшийся на песке кем-то забытый журнал, вырвал страницу и сделал из неё кораблик. Пустил его по воде и, вспомнив что-то, повернулся к Лиле, чтобы рассказать. Но не успел, потому что она заговорила первой.

– Знаешь, я когда маленькой была, со мной странный случай произошёл. Тоже вот с корабликами бумажными связан. Мама тогда сильно болела. После пустяковой операции вдруг перитонит. Никто не надеялся, что выживет. Меня в деревню отправили к дальней родственнице, глухой какой-то старухе. Она не слишком мною интересовалась, слава Богу. Конечно, от меня скрывали, что мама умирает, но я как-то узнала – разговор, что ли, подслушала. Я всё время молчала и просила кого-то за маму. Теперь мне понятно, Кого, а тогда я о Нём ничего не знала, только чувствовала Его любовь к себе. Мне казалось, что если я отвлекусь – заиграюсь или буду с кем-то о пустяках разговаривать, – то мама сразу умрёт. А пока я о ней думаю и за неё прошу, этого не случится. Взрослые этот мой «уход в себя» тогда как-то смешно объяснили – будто я быка испугалась или гуся... Так вот, однажды я ушла на речку и легла на дно чьей-то лодки. Было жарко, томно, в общем, меня разморило, и я уснула, а когда проснулась, то увидела небо. Оно мне страшным показалось: пустое, почему-то бесцветное, плоское, как чистый лист бумаги... И вдруг подумалось, что мама умерла, пока я спала... Какую страшную тоску, пустоту я тогда ощутила, захотелось исчезнуть, уплыть куда-нибудь на этой лодке – в другое место, в другую жизнь, где, может, я найду маму. Не знаю, что это было, только я встала, чтобы отвязать лодку... И вдруг... яркие-яркие пятна на воде – плывут мимо разноцветные кораблики, такие живые, как будто чьё-то объяснение в любви. И я в тот миг поняла, что всё хорошо – мама жива! А на другой день за мной приехал счастливый папа и забрал меня домой... Ещё долго я чью-то добрую улыбку на себе чувствовала, и как я благодарна была!

Пока Лиля говорила, Саша, улыбаясь и как бы заново узнавая, смотрел на неё. А когда она закончила, ещё крепче прижал к себе. Они долго молчали, потом Лиля тихо сказала:

– Я думала о тебе даже во сне.

– Знаю.

Димка прибежал на речку, потому что соскучился – он не привык надолго расставаться с Сашей. Но, увидев его с Лилей, остановился, поняв, что не надо их сейчас беспокоить и отвлекать. Он удивился, что ему это совсем не больно – делить Сашу с Лилей. Димка чувствовал, какой огромной может стать душа человека, если он любит как Саша, как Лиля, как старый Шамиль, который помог им с Сашей спастись, уйти из посёлка.

Димка, так и не обнаружив себя, тихо пошёл назад, на дачу, где хозяйева вместе с оставшимися на ночь гостями весело мыли в тазах посуду, смеялись и обсуждали вполголоса, как прошёл праздник. Несмотря на длинный день, хлопоты, готовку-уборку, никто не устал, все чувствовали себя посвежевшими и обновлёнными. То ли дачный воздух способствовал этому, то ли обрушившееся уже почти нежданное счастье придало

новых жизненных сил, во всяком случае, никто не хотел спать и только искал повода, чтобы не расходиться.

Появление на веранде Димки было встречено бурной радостью – его снова начали тормошить, разглядывать и расспрашивать. Как ни странно, Димке это ужасно нравилось, ему были приятны внимание и искренняя заинтересованность. И на чей-то вопрос: «О чём это ты сейчас так задумался, когда шёл по саду? Мы видели, видели... Признавайся!» – мальчик охотно стал рассказывать о старом Шамиле, обо всём, что он знал о нём, и как он спас их с Сашей...

На рассвете Димка вдруг проснулся и увидел в проёме открытой двери фигуру старого Шамиля. Он был таким древним, что даже старики не помнили его хотя бы относительно молодым. Шамиль жил один – никого у него не было. Он похоронил всех своих детей и внуков, которые тоже успели состариться и уйти раньше деда. Многочисленные правнуки давно рассеялись по русским городам, никто из них уже не появлялся в родных местах. Шамиль ни с кем не разговаривал – сидел на своём пороге и думал о чём-то, уйдя в себя. Димка его не боялся, иногда присаживался рядом и рассматривал его коричневые в чёрных венах руки и посох, похожий на корень старого дерева. Шамиль иногда поворачивал голову к мальчику и, мельком взглянув на него, доставал что-нибудь из своей котомки и угощал. А иногда это было что-то несъедобное – какой-нибудь красивый камень или душистый корешок. Димка не удивлялся, брал и уходил, так как чувствовал, что пора идти.

Теперь Шамиль стоял, опершись на свой посох, и ждал. Димка разбудил Сашу. Шамиль жестом позвал их. Он был очень стар и весь согнут, но двигался на удивление быстро и вёл их, ничего не говоря. Димка сказал Саше, что никогда не слышал голоса Шамиля, но что ему можно довериться. Старик шёл одному ему известными тропами, шёл не оглядываясь. Иногда он останавливался и, дав попутчикам отдышаться, жестом показывал подъём или спуск, смотрел на взошедшее солнце, качал головой и продолжал путь. Через несколько часов он вывел Сашу с Димкой на дорогу, по которой медленно и устало двигалась российская автоколонна...

Димку слушали с большим интересом, восхищались Шамилем, пытались вычислить его точный возраст. Кто-то принёс чудом уцелевшую бутылку красного вина и предложил тост за здоровье Шамиля. Потом все заговорили о загадке кавказского долголетия, и эта тема оказалась такой увлекательной, что никто не заметил, как Димка уснул, свернувшись калачиком тут же, на веранде, на старом сундуке. Во сне он то хмурился, то счастливо улыбался.

Хмурился он оттого, что надоедали комары. А улыбался, потому что не было в ту ночь в дачном посёлке, в городе, а может, и во всём мире ребёнка, спящего более безмятежным и счастливым сном. Как старые сухие листья опадают с дерева, исчезло из Димкиной души всё, что происходило с ним до встречи с Сашей. И как маленькие упругие почки покрывают веточки дерева весной, так и Димкина повседневная жизнь начала с той ночи обрывать новыми – удивительными и радостными – подробностями.

Когда последняя машина скрылась за поворотом, Шамиль, постояв ещё немного, медленно отправился в обратный путь, хотя знал, что дороги ему не осилить. Действительно, через какое-то время старик почувствовал онемение в ногах и, дотащившись до ближайшей расщелины, устроился там. Он положил посох рядом с собой и, привалившись на большой камень, замер. Шамиль не думал о предстоящем

уходе, он давно уже жил между тем миром и этим. Здесь его ничего не держало, разве только необходимость помочь... Шамиль пытался представить, как доберутся эти двое – ребёнок и юноша – до своих и какая это будет радость. За свою невероятно долгую жизнь Шамиль понял, что чужих нет, поэтому всех нужно жалеть. Всё остальное ничего не стоило... Если бы люди рождались столетними... Старик сам удивлялся, как много он стал видеть и понимать. Например, с закрытыми глазами узнаёт людей: кому лучше бы не родиться на свет, а кто, как этот русский белоголовый юноша, несёт людям любовь. Такой была и его жена. Она умерла так давно, что Шамиль не мог вспомнить её лица, помнил только, что очень любил её, да и сейчас любит. Шамиль почувствовал, как немеют у него руки, и приоткрыл глаза. Было уже темно, в его укрытие заглядывали крупные звёзды. Как быстро прошёл этот день, последний и, пожалуй, самый счастливый за многие годы. Шамиль вздрогнул, ощутив на запястье знакомое, казалось, давно забытое тепло. Её ладони всегда были такими сухими и слишком горячими. От их случайного прикосновения он буквально обмер однажды. И всю их совместную жизнь даже мимолётное касание этих маленьких горячих ладоней волновало его. Когда жена умерла, её руки стали чужими – холодными. А теперь всё сначала? Смерти нет. Для Шамиля это не новость...

Похоронив мужа, Елена Алексеевна, вопреки ожиданиям, не раскисла, а восприняла это как ниспосланное Господом. Михаил Матвеевич умер от сердечного приступа, так и не увидев своего внука Матвея, который родился через три месяца после ухода бабушки. Это случилось осенью, на даче, где он мастерил для внука колыбельку. Его нашли стоящим на коленях, привалившимся к маленькой деревянной ладье, принявшей вскоре в своё тепло крошечное тельце долгожданного мальчика. В том, что муж умер солнечным осенним днём в саду, среди золотого вороха листьев и упавших ярко-красных яблок, которые не успевали в тот год собирать, Елена Алексеевна увидела глубокий смысл. Михаил Матвеевич прожил полную трудов и бесконечных забот о ближних жизнь. Он принял Елену наивной романтической девочкой с рук родителей и стал ей возлюбленным, братом и отцом одновременно. Они прожили вместе 45 лет и никогда не усомнились во взаимной преданности. И сейчас, после ухода мужа, она ежеминутно чувствовала его тепло и заботу. Он очень устал – перетрутился в последние годы, пока ждали Сашу. Терпел, старался всех утешить и казаться бодрым, а ведь был, в сущности, хрупким, болезненным человеком. Чтобы не раскиснуть, он, пока Елена Алексеевна бегала по гадалкам и экстрасенсам, стал единственным мужчиной и самым активным членом «Комитета солдатских матерей» и всё ходил по военкоматам, писал какие-то запросы, требования, почти всегда бестолковые, но очень искренние. Над ним даже насмеялись, но он как будто не замечал этого и, как умел, приближал возвращение Саши с Димкой.

К той прекрасной, возвышенной песне любви, которой и была вся его скромная и незначительная на чей-то взгляд жизнь, он ничего не мог уже добавить. И Господь принял его в свою колыбель с доброй улыбкой как прекрасное и чистое дитя.

Все, кто пришёл на похороны, потом вспоминали, какими они были. Говорили о Михаиле Матвеевиче как о живом, а отпевавший его батюшка почувствовал впервые в жизни, что молится о праведнике.

Елена Алексеевна по-новому увидела и поняла свою жизнь. Поняла, как полно одарил её Господь, как терпеливо ждал её прихода к Нему, как часто тогда, когда должен был наказать, в последний момент менял решение и утешал, мягко вразумлял и даже баловал. Позволил пробыть большую часть жизни в счастливом неведении о её безднах,

о степени человеческой низости, берёт от коварства, смягчал страх перед смертью. Позволил жить, зарывшись в добрые книжки в детской библиотеке, где она всю жизнь проработала. Дал верного мужа, чудесную дочь, единственную, на всю жизнь преданную подругу Анну, с которой и говорили-то исключительно о книгах и искусстве.

Елена Алексеевна так и не узнала о ещё одном даре Господа, который избавил её от осознания собственной значимости и привлекательности, и потому она всегда равнодушно проходила мимо зеркал, не замечала ни восхищённых, ни завистливых взглядов, жалела одинаково как любящих, так и ненавидящих её, и о людях всегда судила возвышенно и несколько по-книжному. Плохими люди бывают оттого, что не читали такой-то замечательной книжки, искренне считала Елена Алексеевна. До старости она оставалась немного инфантильной и чисто по-детски умела растворяться в других, легко, нисколько не думая о жертвенности.

Много лет назад она умирала от перитонита. Обколотая обезболивающими, она и тогда умудрялась сохранять свою беспечную доброту. И, увидев осунувшееся, заплаканное лицо мужа, каждый раз пыталась подняться с постели с криком: «Миша, ты болен? Признайся, что с тобой?» Врачи, устало и грустно улыбаясь, укладывали её на место и приходили к выводу, что у пациентки с психикой всё-таки что-то не так. И ещё удивлялись, как неотразимо обаятельна может быть женщина даже на смертном одре. А через полгода лечащий врач опубликовал в медицинском журнале нашумевшую статью, где описывал «чудесное» исцеление безнадежной больной, у которой процесс омертвления тканей вдруг остановился сам собой и началось стремительное выздоровление.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло пять лет. Елена Алексеевна с внуком и «молодыми» живёт теперь в деревне. Туда направили иерея Александра принять новый приход. Деревня не из самых бедных и глухих, однако церковь пришлось восстанавливать из руин. Сейчас уже почти всё готово, приехавшие из Подмосковья художники расписывают стены. Все они, бородатые и весёлые, целые дни проводят на лесах, задрав головы, обедают там же кефиром из картонных коробочек, а когда спускаются, выглядят совсем не уставшими. Для Елены Алексеевны это загадка, и она почти каждый день печёт пироги и угощает ими художников у себя дома, и обязательно кто-нибудь из них засыпает, уронив голову на руки, прямо за столом перед самоваром.

Елена Алексеевна поселилась отдельно от семьи дочери, «чтобы не мешать», правда, всё равно целые дни проводит в «батюшкином» доме – возится с внуком, стряпает.

Саша, то есть отец Александр, почти совсем не изменился, только немного возмужал, и русая борода ему очень идёт. Он быстро двигается, так как вечно куда-то торопится, глаза у него смеются, и, когда он ругает за что-то сына, тот его совсем не боится.

Лиля очень изменилась после рождения Матвея. Раздалась в бёдрах и плечах. Стала более уверенной. Но она по-прежнему молчалива, красива и грациозна. Матушка ловко управляет с хозяйством, чем очень удивляет и радуется свою маму. Одна только у неё печаль: пока не даёт Господь им с батюшкой больше деток.

Димка превратился в красивого серьёзного юношу, уже почти не верящего, что он не русский и что когда-то у него была другая семья. Он хорошо учится, мечтает поступить в семинарию, а пока помогает отцу Александру в алтаре. Он очень любит православное богослужение, церковь во время воскресной литургии кажется ему раем, и он никак не может понять, как русские люди могли столько лет жить рядом с разрушенным храмом.

Димка очень подружился с матушкой Юлией, вдовой отца Димитрия. Она часто приезжает в гости, останавливается в доме у Елены Алексеевны, которая уговаривает её перебраться к ним совсем. Юлия пока думает, в городе она учится иконописи, но через несколько лет, если благословит её духовник из В-ского монастыря, непременно переберётся. Но пока это только мечта.

А Матвей ни о чём не мечтает. Целыми днями он играет во дворе, бегает за курами и котами, дразнит козу. И, к ужасу начитанной Елены Алексеевны, наотрез отказывается учить буквы. Да и в церкви ведёт себя пока неважно. Во время литургии, когда видит вышедшего из алтаря отца Александра, всегда громко зовёт: «Папа! Папа!» Из всех служб предпочитает водосвятные молебны и, когда батюшка окропляет его святой водой, категорично требует: «Полей ещё!» Прихожан и отца Александра это веселит, а матушку Лилию и Елену Алексеевну очень огорчает. Матвей считается своевольным ребёнком, и в отце Александре, когда он размышляет о сыне, всегда врач борется со священником: он всё никак не может решить, нуждается ли мальчик во врачебной помощи или он им дан такой для смирения – уж больно всё в их жизни уютно да гладко.

Впрочем, есть один человек, которого Матвей слушается беспрекословно и за которым готов идти хоть на край света. Это брат Димка. Иногда он берёт крохотную руку Матвея в свою – смуглую, похожую на руку скрипача, и ведёт мальчика гулять за село, куда-нибудь в поле. Матвей готов идти с Димкой без усталости сколько угодно. Он даже и говорить тогда не хочет. Идёт молча и блаженствует. И все, кто видит их вместе, удивляются неувловимому сходству – в посадке головы, форме глаз и даже в какой-то особенной, лёгкой и пружинящей походке.

А сад живёт собственной жизнью за старым забором и запертой наглухо калиткой. Рассыхаются потихоньку дубовые столы на верандах, зарастают травой цветы. Яблони всё больше становятся похожими на сказочные лесные существа, воздевшие свои руки в небеса. Елена Алексеевна задумала было продать дачу, но, когда привела на участок покупателей, к своему ужасу, увидела через стекло веранды сидящего за столом Михаила Матвеевича, который с упрёком смотрел на неё. Она поняла, что продавать дачу нельзя, и, слава Богу, покупатели явно не воодушевились: недоуменно переглядывались, не понимая, за что, собственно, заломили такую цену? И когда попросились, не обещали даже перезвонить. Елена Алексеевна тогда облегчённо вздохнула и попыток продать дачу больше не предпринимала...

Она с семьёй приезжает сюда раз в году – осенью, в день памяти Михаила Матвеевича. Приглашают немногочисленных друзей, вместе обедают, собирают яблоки, жгут листья. Елена Алексеевна всегда удивляется, что такие старые яблони по-прежнему обильно плодоносят, хотя за ними давно никто не ухаживает. А что происходит теперь с лилией и алым цветком на краю участка, где он незаметно переходит в лес, никто сказать не может. Ведь расцветают они летом, а это самая горячая пора строительства храма, и уезжать из деревни хотя бы на день нет никакой возможности. Но кто знает, может, Бог даст, на будущий год они всё-таки соберутся...

«МОЯ СУДЬБА ОСТАЛАСЬ МЕЖДУ СТРОК»

О ПОЭТЕ АЛЕКСАНДРЕ ПРОКОФЬЕВЕ

Ему было непросто жить и писать, как сказал его друг Владимир Бахтин, тоже студент филфака сороковых годов. Он вспоминает Саню Прокофьева как автора множества экспромтов и эпиграмм, разнообразных по тематике, очень ленинградских по духу, сочинителя весёлых и ироничных песен. Его отец – Александр Андреевич Прокофьев, классик советской поэзии, поэтому Александр Александрович Прокофьев, коего природа также не обделила поэтическим талантом, взял псевдоним Андреев, в честь деда, дабы не оказаться в тени отца в сознании читателей.

Поэт Вадим Шефнер вспоминал, что стихи А. Андреева запоминались сразу. Небольшие сборники и журнальные публикации стихов вызывали добрые отклики и любителей поэзии, и критиков. А сам А. Андреев замечал в стихотворении «Желание»:

*И ещё хочу,
Чтоб вечерами,
Не теперь,
Так в будущем году,
Всё же
По возможности стихами
Говорила молодость в саду!*

Александр Андреев был, как пишет В. Бахтин, добрым, ласковым и умным человеком, неприятзательным и скромным. Он мог отказаться от многого в жизни – только не от дружбы, не от друзей.

*Я тысячу раз проходил под дождями,
Я тысячу раз расставался с друзьями,
Мне тысячу писем они написали
И тысячу раз обо мне вспоминали.
Но тысячу раз, что забыт, мне казалось,
И тысячу раз моё сердце сжималось.
Есть тысяча споров, ещё не решённых,
Есть тысяча дел, мною не завершённых,
И тысячу раз утешался: успею!*

Не успел! Поэт скончался внезапно 10 января 1960 года на 37-м году жизни. Добрый, разносторонне образованный (написал диссертацию, но не стал её защищать), он жил стихами и для стихов. Печататься не спешил, поэтому выпустил в 1959 году только один сборник – «Звезда поколений». Через два года после его смерти друзья издали вторую его книгу – «Солнце Ленинграда». Его отец посвятил памяти сына стихотворение «Сыну», поэт Пётр Кобраков – стихотворение «Другу», Николай Браун – «Памяти друга», в котором в память о любви Андреева к цветам Браун написал:

*Сердцам живых трубит он, не стихая,
Что близок день его живой мечты,
Что расцветут, смеясь, благоухая,*

По всей земле цветы, цветы, цветы.

Александр Андреев посетил Саратов в 1946 году со своей молодой женой Еленой Михайловной Прокофьевой (Янкиной по отцу), моей сестрой. В Ленинград она приехала вместе с Ленинградским университетом, который в годы войны до окончания блокады находился в Саратове. Молодой муж Елены был представлен всем членам нашей большой и дружной семьи. Изящный, деликатный юноша был особенно почтителен с нашим дедом Сергеем Гавриловичем и бабушкой Ксенией Григорьевной. Дед беззаветно любил свою жену, нашу бабушку. Эту любовь он сохранил до последнего часа своей жизни. Дед и бабушка были верующими людьми. И всё это уловила Санина поэтическая душа. В его глазах было такое искреннее почтение, что даже я, по сути, ещё ребёнок, почувствовала это. В моей душе дрогнула какая-то струна, до сих пор звучащая при воспоминании о нём и при чтении его стихов. Я с восхищением взирала на влюблённых молодых людей, и Саня это заметил. Прощаясь, уже на пороге он уважительно обратился ко мне со словами: «У тебя есть друзья?» Я растерянно молчала, едва сдерживая слёзы. «Если тебя кто-то обидит, – сказал он, – позвони мне, я приеду и помогу тебе».

Всю жизнь эти слова – первые строчки о любви – звучат в моей душе! Они определили и мою личную жизнь. Я рано вышла замуж за мальчика, который не уставая читал мне стихи Есенина. Это Саня заронил в мою душу поэтическое восприятие мира, его красоты, и я получила в дар от любящего человека такие стихотворные строчки:

*Ты мне нужна на все века, на все года,
Что нам дожить, доцеловать осталось...
... ..
Тебя я Россией своей называл.*

Моей сестре Елене выпало счастье быть любимой поэтом. Он посвятил ей прекрасные стихи, в которых звучит музыка его души:

*Я слов не нашёл, столько света
Вдруг сердце моё обожгло!
Пусть музыка скажет об этом,
Когда говорить тяжело.
Щемящая фраза Шопена
Рождается скрипками вновь.
Вот так же ко мне постепенно
Пришла этим летом любовь.*

Венцом их любви стал сын Михаил. Отец успел сказать сыну: «В добрый путь!», стихотворением «Август» провожая «в первый раз в первый класс».

Жизнь в середине XX века была непростой, особенно для творческих личностей, когда цивилизация освобождала нас от духовных забот, оставляя только заботу потребительской изощрённости. Александр Андреевич Прокофьев говорил своему другу, писателю Всеволоду Александровичу Рождественскому: «Пишу о России. Славлю её и пою, а иначе мне жизнь не в жизнь!» Его сын шёл своей дорогой: стихи и журналистика стали его судьбой.

*Ой, в сумерки настезь открытые двери
И белые ниточки первых седин...
И нет мне покоя, и нет тебе счастья,*

*И нет ни тебя, ни меня.
Только сын.*

В стихотворении «Сыну» А. Андреев пишет:

*Моя судьба осталась между строк,
Твоя – среди других судеб России.*

Думаю, что все, кто возьмёт в руки стихи Александра Андреева, почувствуют магию его стихов:

*Ничем – ни угрозой, ни лестью,
Ни сроком – себя не лови.
Любовь начинается с песни,
А песня – начало любви.*

Я согласна с мнением ленинградской поэтессы и критика Елены Всеволодовны Невзглядовой, что лирика – разговор поэта с самим собой, со своей душой, с Богом, и поэтому надеюсь, что Господь будет милостив к душе поэта, явившейся так неожиданно пред Ним.

Людмила Михайловна Антипина-Белецкая

Александр АНДРЕЕВ

ВЕЛИКО МГНОВЕНЬЕ НА ЗЕМЛЕ!

ЛАСТОЧКА

Или заветное слово промолвлено...
Круто скользнула
На узком крыле
Быстрая ласточка –
Чёрная молния, –
Бросилась с неба
К весенней земле.

Что же ей там,
За полями, долинами –
Яблонь и вишен
Цветенье в садах?
Синее небо
Такое пустынное,
Ветер – и тот

Ходит в нём не всегда.

Долю свою оставляет,
Не жалко ей,
Видно, уж так
На веку суждено!
Сердце велело,
Тревожное, жаркое, –
Было у самого солнца оно.

Было!
И с новой надеждой и силою,
Майских дорог
Перейдя колеи,
Я ожидаю тебя,
Чернокрылая,
Прямо в простёртые руки мои.

Не оттого, что ты стройна,
Что взгляд лучистый твой,
А оттого, что ты одна –
На свете нет другой.

Не оттого, что весела,
Что не встречал светлей,
А оттого, что ты пришла
Совсем к судьбе моей.

Не оттого, что ты добра,
Тебя сердечней нет,
А оттого, что по утрам
Один для нас рассвет.

Не оттого, что мы друзья
Навек, а не на час,
А оттого, что спорил я
С тобою столько раз.

И убеждал, и обижал,
И угрожал уйти,
Бывал не прав и прав бывал
И говорил: «Прости!»

Мне всех причин не перечить –
Для сердца моего
Какая есть, какая есть –
Дороже ты всего!

Я чаще всего вспоминаю в разлуке
Не первый весёлый и трудный наш год,

А эти дрожащие, скорбные руки
И горем искривленный, плачущий рот.

А я на ходу говорю торопливо
Не то, что ты просишь, не то, что ты ждёшь,
Жестокий, счастливый, нетерпеливый,
Жалеющий зависть и верящий в ложь.

Ой, в сумерки настезь открытые двери
И белые ниточки первых сединок.
И нет мне покоя, и нет тебе счастья,
И нет ни тебя, ни меня.
Только сын.

МАТРЁШКА

Январский день. Суровая бомбёжка,
И надо срочно разбирать завал.
Тогда голубоглазую матрёшку
Я в кирпичках разбитых отыскал.

Она в лицо мне пристально глядела,
Летел снежок в кудель её кудрей.
А где ж её хозяйка, та, что пела,
Картавя, колыбельные над ней?

«А где ж её хозяйка, что с ней случилось?» –
Чуть шелестел седой морозный прах,
И солнце, вдруг померкнув, расплывалось
В моих бессонных и сухих глазах.

Ой, памятные горькие дорожки
На ленинградской дорогой земле!
Тебе не скучно, старый друг матрёшка,
Дремать под лампой на моём столе?

Зимой так тихо вечерами дома,
Ворчит лишь в кухне сонная вода...
Уж мы семнадцать лет с тобой знакомы,
А ты почти такая, как тогда.

Январь, январь! Окно заиндевело,
Огонь печной мурлычет нам в трубе.
А где ж твоя хозяйка, та, что пела,
Картавя, колыбельные тебе?

ТИХВИН

Тихвин, Тихвин!
Тихий час закатный,
Красные рябинки
Вдоль дорог.
Кто бы мог

Назвать тебя заштатным,
Скрытый под листвою городок?
Под листвой
Кленовой, тополиной
Возле стен седых
Монастыря...
Тихвин, Тихвин,
Песенный, старинный,
Или тихим назван ты не зря?
Тихой речки
Серебрятся воды,
Уплывают вдаль,
В поля, в леса,
Но друг другу
Подают заводы
С берега на берег
Голоса.
И в лазури,
Тучами не скрытой,
Зародясь над самой головой,
На землю слетает басовито
Гул дорог небесных
Громовой.
Где же здесь покой?
Спускаясь низко,
Край тропинки золотит закат.
Под звездой простого обелиска
В тишине бессмертья
Спит солдат.
Он ломал
Второй замок блокады,
Он отвёл на этих берегах
Рвущиеся к сердцу Ленинграда
Грозные дивизии врага.

ПОЭЗИЯ

Темнота. Даже тихо,
Когда бы не радио.
Шёл района обстрел,
Метроном лихорадило.

Мы сидели втроём,
Догорала свеча,
Мы сидели прижавшись,
Плечо у плеча.

Было холодно –
Мы прижимались тесно,
Было голодно –
Вспоминали светлые песни.

Темнота. Мы читали

Стихи наизусть,
Нам любви открывалась
Прекрасная грусть.

Незнакомка. Мгновенье,
Где Глинка и Пушкин,
Смерть и Девушка встретились
Возле опушки.

Зайцы в лодке
У старого деда Мазая,
И весна, что придёт,
Без конца и без края.

Шёл обстрел.
И трясла метроном малярия.
И в четыре прийти
Обещала Мария...

Счастье, счастье!
Увидим – глаза не зажмурим.
Комитет комсомола.
Мы трое дежуриим.

МГНОВЕНЬЕ

Ты пока строку мою читал,
Вот что было: плавился металл,
Шёл садовник в тихие сады,
Школьники садились за урок,
Где-то тронул гармонист лады,
Где-то полисмен нажал курок.
Кто-то «я люблю тебя» сказал,
А кому-то горе жгло глаза.
Где-то сыну песню пела мать,
Где-то приказали: «Расстрелять!»
Запевали конники в седле,
Задыхался человек в петле,
Рукопись лежала на столе...
Велико мгновенье на Земле!

Мне не расстаться, не проститься
С высокой, стройной, золотой,
И мне под утро песня снится
Кленовой трепетной листвою.

А там, за песнею, дороги,
Они прекрасны и щедры,
И снова падают под ноги
Цвета, и листья, и миры.

Светлана ГОЛУБЕВА

Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле.

Автор книг «Капельки» (сказки, миниатюры), «Вера» (повести, рассказы, сказки), «Ветра и птицы» (стихи), «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» (сказочная повесть) – последняя в соавторстве с Е. Машуковой.

Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник», «Аргатак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др.

Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014).

МИЛЬКА

1

Она напоминает о себе, шевеля моё плечо тёплыми плисовыми губами.

Улыбаясь, выхожу из лабиринта воспоминаний. Реальность тут же заявляет о себе писклявым скулежом комаров. Пора домой. Мягко похлопываю любимицу по морде и всё ещё медлю.

Сколько мы сегодня проскакали? Да и прожили немало. Нынче Кармелита – степенная матрона, знающая себе цену, а когда-то была то Карма, то Карамелька. Имя молодой кобылке досталось длинное. Для дурашливого, брыкливого характера подошло бы что-то короткое.

«Карму» отрунули – не роковая ведь цыганка. «Карамелька» – весело, но продолговато. Так что – Милька. Милашка, милая. «Кармелита» пусть остаётся в паспорте.

Знала б ты, моя пегая животинка, что наша дружба обозначилась задолго до встречи, начавшись в смутном наследном прошлом, с прапрадедовой страсти к вороним, гнедым, каурим. Не обнаруживаясь ни в ком, по спиралям хромосом прадеда, бабки, матери она мельчайшей сцепкой-геномом пробралась в характер моей дочери.

Но не моя – другая девочка, с которой все в детском саду желали дружбы, увлекла малышей «лошадничеством». Ради её внимания ребятишки дёргали мам в магазинах игрушек возле плюшевых скакунов со сказочными гривами. Арина, дочь, тоже. Но лишь у неё одной увлечение переродилось в кровный интерес к этим неземным животным, в мечту, отдушину, судьбу.

Нашу квартирку заполнили лошади: игрушки, поделки, рисунки, книги, фотографии и фильмы.

Мы горевали о томпсоновском мустанге-иноходце, радовались за мультяшного Чёрного Красавца, строили из кубиков денники пластмассовым Ветерку и Ласточке. С попустительства папы Лёши тратили деньги на катания в городском конном дворе. Конюшни с выездковым плацем (проще говоря, загоном) прилегали к центральному парку неподалёку от нашей девятиэтажки. Аринину одержимость заметили, позвали девочку учиться верховой езде. Ей тогда не исполнилось шести – маловато для сомнений и в пору для безоглядной радости. Поговорив с мужем, на следующий же день я повела малышку на первое занятие.

Ещё не было всеобщего круженья листвы, тяжеловесности неба с пронзительным солнцем, но утренний неуют уже слегка отдавал грустью Вивальди. Взявшись за руки, мы вприпрыжку неслись по метёным, чуть прихваченным золотцой аллеям, манившим к киоскам со сладостями, аттракционам, но ни карусели, ни мороженое не могли сбить Арину с пути.

Конный двор щедро окружил нас густыми запахами, нечеловеческим теплом, незнакомой суетой. Седлали как раз Мильку. Так и встретились.

Никаких предчувствий судьбинной важности не явилось – то осознаешь позже, за ворохом событий, прокручивая память назад. А тогда мечта была самая немудрёная: поладить с животным, научиться понимать да просто почувствовать иное божье создание.

Из денников смотрели лошади. Мы неуклюже навязывали им ласки: гладили по носам, глупо сюсюкали и умилялись каждому их порыву.

Возле нас выросла невзрачная личность с бесформенной фамилией.

– Приходько. Ваш тренер-инструктор.

Всё. Будто говорить сверх того неучтиво.

Здесь работали и другие. Например, Наталья Павловна, тоже тренер. Если бесцветность Приходько не рождала интереса, то и о Наталье Павловне спрашивать почти нечего, но как раз потому, что с нею всё ясно. Она ходила в крагах, шлеме, а не в круглой шапочке по глаза. Частенько, по крайней мере, в дни наших занятий, к ней прибегали два мальчика, её копии. Она чмокала сыновей, подсчитывая, чтоб поцелуев доставалось поровну.

Дополняло их с Приходько разницу отношение окружающих. Для Натальи у мужчин всегда находилась безобидная шутка, а у женщин – совет и забота. С Приходько все были равно почтительны. Никто вольностей себе не позволял.

2

Милька обладала слабым ходом и слыла строптивой кобыленцией, чей дурной характер объяснялся как угодно: межсезоньем с беспокойной линькой, жарким летом, холодной зимой, слишком суровыми прежними владельцами и мягковатыми нынешними. На опасные козни лошадь не отваживалась – сбивала с толку, пугала неопытных наездников лёгкой вредностью.

При крепости стати её узковатая морда смотрелась изящной и всегда что-нибудь выказывала. По взгляду, движенью ноздрей, ушей окружающие понимали или всего лишь худо-бедно истолковывали коняшкин настрой. По ним же и по неизбывному своему превосходству люди верно или ошибочно наделяли животинку не лучшими чертами характера.

К серьёзным победам на ней не готовили, давали начальные уроки и катали желающих. Инструкторы хвалили её мягкую рысь, которой и на которой легко обучать детей (правда, те охотней выбирали более покладистых лошадок).

Глянув на восторженно онемевшую и уже влюблённую Арину, Милька раздула ноздри воронками, глянула надменным глазом, однако позволила малышке сесть верхом.

Ученье пошло в гору. Лошадь, казалось, слушается с полукосновенья. Новоявленная спортсменка прилежно выполняла посадку, посыл, повороты. Я изумлялась скорым успехам. Отношение наставника к тренировкам оставалось загадкой, и в лице, интонациях ничего не прочитывалось.

Держа спину, раздумываясь, наездница поглядывала на меня серьёзными глазами, из которых едва не солнечными зайчиками брызгало неумело скрытое счастье. Приятная лёгкость уроков умиротворяла, баюкала. Полагаясь на покорную партнёршу, девочка могла раз-другой зевнуть в сторону.

Такую-то прохладцу и караулила каверзная напарница: плясанула боком, попятилась и рванула галопом.

– Натягивай повод! – нёсся вдогонку напрасный крик Приходько.

Всадница выпала под переднее копыто. Милька сдала назад, замялась, словно опомнилась, перескочив ребёнка, порысила к конюшне.

Дочь брела ко мне, вытирая рукавом измазанное личико. Она плакала не от боли – от обманутых чувств. Бедняжка успела поверить, что животное из всех детей предпочло дружить именно с ней.

Лошадь же, для виду подчиняясь ременным узам, не давала крепнуть чуть наметившимся тенётам ребячьей воли. Как опытный разведчик, она по-своему изучила новичка, поняла слабинку, подыграла и показала норы.

3

С того случая Арина заробела. Не говорила о страхе прямо, но перед занятиями то оживлялась, то стихала, словно запираясь изнутри.

– Интересно, какое настроение у Мильки? – загодя беспокоилась она.

– Останемся дома?

– Нет, пойдём, пойдём! – упрашивала дочь.

Мы шли в конюшню.

По дороге малышка смотрела перед собой, сводила и разводила бровки. Видно, пыталась собрать душевные силёнки для очередной встречи с коварной любимицей. Не выходило. Рывок головой, внезапная остановка, ускоренный ход лошади заставляли девочку бросать поводья. Занятия беднели достижениями и наконец опустели, словно ноябрьское дерево.

Облокотившись на изгородь, я следила за понурой троицей. Вдоль плаца шагала Милька, ведомая тренером. В седле качающимся вопросиком грустила дочь.

Обрывочно долетавший разговор был в общем понятен: при всех трудностях безопасней поводья натягивать, а не бросать. Девочка понимала, но не находила сил выполнить.

Пегашка продолжала чудить. Случалось, хлыст готовился покарать её за выкрутасы. Тут несчастная ученица словно пробуждалась от безнадёги, предостерегающе вскидывалась.

– Не надо, пожалуйста, – скорым речитативом просила она, одолевая страх, пыталась править, выполнять урочное.

Но лёгонькая испуганная малышка наездницей, по-Милькиному, не считалась. Своенравная лошадка вольно прохаживалась, таская на спине невеликое бремя. Арина сидела опустив руки.

Закончилась осень. Оправдывая календарь, снег выпал первого декабря и, вопреки примете, остался лежать.

Мы всё ещё ходили на верховую езду, не чая подвижек. Можно было б заниматься на Гриньке, Малыше, но девочка боялась и тех. Впрочем, они часто бывали заняты. Ей, как всегда, доставался «злой гений» Милька.

День, когда дочь взяла поводья, всё ж наступил. Правда, держала она ременное правило еле-еле, так что лошадь всё равно не чувствовала человеческой воли. Нехотя повинаясь толчкам ребячьих ступней, кобылка двинулась по большому овалу – тропе, бетонно вкопиченной в плац (снег не успевал скрывать её – за день наезжали снова). Устала шалунья или не скумекала ещё новой каверзы, но шла смиренно. Упражнений незадачливой паре не дали: пусть наездница пока на шагу робость одолевает.

Наставники (Приходько и Наталья Павловна) стали около меня. Затеялась беседа о страхах. Из-за дочкиных неудач тема саднила, я увлеклась, отстранившись от того, что вижу. А происходило такое.

Милька с Ариной на холке вдруг пошла малышиными кругами-вольтами и, тихо ступая, нюхала снег. Двое моих собеседников за секунду оказались возле них и выдернули всадницу из стремян. Пегашка опустилась на колени и стала заваливаться. Рухнув, блаженно потёрлась боком о снег (седло мешало перекинуться через хребет).

Девочка не успела испугаться, но с верховой ездой надо было решать.

4

Чтоб притупилась острота переживаний и, быть может, чтоб осознать безнадёжность тренировок, решили прерваться недели на две. Но конный двор нас не потерял. Мы ходили

в любое выкроенное время. Арина не ездила верхом и не выказывала охоты к тому, зато помогала чистить, седлать, прогуливать лошадей.

Взявшись за прутья ограды, она смотрела, как её любимица каталась в снегу, вскидывая задние ноги, фыркала смешно, ребячливо выражала удовольствие. Взмётывая чёрные сполохи гривы, она носилась по узкой леваде и вышвыривала пропечатанные подковами комья снега.

Порой мы забегали всего на минуту, с угощением. Милька, строптивица, чем только не покупали мы твоё благоволение! С рук кормили морковкой, яблоками, печеньем. Ласково ворковали, вздымая ладони в желании погладить, обнять. Ты принимала подарки с высокомерным равнодушием, отдёргивалась, не желая прикосновений...

– «Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды...»

Дочитав сказку до середины, я отложила книгу и посмотрела на дочь.

Ввернувшись в одеяло, как ручейник в узкий подводный домик, Арина слушала бесшумно. Взгляд её колебался, как налитый паром воздух, становился отстранённым. Не со мной, не в книжной истории, но где он блуждал? Может, уже в сновиденьях?

Девочка почувствовала мой взгляд.

– Хоть бы её не били за плохую работу. Не может же лошадь быть виноватее человека, – произнесла она, поворачиваясь на бок.

Она не хотела дальше говорить или не могла. Поцеловав её в висок, я выключила свет.

После новогодних каникул город накрыли морозы, вслед за ними – гриппозная зараза. Школы, кружки и секции позакрывали. Наш «отпуск» затянулся.

5

Ещё знобкие дули ветры и мело, но весна близилась: воздух уже звенел. Арина запросилась к коням не просто, а ездить.

Наша «злодейка» оказалась занята. Дочери вывели Малыша, но не то что выполнить «восьмёрку» – просто проехаться метров пять не получилось. Издёргалась, взмокла, а конёк ни с места. Переминался, как двоечник у доски, весело косясь на людей, стоящих поблизости.

– Хорош, – брошенное инструктором камень-словечко со смыслом «хватит» прервало наконец тщетные усилия.

У ограды образовался хмурый круг: наставник, я, усталая Арина подвела Малыша. Все пока молчали, следя за пируэтами сухой былинки в пальцах Приходько. Погодя прибавилось Милькино трио, отработавшее не лучше.

Злокозненная кобылка лягалась, пятилась в угол, не хотела выходить. Избоявшийся мальчуган – её сегодняшний наездник – канючил:

– Наталья Павловна, я в четверг на Малыше буду, ладно?

– Посмотрим, – уклончиво отвечала та. – Ты должен уметь управлять разными характерами.

Милька потянулась к Ариной шапочке, жевнула помпон, будто напомнила о знакомстве.

– Попробуешь? – оба инструктора хором окликнули девочку, заметив порыв животного.

Та вместо ответа флажком взметнулась в стремени, и...

До сих пор не понимаю, как она отважилась? Как момент решимости ускользнул от моего внимания? Казалось, вижу страх, примирение с неудачей, глупую ребяческую поспешность, а значит, и грядущее разочарование. Вышло иначе.

Девочка быстро выбрала поводья, тиснула бока лошади. Та тронулась в шаг, потом в рысь, пошла, пошла... Да как!

Я впервые увидела воспетую в степных песнях красоту, не освятившую (увы!) моё детство, ту, что являют, но обездушивают спортивные телеканалы и в которую отчасти

позволяет вчувствоваться лишь великая литература: красоту взаимослитости лошади и всадника.

Когда они поняли друг друга так, словно Бог создал их единым выдохом?

Ровной, музыкально размеренной рыси вторила, привставая в стременах, верно уловившая ритм фигурка. Арина сидела прямо, словно выклюнувшийся росток, на всю спину, и в то же время вольно, опустив плечи, едва заметно повелевая партнёршей.

Я оглянулась на тренера и увидела выпяченную губу, приподнятые брови – так не скорые на оценку, ко всему привыкшие люди порой выражают удивление.

Всадница подгарцевала ближе, не улыбаясь, но лучась спокойным торжеством. Только костяшки пальцев белели. Потом я часто видела зеленоватую белизну её суставов. И искусанные губы.

С того дня не то чтобы ученье наладилось – оно налаживалось, только уже через приложение воли. Кобылка по обыкновению упрямылась, капризничала, но Арина не сдавалась. По правде говоря, их с Милькой соперничество (кто кого укротит) устраивало всех, особенно детей: им не доставалась баламутная лошадка.

6

Одно дело, когда любимые рядом и ты уверен: так будет всегда. Это тонкое, экономное счастье, потому что ему предстоит целая жизнь.

Совсем иными глазами смотришь на дорогое существо, когда знаешь, что ему вот-вот гибель. Сгущённая в малом времени привязанность кинжально обостряется, растёт и ранит сильнее с каждым днём.

Ах, Милька, смогла б я прикипеть к тебе так же сильно, как дочь, если б не это?

Телефонный сигнал влез в семейную тишину позднего вечера, когда Арина уже спала. И к лучшему.

В трубке заворчался сипловатый голос тренера:

– Здорово. Ходит слушок... – Тут вклинилась пауза, словно новость немного пожевали. – ...Нашу врединку планируют в расход. Ветеринар сказал, ноги. Месяца два – и каюк, свезут на бойню.

В кухню вошёл Лёша с полотенцем на голове.

– Что случилось? – спросил, подсаживаясь на диван.

Я рассказала.

Муж примолк, потом хлопнул ладонями по коленям.

– Так... Арине ни слова! Надо встретиться с владельцем коней и выкупить осуждённую на казнь. Не думаю, что сдать на мясо выгодней, чем продать. Куда нам её потом деть – вот загвоздка. А у меня всего четыре дня, – сказал он, взглянул на часы. – Уже три.

Лёша – сельхозавиатор, то есть полевой лётчик. Он редко бывает дома, разве лишь зимой. А шёл август, и редчайшие выходные удачно выдались как раз нынче. Потом пропадёт ещё на месяц – и так до холодов. Куда только не посылали его зелёный «Ан-2» опылять, опрыскивать «полезными ядами» будущую еду!

Наутро в конный двор двинулись втроём.

Оставив Арину в конюшне, первым делом разыскали Приходько, рассказали, с чем явились.

– Пойдём вместе, – следовало постановление. – Семён Семёныч захочет слушать больше проплаченного, а я не дам.

– Анекдотическое имя. Что он за человек? – спросила я.

О владельце двора узнали немного.

– Когда-то, в свою тренерскую бытность, он отомстил опрокинувшему его скакуну: загнал насмерть. Виновника уволили, но и только. Ныне в одноэтажных кварталах города он держит пивные киоски и эту лошадную забаву.

В низкой, с огромными окнами конторе – дирекции парка – нас встретил мужичок на «...ват»: лысоват, молодцеват, хитроват. С беглым взглядом. Дело понял с полуслова, пригласил в кабинет.

В безнадежно пустой комнате (видно, временка; штаб-квартира в другом месте) он уселся в кресло (поёрзал, отыскивая удобство) за старомодный канцелярский стол. Плавником больнично чистой ладони указал на стулья вдоль стен. Мы притянули сиденья к торцам стола, тренер – напротив начальства.

Хозяин потёр руки. Взгляд его неумовимо изменился, стал ввёртливым как шуруп, и началось. Потянулись дипломатические беседы, обернувшиеся вскоре торгашескими препирательствами. Обсуждали не только покупку, но и возможность подержать лошадку на дворике, пока не найдём ей место. За постой заламывалось что-то несусветное. Душа томилась несказанно. Удерживало только желание спасти животинку. Удобных для гордыни сумм не водилось, и мы нажимали на своё. Впрочем, не я с Лёшей.

Широко опершись на стол, Семён и Приходько (за всю нашу компанию), нависнув над полированным полем брани, выдавали друг другу обоюдоострые угрозы.

В конце концов, по ценам сошлись. Покупку отложили.

– Ну, до встречи через две недели? – уточнил муж. – Я к тому времени привезу недостающую сумму.

– Бог с вами. Но о постое ещё поговорим.

Коммерсант бросил на стол ручку, записав телефонные номера, и чуть съехал со стула. Хмуро оглядывавший округлость своего живота, он походил на пацана-задиру, получившего сдачи.

На улице, несмотря на зной, было свежей.

– Спасибо, – сказали мы тренеру, полагая итог окончательным и удачным.

– Не обольщайтесь... – был ответ.

7

Лёша уехал, вернее, улетел. На сей раз недалеко, в соседнюю область. В нашу с ним сотовую болтовню нежданно уже через день вклинился Семён.

– Не успели обговорить постой вашей лошади.

– Она ещё ваша. Через две недели, – утяжеляя слово «ваша», напомнила я.

Холёный хват думал иначе. Витийствовал, правда, недолго, без желания терять покупателей. Чего хотел?..

Вскоре явился в эфире вновь. Теперь из-за коваля, вызванного для перековки коней, заявив, что распорядился не осматривать Мильку и не перековывать. Разве что на мои деньги.

Вот так номер!

– Послушайте, вы сейчас на ней зарабатываете, а не мы.

В трубке отвечали толкованьями, коих понять не дано.

Так и повелось. Каждый раз выходило, будто я хозяина уговариваю, а тот, поломавшись, уступает. Ещё загадочней было то, что он моего лётчика тоже звонками донимал. Чего ждал? Побольше денег? Отказа от затеи? Развлекался, теребя нервы?

И у мужа они сдали.

– Держать лошадь – значит жить её жизнью, – однажды заявил он. – Ариша – не помощница, ещё лет семь одна будешь ходить за Милькой, но ничего – слышишь? – ничего не сможешь написать. Потом возьмёшься – и не пойдёт. Так нужно ли было становиться писателем?

Я не ответила. Ни Лёшке, ни Семёну. Никто из них не желал понять моё положение. Хотя какое оно? Можно отказаться от покупки, увезти ребёнка к тётке, а животное пусть сдают куда хотят. Дочке потом солгу.

Такие думки не прежде сумерек трусливо просверкивали среди замыслов и решений. Но на следующий день к Арине из денника тянула узкую морду наша проказница. Стоило увидеть обеих, чтоб послать к известной бабушке ночные сомнения.

Очередным звонком Семён вызвал меня в контору.

Подле него каменела фигура Приходько. На сей раз владелец пива и коней выражался предельно чётко.

– Забирайте сегодня – или завтра же на колбасу! И с постоем решайте. У меня мест нет!

«Ишь ты, – подумалось, – как в советских гостиницах».

– Если хотите, советуйтесь.

Он вышел, притворив дверь, и показался уже за окном снаружи. Щёлкнул зажигалкой, которую не поднёс к сигарете, а едва не всем телом наклонился к руке.

– Чего он торопится? – вполголоса спросила я.

– Кто знает? Может, налоговая гроза движется, откуп срочно надобен. Теперь не уступит.

– Всей суммы-то нет. Лёша ещё...

Хотелось сказать «не привёз», но привезёт ли?

Помощь негаданно явилась от инструктора:

– У меня есть семь.

Я воскресла. Мы с Приходько ударили по рукам и заверили Семёна, что вернёмся через час.

Пересчитав деньги при нас, с удовольствием откинувшись на стуле, делец великодушно объявил:

– Забрать не позднее четверга. Приходько, ваше заявление я подписал.

В ответ тренерские ладони в самопожати тряхнулись над извечной круглой шапочкой.

На улице я набрала Лёшин номер, рассказала о покупке.

– Похоже, в нашей однокомнатной квартире моё место заняла лошадь, – съязвил он и умолк.

Пусть. После. Сейчас надо решать с Милькиным обиталищем.

Я-то могла просить лишь одного человека – Валерию.

Тётка-тётушка, не седьмая вода на киселе, худая, длиннотелая старушка с робко-плаксивым, но очень разумным нравом.

Живёт она в пригороде, утратившем сельскость. В прошлом деревня, сейчас хвост города-техночудища, носит имя со старорусским привкусом: Повой. У Валерии там домишко с садиком в три яблони и игрушечным сарайкой-курятником, где о птицах нет и воспоминаний.

Каждое лето она звала Арину гостить, отлично зная, что та три месяца не выдержит. Всё в Повое хорошо: парк, пруд в нём, лесок даже. Но Валерия девочку никуда одну не пускала – боялась, но и сама с ней не гуляла. Слушая бесконечный, как песня камчадала, причет тётки-бабушки, малышка слонялась по выскобленному, как дощатый стол, и прилизанному, как причёска очкарика, поместьицу. Соскучившуюся девочку приходилось забирать спустя пару выходных.

Наперёд зная итог, я, однако, позвонила с чаянием пристроить лошадь хоть на недельку, а там... Не знаю.

– Ленушка, што? – спросила Валерия заранее нараспев, чтоб удобней отжаловаться.

Я вкратце рассказала, слыша в трубке нарастающий стон.

– Миленька моя-а, на что ж вы, безумные, денежки-то потратили? А я её куда-а? В курятник ли?

– В сад, тётъ Лер, только на неделю, пока сухо. Ничего делать с ней не надо, разве поить.

– Ноженьки мои не ходють, руки так крутить, так крутить – сна нет.

– Так может, нам пожить у вас? – предложила я, признаться, с большей охотой, чем прежде.

– Ой, девоньки, милые, зачем вам старуха? С кобылой возись, со мной вози-ись...

В трубке зафыркало, затрещало. Бог с ним, говорить уж не о чем.

Я поспрашивала соседей, нет ли у кого родственников в деревнях. Такие нашлись, но коневодческого интереса не выказали.

Оставалась надежда на завтрашнюю встречу Приходько с ипподромной властелиншей. Если та запросит недорого, то лошадку можно б устроить.

С утра по сотовым каналам прилетели сразу две вести: ипподром не берёт, Семён выгоняет сегодня. Прямо сейчас.

Мы с Ариной понеслись в конюшню. Инструкторы наряжали Мильку в недоуздок, крючковали копыта.

– Куда теперь? – спросила Наталья, прощаясь.

– К тётке сведём. Без позволения. Упросим, умолим на месте – что ей останется делать? – ответила я.

– С Богом!

В окне конторы, как в аквариуме, покачивался, закарманив руки, Семён.

10

Двинулись в путь. Приходько с Милькой впереди, я и дочка следом. Асфальт отзывчиво цокал чуток после подков. Прохожие растерянно озирали странную компанию. Проезжие, выставив локти на дверцы, сигналили нам и что-то улыбочиво выкликали, будто чайки, может, шутили.

Девочка уставала. Мы то ненадолго сажали её верхом (без седла несподручно), то вели за руку. Миновали город. Стало легче: машин меньше, обочина шире, есть где сойти на отдых. До Повоя километра четыре.

Потряхивая надставленными бортами, перед нами заехал грузовик и остановился. Из кабины выпрыгнул... Лёша, Лёшенька, друг мой вечный. Вот кого не хватало!

Дочь повисла на нём. Тот обнял, крепко прижал и несколько раз поцеловал в макушку. Потом принялся открывать кузов.

– Давайте грузить вашу скотинку, – сказал, вытаскивая сбитые поперёк доски, устраивая наклонный помост.

Коняшка забеспокоилась, напрягла шейные жилы, дёрнулась, натянув недоуздок.

– Ш-ш-ш, тише, голубка.

Тренерово ободрение, кажется, слегка успокоило животное. Взойдя на доски вровень с головой Мильки, бормоча ей в ухо, поглаживая, Приходько и сама лошадка, заминаясь, малыми шажками довольно долго шли вверх. По кузову животинка затопала бодрей, дала себя привязать.

Лёша задвинул за ней мостки. Пока длилась погрузка, он поведал:

– Дмитрий, фермер, у которого пылю, как раз жеребца продал, денник пустует. Когда я про наше сокровище рассказал, Дима машину дал. Что, Арина, поедешь посмотреть Милькино жильё?

– Да, папочка, да! – обрадовалась та и меленько запрыгала.

– Пусть погостит. У тебя будет время школьное приданое закупить, а я Аришку через день привезу, – сказал мне напоследок муж.

Они нырнули в грузовик, юрко развернулись и укатили.

Мы с наставником переглянулись. Внутри будто пружина распрямилась, дала вздохнуть. С Приходько спала то ль маска, то ль стальные латы. Мы обнялись и поплелись в сторону города.

– Надь, что ты нашей брыкушке на ухо-то шептала? – спросила я, щурясь на ярко-белые облака.

– Ласковое слово и скотина понимает, – лукаво ответила Приходько, сняла и подбросила шапку, растряхнув короткое белобрысое каре.

Глядя вдаль, она вдруг затянула низким сипловатым сопрано:

*– Ой, при лужку, при-и лу-ужку,
При широком по-о-оле...*

Я подхватила:

*– При знако-о-омом табуне-э
Конь гулял на во-оле...*

Снова что-то весело кричали и сигналили водители, да нам нужды не было. Август на исходе, небо благостно сияет, живая душа спасена, потому сейчас, здесь важнее всего одно: чтоб «конь гулял на во-оле».

Надя рассказала мне, как сложилось имя нашей спасеницы.

11

Прошло одиннадцать лет. Быстро? Медленно?

Говорят, худое тянется медленно, хорошее – влёт. Не правы люди. Всё шло своим чередом. Ни скоро, ни долго. Не знаю, назвать ли плохое плохим, ведь наши удачи выросли из бед.

Валерия померла год назад, завещав клочок Повоя моей дочке.

У Надежды Приходько образовался свой маленький конный двор. Она, как прежде, учит ребятню азам верховой езды. С ней работает Наталья Павловна, помогает Арина, но только в свободное время – учится в академии, пытается стать ветеринаром. И всё бы как в сказке, когда под конец нечего желать, только частенько вижу дочь грустной.

– Не могу лягушек препарировать. Мне их жаль, – однажды призналась она, вернувшись с занятий.

Понимаю, если не переборет боль сердца, не причерствеет к страданиям братьев наших неразумных, то и спасительницей не станет. Придётся бросать врачеванье и переходить на полеводство.

Муж по-прежнему в полях. Конюшню он построил вместе с домом для нас.

А я? Давно ничего не пишу. С тех пор, как появилась Милька, осваивать пришлось многое. Я была трудной ученицей, досель неведомое постигала тяжко. Дочь вникала в тонкости коневодства легче и мне на первых порах растолковывала.

Прав был Лёша: держать лошадь – значит жить её жизнью. Ковать, прививать, кормить, следить за ногами, мышцами, подгонять, чинить снаряжение. Так изо дня в день много лет, всегда. Первые трудности не сделали меня сильнее. Наоборот, по мере того, как я узнавала, чего бояться, малейшие предвестья бед приводили в отчаяние. Постепенно, понемногу, потом, когда опыт защитной корой покрыл сосуды впечатлительной души, научилась одолевать несчастья без суеты и дрожи.

Слушаю кобылье сопенье и подумываю написать повесть, что-то в унисон с Сетоном-Томпсоном, над чьими рассказами мы с Ариной когда-то рыдали. Думаю так и усмехаюсь, чувствуя мягкий толчок в спину. Пора.

Что ж, Милька, пойдём домой.

Виталий ЛОЗОВИЧ

Виталий Васильевич Лозович родился и жил в Воркуте. Более тридцати лет проработал кино- и телеоператором. Публиковался в журналах «Север», «Автограф», «Дальний Восток», «Союз писателей», «Аврора». Автор прозаических книг «Тёща для всех», «Опрокинутый мир», «Убойный снег». Лауреат журнала «Дальний Восток». Член Российского межрегионального союза писателей. Член Союза журналистов России. Живёт в Салехарде.

ДВА РАССКАЗА**ГОЛУБОЙ ЛЁД ХАЛЬМЕР-ТО*,
ИЛИ РЫЖИЙ ВОЛК**

Полярные волки с дворовыми собаками имеют ясно какие отношения – задрать и съесть. Но это – в голодный год. А вообще не зря говорят, что волк и собака – родня, хоть и дальняя.

Жила-была у Пашки Стрельнова во дворе огромная рыжая псина дамского полу. Жила да жила, как вдруг в один из осенних дней задёргалась вся так, что будку сдвинула десятипудовую да и выскочила прочь... Видели в посёлке, как эта рыжая псина бежала рядом с волком. Причём не просто бежала, а заигрывала с ним. Такое происходит, когда волки испытывают трудности с потомством и в округе остаются лишь волки-одиночки.

А месяца через три собака вернулась и очень скоро родила одного щенка. Когда Пашка Стрельнов щенка увидел, то с губ сорвалось:

– Волк... волк!

Это и в самом деле был волк, точнее, волчица: серая, зубатая, кусачая, морда узкая, глаза умные, хвост противный – смотреть тошно.

Но росла она очень ласковой, верной, можно даже сказать, приставучей собакой. Без Пашки никуда не ходила, жила на крыльце, на будку смотрела с презрением. Однажды, когда «девочке» уже был год и по волчьим законам это был переярок, Пашка попытался одеть на неё ошейник с поводком, чтобы сходить с ней в районный центр. Машка (так назвали щенка) дважды куснула поводок – и тот лопнул. Машка посмотрела на хозяина и полезла к нему ласкаться, чтоб погладил. Пашка погладил, посадил Машку в свою старую «Ниву», погрозил пальцем и сказал:

– Чтоб мне ни звука!

Сказал просто так, Машка всё равно лаять не умела – волчья порода. Гордился Пашка Стрельнов своей Машкой невероятно и любил безмерно.

...Мать Машки опять исчезла и больше так и не появилась. Говорили, что где-то за сотни вёрст южнее кто-то вроде как видел в волчьей стае рыжую волчицу, больше похожую на собаку.

К февралю исчезла и Машка. Пашка погоревал да и успокоился, понимая, что всё же Машка не собака, а полуволчица. А к лету Машка вдруг вернулась, да не одна, а с двумя щенками. Один абсолютно серый, как мать, а второй – с яркой подпалиной на шее и груди. Пашка и не удивился, и не забеспокоился. «Собаки всё же в ней больше, – решил он, – раз домой тянет».

* Хальмер (ненецкий) – покойник, умерший человек; То (ненец.) – озеро.
Хальмер-То – озеро мёртвых.

Прожила Машка со своими щенками у Стрельновых до осени. Питалась как обычная собака, щенков к той же пище приучала. Щенки не тявкали, воду не лакали, а тянули сквозь зубы, которые показывали всему двору ежедневно, так ни с кем и не сдружившись. Регулярно заходили в тёплый сарай, в котором Пашка держал овец, гусей, кур и двух свиней, нюхали осторожно воздух и при первой же опасности (гусь крыльями хлопнет, свинья хрюкнет) вздрагивали и бежали прочь – к матери под бок.

А по первому снегу возле посёлка слышали волчий вой, и той же ночью пропала и Машка, и её подросшие щенки.

Пашка подумал: а следует ли вообще связываться с полукровками? – да и завёл себе дворнягу. Пёс был обычным, лишь уши висели, как у сеттера, да хвост был похож на метёлку. Пашка брал его на охоту, тот неплохо шёл на утку, с удовольствием прыгая в воду за подбитой дичью.

Прошло три года. Жизнь текла себе обычно. Днём Пашка работал на своём бульдозере, в выходные ездил на старенькой «Ниве» по лесотундре за глухарями да гусями. Охота была для Пашки чем-то вроде отдушины от жизненных тягот.

На третий год, зимой, вдруг опять зачастили волки. Райцентр объявил о вознаграждении за самое большое количество отстрелянных хищников. За пару облав охотники посёлка взяли приличное количество матёрых да их щенков. Посёлок зажил мирно и спокойно. По ночам снова стало тихо, собаки перестали надрываться от лая, всякая травоядная живность – орать да метаться по загонам в поисках спасения от волчьих зубов.

В марте в загоне Пашки пропала овца. Полуживой от страха пёс забился к себе в будку и так в ней весь день и просидел, даже не вышел к миске с едой.

Волки.

Первое, что делает в таком положении хозяин, – ставит капканы. Пашка и поставил. Ничего в дворовой мешанине следов различить не смог и поставил несколько штук наудачу – там, откуда хищники могли пробраться в загон или где могли перемахнуть через двухметровый забор. Капканы простояли три дня. Три дня Пашка спал тревожным сном, вскакивая при каждом шорохе снаружи. На четвёртый пропала ещё одна овца... Капканы остались нетронутыми, собака опять засела в будке прочно, снова на весь день.

Всё утро Пашка потратил на то, чтобы понять, сколько волков приходило в его двор. Спрашивал у соседей, были ли у них сегодняшней ночью гости? Гостей, оказалось, ни у кого не было. А три дня назад? И три дня назад всё было тихо. Как извели прошлый раз волков, так и, слава Богу, всё спокойно.

Стрельнов задумался: что же это получается, вроде не на краю посёлка живёт – почему же хищники выбрали его двор? Осмотрел калитку в заборе, сделал над ней высокую надстройку и два дня жил спокойно.

А на третий начал караулить. Зарядил ружьё крупной картечью, сел в сенях и стал ждать. Пару ночей никого не было, он уж хотел было бросить это глупое занятие: сидеть перед дверью с крошечным окошком да просматривать двор на предмет появления хищников. Может, это и не волки вовсе? А кто ещё? Кто может унести крупную овцу да ещё так сильно напугать собаку? И сделать всё настолько тихо и аккуратно, что и соседи ничего не слышали? Только волки. И Пашка решил подежурить ещё пару ночей.

Ему повезло. Через сутки во дворе вначале глухо зарычала собака, она не гавкала, а просто рычала так, как может рычать напуганное животное, не защищающее двор и территорию, а лишь пытающееся защитить себя. Пашка стряхнул с себя вялый сон, проверил оружие, осторожно выглянул во двор через окошко – никого не увидел. Тогда двери тихонько открыл... Двери всё равно скрипнули. Пашка щёлкнул выключателем, двор озарился светом хорошей киловаттной лампы. Пашка вылетел из дома, оглянулся: нет ли следов? У забора где-нибудь?.. Да глупость, какие следы, какой забор? Надо срочно в загон! В загон! Эта тварь уже точно там хозяйничает!

Стрельнов рванулся к загону. Пролезть туда, в сущности, можно было лишь со стороны входа, здесь дверь была не очень хорошо подогнана, и между ней и землёй был широкий лаз. Но лаз этот всегда зимой очень прочно заметался снегом, дверца отворялась внутрь. Там, где можно было подкопаться волку, было совершенно чисто, нетронуто, снег белый, мартовский, чуть севший.

Пашка толкнул ногой двери... Тихо. В загоне гоготали гуси и кудахтали перепуганные курицы, овцы сбились в кучу, стояли глупо и беспомощно. Пашка включил свет... Посмотрел влево, вправо... И представилась его взору картина, от которой он даже оторопел. Прямо перед ним, там, где сидели гуси, стояла огромная собака серой масти с рыжей шеей и рыжей грудью. В пасти у неё уже висел задавленный гусь, у которого ещё чуть-чуть трепыхались крылья. Когда глаза их встретились, Пашка сразу понял: волк! И не просто волк, это же... это же... щенок Машки! Тот самый, рыжий!.. И подпалины на шее и груди – один в один! Всё в детстве загон этот обнюхивал, как запас себе на жизнь делал! Гнев настолько охватил Пашку, что он даже про ружьё забыл, хотел за вилы от злости схватиться, так, по-крестьянски.

Волк с гусем в зубах легко перемахнул перегородку, в два прыжка подлетел к Пашке и, прыгнув ему прямо в лицо, повалил человека на землю. Пашка быстро перевернулся, но, пока ружьё поднимал, увидел, как рыжий с лёгкостью кошки, что запрыгивает на табуретку, перемахнул двухметровый забор и ушёл восвояси.

Пашка поднялся, подобрал ружьё и пошёл домой.

Дома долго сидел в кухне, думал о том, как его ловко провели, и ругался тихонько, стараясь не разбудить своих.

Утром Наталья поинтересовалась, как дела у сторожа? Спросила мило так, с лёгким женским смешком в голосе, как, бывает, разговаривают с мужьями супруги, когда им весело и смешно, но мужа обидеть не хотят.

– Представляешь, – серьёзно ответил Пашка за завтраком, – это тот... волк...

– Какой тот? – уже испуганно переспросила жена.

– Тот щенок Машки, с рыжей грудью. Он гуся сегодня утащил, скоро вернётся. Гусь ему что – на пару дней не хватит.

– С чего ты решил, что он к нам вернётся? Может, он вон... к соседям?

– Не-ет, – Пашка даже улыбнулся злорадно, – этот к нам вернётся... Этот гад... Он помнит всё... детство своё. Всё ходил здесь обнюхивал... Всё запомнил. Зачем ему соседи какие-то неизвестные? Он тут всё знает – где прыгнуть, где пройти... Надо сегодня загон с другой стороны посмотреть, там наверняка подкоп есть. Его... зарыть, что ли?..

– Бетоном залей, – посоветовала супруга.

– Прокопает в другом месте... Здесь иначе надо.

– Как иначе? – снисходительно спросила жена.

– Убить, – сказал Пашка и вышел из-за стола.

– Убить... – недовольно сказала жена.

– А что ещё? – обернулся Пашка. – Кормить его каждую неделю овцами нашими?

– Ну не знаю... – Наталья растерялась. – Просто... мы же его щенком кормили-кормили...

– А он и оплатил нам! Понял, что здесь ему халява! Ну, да я покажу ему халяву!

– Может, в стаю уйдёт? – уже в спину спросила супруга.

Пашка остановился, повернулся к Наталье, лицо его от удивления стало вытягиваться.

– В стаю?.. А и вправду, – оторопел он, – почему в стаю не ушёл? А может, наоборот? – Он даже голову склонил набок от пришедшей мысли. – Выгнали из стаи, он и повадился?..

С этого утра Пашка задумался, как выманить зверя и застрелить его. Даже подумал вначале просто каждую ночь спать в загоне. С ружьём в обнимку, вместо жены. Как появится зверь, так лупить его, даже если какую овцу ранит или убьёт, так это дешевле, нежели опять отдать её этому упырю. Но спать с ружьём в загоне не стал. Вначале решил

походить, благо была суббота, по знакомым старым охотникам, поспрашивать, как бороться со зверем.

Ничего особенного ему не сказали, охотники сами воевали с волками теми же методами, какими пытался бороться Пашка: капканы ставили, сторожили в своих загонах, иногда выслеживали зверя по оставленным следам. А толку – чуть. Волк мог пройти по лесотундре за день сотню километров, здесь надо хотя бы мотосани иметь, какой-нибудь «Буран», а у Пашки, кроме старенькой «Нивы», ничего не было.

Походил Стрельнов по охотникам, посидел дома, на капканы вновь поглядывая, да и отправился в лес, далеко, где сейчас стояли стойбищем ненцы. Ненцы так и назывались – лесные. Оленей они пасли в лесотундре, заходя глубоко на юг в суровые зимы, о волках, конечно, знали много больше, нежели кто другой. Сейчас ненцы стояли совсем рядом, потому подъехать к ним было совсем просто.

В стойбище он знал пару человек – встречались на рыбалке, не раз помогал им сети тянуть, потому обратился к ним за помощью. Парни выслушали его, привели какого-то старого деда, что Пашку удивило – чисто выбритого. Дед по-русски не говорил совсем, приходилось переводить. Услышав, что хочет «белый» человек, старый ненец улыбнулся, сказал что-то на своём, Пашке перевели:

– Говорит, что просто так волка не возьмёшь, выследить не сможешь, умный зверь... самый умный зверь. К нам не ходит, давно не ходит. А что до рыжего волка, так видели его наши мальчишки прошлой зимой на озере... За лесом лежит озеро Хальмер-То, но ходить туда не надо. Он там прячется, значит, знает что-то. Озеро плохое, вода идёт как в реке, промоин много... Жди его, когда он с озера пойдёт в посёлок. Там жди. На озеро не ходи, нельзя тебе туда.

Сказав такую речь, старый дед удалился. Ненцы, что переводили, кивнули ему и тоже сказали:

– Не ходи, Паша, на Хальмер, плохое озеро, лёд голубой, значит, вода рядом, промоин много...

– Рассказывай! – усмехнулся Паша. – Я вон с друзьями на неделе на Вашкиных озёрах рыбачил, так лёд там тоже голубой, а толщина – знаешь – полтора метра! Едва коловоротом пробурили лунку!

С этим и уехал. Возвращался домой немного в расстроенных чувствах: ничего же не узнал существенного. Что с того, что мальчишки-ненцы видели рыжего волка на Хальмер-То? Прошлой зимой этот рыжий на Хальмер-То обитал, а сейчас, может, где-нибудь под самым райцентром лежит себе под корягой да гуся его переваривает...

Однако тут же съездил домой, взял пару капканов, приманку, поехал на Хальмер-То. Остановиться пришлось метров за триста. Прошёл пешком по крепкому насту почти до берега озера, вбил железные колья в глубокий снег и привязал к ним капканы. Правда, говорят, что волк не сидит в капкане, отгрызает себе лапу. Ну да посмотрим...

Дальше Пашка поступил совсем уже разумно: он пошёл в местную библиотеку, что размещалась в школе, и попросил что-нибудь почитать о волках. Ему дали книжку, которая так и называлась: «Волк». Написал её Павлов, давно написал, ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия, охотовед, биолог из Кирова. Пашка столько узнал интересного и нового об этих хищниках, что с огромным уважением вдруг вспомнил старого ненца и его слова: «умный зверь... самый умный зверь». В книжке Пашка вычитал, что один матёрый зарезал полугодовалого бычка, взвалил себе на спину и перемахнул с ним двухметровый забор. Оказывается, такие стаи бывают... На Таймыре в один год обнаружили стаю в пятьдесят четыре головы! Ужас! Это же и «калашникова» не хватит, чтобы отбиться.

После книжки, которую Пашка проглотил за ночь, утром следующего дня, в воскресенье, он отправился на Хальмер-То посмотреть капканы. Доехал быстро. Шёл долго. Всё оборачивался, словно чего-то бояться начал.

Следов волчьих на озере он не обнаружил. Капканы стояли чистые. На южной стороне озера росли немногочисленные слабоствольные берёзки. Ненцы говорили: где-то здесь у них есть родовое захоронение, потому ходить сюда просто так нельзя – святое место, что ли... Ну да он же не просто так – он по делу. Пашка достал свой бинокль и стал осматривать местность более внимательно, но сколько ни вглядывался, ничего не увидел. Озеро было чистым, пустым и голубым. Светило яркое, уже пригревающее мартовское солнце, и озеро под ним просто сверкало. По льду, где за него не мог зацепиться снег, шла ослепительная, сияющая в голубом обрамлении солнечная «дорожка». Что бы там ни говорили ненцы, но лёд на озере был такой, что можно было по нему на тракторе прокатиться. Даже со стороны видны были крепость льда и его толщина. Может, когда-то, в какой-то тёплый год и в самом деле лёд был слабый, но сейчас!.. Впрочем, что ему лёд? Ему нужен волк!

Пашка ещё раз осмотрел всё озеро, вглядываясь в места, где могла быть волчья лёжка, но ничего похожего так и не обнаружил.

Домой вернулся, проверил капканы во дворе, засыпал развороченный лаз в загон с задней стороны, там как раз находились овцы. Получалось, волк этот когда в загон вползал, то вползал именно к овечкам, те, конечно, блеяли, но овцы – это не гуси, не куры, кричать да кудахтать не станут, животное смирное во всех отношениях: поблеет немножко да героически погибнет в зубах хищника.

Пашка достал из сарая старый клок стекловаты и заткнул им дыру сверху. Посмотрел, усмехнулся, сам себя спросил: что ж ты делаешь, дурень, это же тебе не крысы с мышами, чтоб стекловаты бояться? Но клок этот оставил, а возле лаза ещё и капкан один припорошил снегом да привязал его цепочкой к столбу загона.

Ничего не помогло. Этой же ночью, когда Пашка уже немного успокоился, во сне услышал жалобное блеяние овец. Вскочил, перепугал жену, едва не голым выскочил во двор, потом впопыхах вернулся, схватил ружьё, вновь выскочил во двор и... увидел серую волчью спину с овцой сверху, перемахивающую его двухметровый забор. В бессильной злобе саданул сразу с обоих стволов в небо... Посёлок сотрясло два взрыва. Залаяли собаки. Где-то послышалась грубая мужская речь. Пашка вернулся в дом, швырнул ружьё на пол, сел на табуретку и закрыл лицо руками. Сил не было. Злоба душила. «Рыжий» опять оказался умнее.

Так началось воскресенье. Пашка весь день проходил по двору, придумывая ловушки для хищника. Наконец мысль пришла. Он съездил в своё хозяйство, нашёл сторожа, попросил открыть гараж. Там, в подсобке, валялся моток старой колючей проволоки...

Днём Пашка под усмешки прохожих и шутки соседей пытался намотать колючую проволоку на забор сверху... Прямо по всему периметру забора. Получилось неплохо, даже прочно. Только одна калитка осталась нетронутой: на ней не было места, где можно было бы проволоку эту прикрепить. Ну да что такое калитка в метр шириной, когда десять соток двора огорожены!

Весь март Пашка спал спокойно. Он уже стал забывать свои неудачи, убрал капканы, ружьё запрятал в железный шкаф, возил сына Сашку на озеро Хальмер-То, рассказывал, как он здесь волка рыжего искал, занимался хозяйством в свободное время, даже получил премию и диплом лучшего тракториста от поселкового хозяйства.

Но однажды в уже светлую ночь апреля в загоне возмущённо закудахтали куры, гоготнули гуси... И пока Пашка ключ от шкафа ружейного искал, пока патроны в стволы загонял, пока не понимал, в тапочках ему выскакивать во двор или ботинки обуть, – в общем, пока все эти «пока» шли, по двору метнулась тень... Стрельнов вырвался на воздух, ружьё уже играло в руках, но... Над калиткой мелькнул серый хвост, а над серой спиной захлопали гусиные крылья... В этот раз «рыжий» прокопал лаз с другой стороны и попал ровно к гусям, впопыхах ухватил птицу – и был таков.

Пашка в утренних сумерках просмотрел все следы. Ночью шёл слабый снег, и следы теперь хорошо печатались на земле. «Рыжий» запрыгнул во двор через калитку, значит,

понимал, что колючка над забором – опасность, и ушёл через калитку... Соседи уже начали делиться своими мыслями о поимке волка, но исподтишка посмеивались над Пашкой, говоря: ой, мстит он тебе, Стрельнов, ой, мстит за что-то! Может, щенком кормил мало? А может, не надо было этой Машкой, матерью его, хвастать по всему посёлку? А то ходил тут гоголем – мол, «волчара» у меня живёт, типа кошки там... Ага! Один товарищ по гаражу предложил ему своего волкодава, «кавказца», но Пашка побоялся: собака чужая, ребёнок у него маленький, «кавказец» – он с характером... опасно.

Следующую ночь Пашка не спал, сидел с ружьём. Мысль отомстить, просто отомстить этому волку так овладела им, что он даже на работе выговор получил (чуть было ножом бульдозера не ткнул в председательскую машину, когда снег в кучу собирал), жена дома тоже стала нервничать. А потом высказала предложение, от которого у Пашки даже в глазах потемнело от ярости:

– Может, нам его прикормить? Будет жить как пёс... А что? Он же щенком вон как кашу лопал!

– Прикормить?! – Пашка кулаки сжимал. – Да убить, убить! Найду, всё равно найду!

И Стрельнов снова стал искать «рыжего». Он вновь расставил капканы во дворе. Просто капканы, без приманки, так, чтобы если хищник перемахнёт калитку, то ровно лапами угодит в ловушки. Жена смеялась, сын Сашка наблюдал за папой и говорил тихонько: «Не попадёт, он... умный!»

Рыжий и не попал. Две недели его не было. Шла вторая половина апреля.

В выходной рано утром возле двора Стрельновых проезжал на мотосанях «Буран» друг по гаражу, Колька Сокол. Стукнул Пашке в калитку, потом долго нажимал на звонок, наконец разбудил его и, когда тот, в одном трико, дрожа от холода, выскочил из дома, быстро сказал:

– Видел я твоего волка, только что... На Хальмер-То сидит, просто сидит. Я в бинокль глянул: шея рыжая, сидит на берегу, и всё. Один. Было бы ружьё, я бы снял, но я с рыбалки возвращаюсь, сам понимаешь... Рванёшь, так успеешь, сейчас снег рыхлый, по следам выйдешь. Точно он!

Газанул покрепче и укатил. Пашку как пружиной подбросило, он рванулся в дом, наспех оделся, наспех ружьё зарядил, с десятков патронов в карман бросил. Сунул ноги в ботинки высокие на шнуровке и побежал заводить «Ниву». Через пять минут машина уже скакала по ухабам и рытвинам весенней дороги к озеру Хальмер-То.

До озера домчался чуть больше чем за час. Место дикое, пустынное, никто здесь не бродил, никогда не охотился. Местные охотники соблюдали порядки ненцев: раз сказали, что озеро нехорошее, значит, так тому и быть. Правда, недалеко проходила дорога, по которой рыбаки ездили зимой на Вашкины озёра рыбачить – ну да это же в стороне...

Стрельнову было всё равно, какое это озеро – хорошее или плохое. Он был охвачен лишь одной мыслью: найти и уничтожить. Пашка прекрасно знал повадки хищников. Если привык волк кормиться в этом дворе, так пока по-настоящему не спугнёшь или не убьёшь, так и не отвadiшь. Конечно, две недели – срок не маленький, волк более не может без пищи. Пашка даже подумывал, что, возможно, хищник перешёл на лесную дичь и наконец прекратится охота в его загоне на овец и птицу, но мысль эта как-то не укрепилась в его голове. Потому летел он сейчас на озеро Хальмер-То по ухабам и пробитой грузовиками колее.

На озеро он примчался, когда солнце уже поднялось над горизонтом, голубой лёд сверкал, заснеженные берега обрамляли озеро белым воротником, на южной стороне темнели слабоствольные берёзки. Солнце пробивалось сквозь веточки, отбрасывающие на яркий снег неровные серые тени. Само озеро как вытянутое зеркало, метров двести в ширину, триста – в длину. В озеро впадало несколько крупных ручьёв, где-то – только непонятно где – один ручей из озера выходил. Где – найти невозможно. Потом, уже

в полусотне метров от озера, как из-под земли появлялся и шёл на восток. Потому ненцы и говорили: «Течение там хитрое, тянет всё живое на дно...»

Пашка вышел из машины. Прямо в ботинках, без лыж, пошёл по крепкому насту к берегу. Ружьё было наготове, курки взведены. Глянул в бинокль, провёл взглядом по всему обозримому пространству – волка не было. Стрельнов пошёл берегом дальше, утопая в снегу по колено. Подумал выйти на лёд, да не стал, хотя даже отсюда было видно, что лёд крепкий, хоть на «Ниве» сейчас катайся, несмотря на то, что он и был уже весь в трещинах – они уходили вниз на метр, а где и на два. Ещё раз особенно тщательно просмотрел в бинокль и озеро, и берег. Пусто. Где же тот берег, на котором Колька видел волка? Зря о точном месте не спросил, поторопился.

Он пошёл вдоль берега дальше. На всякий случай смотреть стал не только на кромку озера – на белоснежный «воротник», но и чуть далее, где снег был темнее и переходил в месиво дороги. И здесь, прямо возле берёзок, метрах в ста, Пашка увидел волка.

Рыжий лежал под берёзой, довольно лениво развалившись под ярким апрельским солнцем. Погода стояла тёплая, волк в своей шикарной шубе вытянулся на спине, подставив под лучи брюхо. Похоже, он даже не видел охотника. Пашке удалось подойти метров на шестьдесят. Вскинул ружьё и слегка дрогнувшей рукой нажал на спуск... Ружьё ухнуло на пустынном месте гулким ударом. Волк подпрыгнул, увидел человека и побежал прочь. Он бежал неторопливо, словно знал, что ружьё не может причинить ему никакого вреда.

Зверь шёл вдоль перелеска южной стороной, причём шёл так, словно ленился бежать. Волк уходил, оборачиваясь, поглядывая, догоняет его Пашка или нет. Пашка на всякий случай саданул ещё раз – со второго ствола. Картечь легла где-то сбоку от зверя.

Пашка изо всех сил побежал берегом озера, на ходу перезаряжая ружьё. Во что бы то ни стало он хотел взять зверя, он готов был сейчас бегать за ним хоть весь день, только достать хищника, достать, шкуру снять, принести домой и доказать всем, что если он за что-то берётся, то доводит дело до конца.

Зверь бежал легко, нехотя, он не проваливался, как Пашка, в снег. Пашка вспомнил книжку про волков. Конечно, при их широких лапах и невеликом – не более пятидесяти кило – весе в снегу они и не вязнут.

Волк прошёл южным берегом озера и, очевидно, хотел уйти в лесотундру. Он уже сделал лёгкий прыжок через рыхлый снег береговой линии на зимний, ещё не подтаявший наст, уже оглянулся на Пашку-недотёпу, и... И здесь со стороны райцентра – далеко, очень далеко – натужно ревя мотором, пошёл в посёлок тяжёлый «Урал». «Урал» был грузовиком с «бочкой» и возил в посёлок солярку для дизель-генератора. «Урал» вяз в апрельском снегу на колее, пробивая её ещё глубже, шёл неторопливо. Дорога проходила мимо озера метрах в ста и отсюда была не видна.

Рыжий дрогнул и вновь сделал прыжок в обратном направлении, глянул ещё раз на Пашку, который почти утопал в глубоком снегу, и... вышел на лёд Хальмер-То.

– Ах ты, гад! – крикнул ему Пашка. – Думаешь, я этой басни испугаюсь? Сволочь лохматая!

С этими словами Пашка быстро подбежал к кромке льда и уверенно пошёл по голубой замёрзшей поверхности озера. Волк уходил как-то совсем трусливо, уже не бежал, а просто трусил. И лапами ступал, словно не по льду шёл, а по мягкому тесту. Пашка же бежал самым настоящим образом, дыхание срывалось, горло хрипело. Ружьё прыгало у него в руках, он уже дважды хотел пальнуть, но решил всё же сократить расстояние до самого верного (добывать жертву для охотника всегда позорно). Волк не торопился, казалось, он всё снижает и снижает скорость, наконец он остановился, глянул перед собой и вдруг из волчьей пасти донёсся какой-то то ли вой, то ли скулёрж, жалобно так, словно щенка испугали. Пашка бежал. Смотрел под ноги и видел лёд толщиной в метр, не меньше. До волка было уже метров пятьдесят... сорок... тридцать... Волк стоял на месте и смотрел на охотника. Двадцать...

Раздались треск, грохот, словно в хорошем лесу с двенадцатого калибра стрельнули, Пашка даже подумал, что курок у ружья сорвался... Но тут он почувствовал, что летит вниз... С треском и грохотом. Падает, ноги намокают и тяжелеют, и льдина, огромная длинная льдина – совсем тонкая, не толще ладони и почему-то очень неширокая – переворачивается вместе с ним и волком...

Первое, что он почувствовал после обжигающего холода воды – сильнейший толчок в спину куда-то под лопатку: льдина треснула, переворачиваясь, кусок её ударил Пашку сзади. Хорошо, что в спину, а не по голове. Пашка уцепился за крепкий лёд перед собой, ружьё неведомым образом оказалось на льду прямо перед ним. Но сейчас было не до ружья. Пашка попробовал вылезти – бесполезно, ещё хуже, чем просто держаться. Кто-то очень настойчиво и незаметно просто утягивал его под лёд, так ненавязчиво тянул туда... Рядом проплыла небольшая льдинка и непонятным образом заплыла под лёд, показав Пашке, что его ожидает.

Он обернулся – никого. Крикнул что-то... Никого. Обернулся по сторонам – никого. Волк-то где? Неужели уже утащило под лёд? Сбоку, буквально в трёх метрах, он увидел рыжего. Тот подплыл между льдин к краю крепкого льда, совсем рядом с Пашкой, передними лапами попробовал выбраться и подтянуть задние, его тоже начало затягивать под лёд... Но нет. Не получилось. Рыжий попробовал взобраться на небольшую льдину, сразу за Пашкой. Льдина тут же перевернулась, едва не накрыв собой рыжего. Пашка вновь заозирался по сторонам, вновь заорал: «Люди, люди, помогите!» Никого. Кто-то тяжёлый и мокрый когтистыми лапами просто вогнал его в воду... Пашка погрузился почти по самые уши, хлебнув ртом озёрной воды – волк прыгнул на него из воды и с этой живой платформы выскочил на свободу... Пашка ахнул от изумления...

Волк отряхнулся как ни в чём не бывало, глянул назад, на Пашку, и побежал к южной стороне озера, к берёзкам.

– Стой! – вдруг крикнул ему Пашка. – Стой! Рыжий, как тебя?.. Рыжий!

Волк остановился, обернулся и посмотрел на Пашку.

– Стой! – крикнул Пашка, понимая, что его начинает затягивать под лёд. – Стой, – попросил он тихо, – не уходи, пожалуйста...

Одежда намочила и висела на нём словно чугунная, удержаться в ней не было никаких сил. Пальцы деревенели на льду, рядом валялось ружьё...

– Стой, – вновь попросил он, – боже мой... ну стой же, не уходи... Ну ты же собака... ты же... немного собака...

Волк повернулся и вдруг сел на лёд. Сидел и смотрел на Пашкину голову, торчащую из воды.

– Помоги, – сказал шёпотом Пашка, сил на громкие слова, на вопли уже не было, сил не было даже на шёпот, локти сползли в воду.

– Помоги, – прошептал он, словно прощаясь со светом, – помоги...

Волк встал и пошёл к Пашке. Подойдя почти вплотную, зверь посмотрел Пашке в глаза – или ему показалось, что зверь посмотрел ему в глаза? Только Пашка вдруг увидел совсем не волчьи, а чисто собачьи глаза, они смотрели на него как-то сочувственно, как будто понимали, что творится сейчас и что может произойти.

– Помо... помоги... – шепнул Пашка ему туда, в эти собачьи глаза.

Пашка не знал, как волк мог ему помочь, но был согласен, чтобы его сейчас просто, как щенка, взяли за холку и вытащили на крепкий лёд, он был согласен, чтобы волк схватил его за руку и откусил эту руку, но лишь бы вытащил его на крепкий лёд... Он был согласен на всё, на всё... Но что мог сделать волк?

Рыжий подошёл к ружью, понюхал его и мотнул мордой, потом как-то очень осторожно, как хищник в цирке берёт пищу изо рта дрессировщика, взял своими страшными зубами приклад, раздался хруст дерева...

– Да, да, – шептал Пашка бессознательно, – я понял, я понял...

Он ухватился за ремень оружия. Волк поднял ружьё легко, словно оно ничего и не весило, поднял зубами оружие, из которого его только что хотели убить, и стал пятиться назад. Пашке резануло в мозгу: это последний шанс! Он бросил держаться за лёд и негнушными пальцами схватился за ремень ружья. Если волк сейчас выпустит приклад из зубов, его сразу утянет под лёд, если волк случайно выпустит приклад из зубов, его сразу затянет под лёд, если... если... если...

Рыжий пошёл назад. Шёл вначале легко, вытянув Пашку почти по пояс, потом видно было, что лапы его заскользили, в лёд вонзились волчьи когти, зверь захрипел, мотнул мордой и резко рванулся назад, пятась от смертельной ловушки. Пашка не мог двигаться, он даже не мог ничем помочь этому зверю. Одно его беспомощное движение – и всё может рухнуть в секунду. Пашка смотрел зверю в глаза, зверь смотрел на него, понимая, что ещё не до конца вытащил человека. Наконец Пашка просто лёг на ледяную поверхность.

Он лежал на животе, повернув голову набок. Двигаться не мог, дышать не мог, тело жгло холодом, но Пашка холода не чувствовал, он лежал и смотрел на зверя, в руках был ремень от заряженного ружья. Волк осторожно опустил ружьё на лёд. Между ними был метр, не больше. И хищник мог в две секунды зарезать человека. Пашка смотрел рыжему в глаза и чувствовал ответный взгляд.

– Ты всё же не совсем волк, – прошептал он.

Рыжий постоял ещё секунду, повернулся и, всё так же осторожно труся, побежал прочь с озера, миновал перелесок из берёзок и ушёл в лесотундру.

Пашка вначале полз на животе, а когда увидел, что лёд прочный, устало поднялся и, шатаясь, волоча ружьё по снегу за собой, через силу добрался до машины. Дома ничего не сказал. Только показал приклад ружья:

– Это Рыжий... 3-зубами... да...

Потом был обморок. Потом воспаление лёгких. А Рыжего больше никто не видел. Может, в стаю ушёл или нашёл новую?

2015

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ОЛЕНЬ

Зрение у оленей слабое, лодку они замечают поздно, когда до встречи остаются секунды.

**Эдгар Дубровский,
сценарий «Запасной аэродром»**

С раннего детства Ромка Шустов страдал плохим зрением. Заметили это в первом классе. Ромка сидел на последней парте и через месяц обучения пожаловался родителям, что не видит, что там на доске пишет мелом учительница. Ромку отвели к офтальмологу, тот глянул и как приговор прочитал:

– Минус три. Плохо дело в таком возрасте!

Родители, ужаснувшись, стали кормить Ромку витаминами, морковкой, черникой и всем прочим, что в их понимании должно было срочно восстановить зрение, но все усилия были напрасны. К пятому классу зрение опустилось до «минус пять», к девятому – до «минус семь», а к выпускному – до «минус восемь»...

«Минус восемь» – это такое зрение, что когда человек снимает очки, то в глазах – один большой мутный туман, сквозь который проглядывают очертания близлежащих предметов. Чем предмет крупнее, тем его, конечно, лучше видно. Если человек не ходил долго без очков при таком зрении, то у него очень быстро начинает кружиться голова. Всё, что дальше метра – опять-таки в зависимости от величины предмета, – похоже

на размытые пятна. Причём пятна эти размываются полностью, если контрастность их небольшая и от общей картины местности мало отличается.

В восемнадцать лет, когда всех друзей забрали в армию, а Ромку не взяли, когда все друзья хлопали его по плечу и завистливо напутствовали: «Ну, ты давай тут... за всех нас...» – Ромка впервые в жизни почувствовал, что его слабое зрение как-то влияет на его жизнь. Во-первых, в армию не годен, во-вторых, работать тоже может не везде – есть медицинские ограничения, в-третьих, что делать дальше, если зрение продолжит «садиться»?

В институт Ромка экзамены сдал, но пройти не смог по конкурсу – мало было баллов. Если бы он выбрал себе обычный институт, а не факультет кинодраматургии Московского ВГИКа, то вполне бы мог стать студентом. Он вернулся в родной Северск, в своё Заполярье, в тундру, посидел до осени дома на родительских харчах, после чего пошёл искать работу. Работы он не нашёл. Грузчиком идти было нельзя из-за зрения, главным инженером никто не взял.

Когда пришёл конец августа, Ромка, перечитавший за последние годы всего Джека Лондона, вступил в местный охотсоюз, получил сразу два охотбилета – от министерства природных ресурсов и от местного охотбщества, исправно посещал занятия в местной полиции по правилам обращения с охотничьим оружием, после чего в начале сентября получил разрешение и на родительские деньги приобрёл себе прекрасный бокфлинт (вертикально спаренные стволы) «ТОЗ-34». Всю осень Ромка проохотился на уток и куропаток. Охотился неудачно, больше просто бродил по тундре. Зато впечатлений набралась масса, сюжетов для конкурсного рассказа во ВГИК было теперь предостаточно.

Подошла зима. Как всегда в Заполярье – быстро и неотвратимо. День уменьшился к декабрю до полутора часов, остальные двадцать два с половиной часа в тундре стояла ночь.

Работы Ромка себе так и не нашёл. Бездельничал под присмотром родителей. На охоту ходил чуть ли не каждый день, с охоты приходил усталый, на вопрос родителей: «Что, убил?» – отвечал коротко и уверенно: «Ноги». Правда, иногда приносил куропаток.

Однажды Ромка в магазине охотсоюза увидел небольшие капканы, поинтересовался у продавца: «На кого?» «На песца», – ответила та безразлично. У Ромки загорелись глаза. Песца он видел в тундре однажды, совсем недавно, увидел так близко, что даже опешил. Он присел отдохнуть в ложбине, где была вереница высоких кустов, в которых обычно кормились куропатки, и здесь краем глаза заметил какую-то движущуюся фигурку... Вначале подумал, собака. Песец просто пробежал мимо, по его же лыжне, только один раз глянув на человека безразличными глазами. Ромка уже слишком поздно стал палить из обоих стволов по зверю, но зверь ушёл. Ушёл ровно, спокойно, лишь чуть-чуть скорости прибавив.

Ромка приобрёл капкан, на следующий день поставил его там, где песца увидел, и, даже не поискав в этот раз куропаток по кустам, ушёл домой. Теперь оставалось ждать. Что он будет делать с песцом, когда поймает его в капкан, Ромка пока не знал. Скорее всего, просто пристрелит зверя в капкане. Метров с десяти, чтобы наверняка. Потом он снимет шкуру так, как много раз уже читал в самых разных книгах и справочниках. Шкуру с песца снимают «чулком», надрезая для этого вначале кожу убитого животного возле челюстей, потом выворачивают шкуру наизнанку. Потом откусывают аккуратно коготочки на лапах – и так до самого хвоста. Куда он денет эту шкуру? Матери отдаст. Пусть сошьёт себе шапку. Правда, у матери этих шапок... Ждал Ромка своего зверя всего один день, точнее, ночь, а следующим утром ещё затемно вышел в тундру.

К двадцатым числам декабря за полярным кругом светает в десять, темнеет в двенадцать тридцать, а собственно сам день длится сорок минут. День стоял тихий, облачный, небо и заснеженная тундра сливались у горизонта в один белый туман.

Ромка вышел за город, прошёл с пару часов в открытую тундру, в балку с кустами, и, мельком просмотрев, не кормятся ли здесь куропатки, вышел к месту, где поставил капкан. Место было довольно ровное, в низине – охотники называют её балкой. Ромка оглянулся – пусто. Снег, снег, снег... Уже рассвело, шёл одиннадцатый час дня, солнце спряталось за непроницаемыми тучами, но, очевидно, находилось в «зените». В зените в декабре – это где-то внизу, «под землёй», за линией горизонта. Солнце за полярным кругом зимой не выходит на небо, лучи его лишь отражаются от небесного свода. Это и есть день.

Капкан стоял на месте, вокруг было чисто. Ни один зверь не то что не попался в его страшное орудие лова, но даже и не подошёл близко. Ромка аккуратно проверил мелкую цепочку, за которую капкан был привязан к метровому штырю, вбитому в снег, убрал кусочки сырого мяса оленины, что положил сюда вчера для приманки, достал нового мяса, разбросал вокруг... Хотел уйти, но внезапно в голову пришло: а если капкан под снегом сработал сам, захлопнулся и сейчас находится в неактивном состоянии, тогда что? Ромка понимал, что сам капкан вряд ли может сработать, но вдруг?.. Чего, спрашивается, ждать зверя, когда орудие лова не работает?

Осторожно разворошив снег, он вытащил капкан наружу, кусочек мяса лежал на железном «пяточке» и примёрз к нему намертво. За три с лишним часа ходьбы Ромка изрядно пропотел в своей тёплой брезентовой куртке, очки сегодня он в спешке не сменил и вышел в тундру в домашних – а они были лёгкие, держались на носу плохо, что называется, скользили постоянно вниз. Он регулярно поправлял их, но через минуту очки упрямо сползали.

Осмотрев капкан, он вытащил нож, решив проверить, не подмёрзло ли устройство? Мало ли? Подмёрзнет и не сработает... Ромка ножом ткнул в приманку – капкан мгновенно хлопнул своими челюстями и зажал нож мёртвой хваткой. Ромка расправил капкан, положил ещё один кусочек мяса на «пяточок», бережно положил капкан в углубление, легко рукой стал присыпать свою ловушку снегом, в голове промелькнуло: а устройство-то жуткое, мучиться зверь будет, метаться... Едва эта мысль посетила впервые его голову, как оправа очков вновь скользнула вниз по носу, Ромка не успел её поправить. Очки слетели с лица, перевернулись заушниками вниз и упали ровно на «пяточок» капкана... Ловушка сработала быстро, хватко и чётко, челюсти с металлическим лязгом щёлкнули – во все стороны полетели брызги стекла...

Первое мгновение, когда вместо окружающего пространства появился «белый туман», когда вместо того же капкана на снегу мутно затемнело какое-то пятно, Ромка ничего не понимал. Потом поднял голову, глянул по сторонам и – ничего не увидел. Точнее, он увидел. Увидел тот же туман вокруг. Даже кустов, что находились вот здесь, рядом, метрах в трёхстах, вот здесь... нет, не здесь... там... или здесь? Так их нет – ни здесь, ни там... Так, кусты находились по левую руку – там. Или... Или здесь? Может, сходить глянуть? Зачем? Он зажмурил глаза, открыл, вновь зажмурил, опять открыл – картинка не изменилась: вокруг была белая мгла. Ни горизонта, ни кустов, ни даже антенны городской телевышки, что находилась километрах в десяти отсюда и здесь, в низине, была видна даже в пасмурный день из-за тундрового подъёма, – ничего видно не было. Молоко. В один миг Ромка остался слепым. Привычно коснулся пояса – а нет на поясе сотового телефона, дома оставил, потому как батарейка села ночью, заряжать времени не было. Решил, что и так обойдётся. Обошлось? Да и потом, он никогда ещё не проверял, работает ли тут сотовый. Здесь очень глубокая низина, вполне возможно, что и не «берёт» телефон... Зачем он себя сейчас успокаивает? Зачем? Не взял телефон, всё равно – идиот безмозглый.

Бесполезно он разжал почти механически створки капкана, вытащил зажатую, треснутую в двух местах пластмассовую оправу. Поднёс к глазам почти вплотную – стёкол не было, лишь в одном месте торчал осколок треугольной формы. Ромка повертел оправу в руках, не понимая, что делать. После сунул её в карман куртки, пошарил пальцами по снегу, нашёл ещё один осколок стекла, покрупнее, приложил к глазу... Осколок

крутанулся в пальцах и уколол их. Ромка рукой тряхнул, тут же на подушке большого пальца показалась кровь, сам же осколок выпал в снег и тут же исчез. Ромка наклонился к снегу вплотную, со стороны было похоже, что он снег нюхал. Руками он осторожно водил по снегу, пытаясь всё же нащупать какой-нибудь кусочек спасительного стекла покрупнее, но осколков покрупнее не было. Челюсти самого хищного, безжалостного и чудовищного орудия лова зверей очень точно поймали его очки в свою пасть и раздробили стёкла в порошок. Капкан поймал его сам и безжалостно оставил беспомощного посреди тундры – бескрайней тундры... того самого «белого безмолвия»... Город был рядом, километров пятнадцать отсюда. Куда идти? Молоко. Солнца нет, ориентиров нет, даже ветра нет, чтобы запомнить хоть примерное направление.

Ромка сел на колени. Тупо, бессмысленно, невидяще смотрел в снег. Мысли вообще отсутствовали. Он впервые за свою очень короткую, молодую жизнь не знал, что сейчас делать. Дома этих очков у него пять или шесть в запасе валяется... Дома. Дома. Дома. Здесь-то что делать? Ромка поднялся на ноги, достал из рюкзака термос с чаем, выпил пару глотков, спрятал обратно, поправил ружьё на плече, оглянулся вокруг – молоко. Туман. Белая взвесь. Он зажмурил глаза, открыл – ничего. Зачем жмурился? Глупость какая. Что делать? Он вновь оглянулся вокруг – пустота. И тишина в тундре вдруг стала какая-то неземная, словно вымерло всё рядом. Ни ветерка, ни куропачьего треска, ни клёкота канюка тебе сверху – ничего нет.

«Домой идём!» – сказал он себе так, словно приказал другому, кому-то другому, который уже так испугался, что и двинуться с места сил нет.

Снег закрипел под лыжами уверенно, как всегда, как бы ободряя: не всё так плохо, идти можешь – значит, дойдёшь. Ромка глянул вперёд – а куда дойдёшь? Куда идти? Так, стоп! Капкан стоял здесь, за спиной, он пришёл оттуда... Перед этим он пересёк длинную вереницу кустов в распадке, там летом течёт бурный ручей, тальник высокий растёт, до самой весны его не замечает. Он дойдёт до этого тальника, и тогда надо будет идти ровно вверх по тундровому подъёму, а когда он выйдет на него, то, вполне возможно, увидит впереди тёмную дымку от города. От городских труб по всему горизонту тянется тёмная полоса дыма... Но это же с нормальным зрением, это же когда видно всё... Увидит ли он сейчас эту дымку? Хоть бы просто тёмную полосу увидеть, хоть бы что-то увидеть...

Он шёл – словно был в какой-то пустоте, словно и не шёл вовсе, а двигал ногами на одном месте, а тундра под ним крутилась во все стороны, и конца и края ей не было и быть не могло. «Север крайний – он бескрайний...»

Через час Ромка понял, что идёт не в ту сторону, что идёт не домой, а неизвестно куда. Вереницы кустов не появилось, тундрового подъёма не было, он шёл по ровной местности куда-то в другую сторону от города. В какую? Куда ещё можно было выйти здесь? Если на восток, то можно было попасть на дорогу, ведущую в дальний посёлок... Если на восток... А он куда идёт? Так... на дорогу? На дорогу – это уже к людям. Там хоть раз в сутки, но пройдёт машина, там... А где восток? Где солнце? Солнце в декабре на юге находится. Нет солнца. Одна сплошная серая туча величиной с небо. И ветра нет... ветра нет... по ветру он бы запомнил движение, по ветру... Куда идёт?

Прошло ещё с полчаса, и Ромка заметил, что вокруг начинает очень уверенно смеркаться. День уходил. Снег мерк, темнел, вначале стал отдавать лёгкой синевой, потом начал сереть... Ромка инстинктивно ускорил ход, словно хотел догнать день... А куда побежал? Ромка остановился. Куда он бежит? Вокруг уже полная мгла. Сейчас пройдёт ещё с полчаса времени, и снег да небо полностью исчезнут. Останется этот тёмный туман вокруг.

Через полчаса небо и снег полностью исчезли. Совсем исчезли... На тундру опустилась ночь. Где-то за тяжёлыми тучами явно шла луна. Полная, яркая луна. Это Ромка понял сразу, потому как даже при самой сильной облачности зимой в тундре полной темноты

не бывает. Хоть какой свет, но пробивается сквозь эту пелену мрака, а снег – он как глаза кошки, от него даже свет далёких звёзд отражается.

Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам – четырнадцать часов дня. Ночь. Тихо. Ни ветра, ни свиста, ни крика, ни голоса – ничего. Мёртво. Как перед глазами ничего, так и вокруг ничего. Что же делать? Идти ночью? Точнее, не ночью, а в ночи... в темноте полной? Куда?..

Ромка остановился, сел на снег, снял рюкзак, открыл его и стал смотреть, что там есть и что могло сейчас хоть как-то пригодиться. Спички, зажигалка, сухой спирт, сало, термос, фляжка с коньяком (брал больше для форса, нежели для дела, никогда на охоте не пил), аптечка... Кстати, есть таблетки с кофеином, говорят, могут выручить, если совсем усталость одолеет. Ромка снял ружьё, переломил стволы, достал патроны с мелкой дробью на куропатку, зарядил картечью... Зачем? Он же не видит перед собой дальше полуметра? Стрелять в кого? В волков? Идиотизм – они зарежут раньше, нежели успеешь руку поднять... Но здесь волки не ходят, здесь место пустынное, а им же есть надо... Здесь им зимой есть нечего, здесь нет волков... А кто есть? Липкий страх сковал немного сознание, Ромка поднялся на ноги – надо двигаться, если так сидеть и ждать неизвестно кого, можно с ума сойти. Он всё же снял курки ружья с предохранителя, повесил его на плечо стволами вниз, поправил за спиной рюкзак, вытащил фляжку с коньяком, открыл твёрдой рукой, отпил несколько глотков, граммов сто, поморщился, сказал громко: «Вкусно. Вперёд!»

И пошёл вперёд. А может, и назад. Он не знал. Если начнётся тундровый подъём, значит, идёт правильно. Перед городом подъём, потом долгая двухчасовая дорога вниз. А перед подъёмом кусты, длинная вереница, метров на пятьсот. Но ни кустов, ни подъёма не было. Когда он в следующий раз глянул на часы, было уже пятнадцать часов дня в ночи. Темнота сгустилась полностью. Но ни огонька нигде, ни светлячка какого. Сколько бы он сейчас отдал хоть за какой ориентир! В голове впервые качнулась мысль: где-то надо ночевать... Хоть где-то. А где ночевать, если вокруг никакого тебе не то что дерева, куста, бугорка, а и просто кочки, возле которой приткнуться можно?

Ромка снял лыжи, пробил ногами ямку под ноги, сел на лыжи, достал из рюкзака сухой спирт. Как обычно, он взял его много – полсотни таблеток. Спирт – груз лёгкий, а в случае чего грел неплохо. Не раз Ромка уже мог убедиться, что одна таблетка вполне может спасти обмороженные руки. Причём греть руки можно было на ходу. Поджигашешь таблетку спирта, кладёшь её на поддон небольшой алюминиевой печки, в виде крошечной «буржуйки» с алюминиевым стаканом внутри для кипячения пол-литра чая, и прямо так, с печкой, и идёшь, в руках её держа.

Сейчас Ромка поставил эту печку на снег, в стакан снега засыпал, пару таблеток поджёл и стал смотреть на огонёк в лотке печки. Смотреть больше было не на что. Всё остальное меркло в темноте и тумане при отсутствии зрения. Тишина вокруг была мёртвая. Темнота мёртвая, тишина мёртвая... Каждое движение Ромки отдавалось какими-то посторонними звуками извне. Ромка оборачивался, щурился изо всех сил, но ничего не видел. Чай согрелся быстро, он заварил покрепче, решив, что лучше ему не спать, а просто сидеть и ждать рассвета... Сколько ждать? Сейчас уже было шестнадцать часов дня, светать начнёт в восемь утра... Шестнадцать часов ожидания. В полной темноте, в полной слепоте.

Глупо, конечно, было не взять с собой сотовый телефон. Хоть зарядить полчаса да выключить, а включить, когда уже и в самом деле понадобится. Впрочем, Ромка здесь серьёзно задумался: а стал бы он сейчас, к примеру, звонить... Куда звонить? В службу спасения? Смешно. Ни за что бы не стал. На смех бы подняли. Пошёл парень снимать капкан да угодил в него сам! Да как!.. Очки с носа слетели и – вдребезги! Нет, не стал бы звонить. Положение и глупое, и нелёгкое, но звонить, просить помощи – ещё глупее. Ночь пересидит, а там посмотрим. Выйдем куда-нибудь. В конце концов, он не в открытой тундре, в трёх сторонах из четырёх – или город, или дорога, или посёлок дальний. Самое ближнее – километров десять-пятнадцать будет, это всего-то три часа ходьбы. Хорошо бы

ещё знать, в какую сторону ходьбы?.. Нет, звонить в МЧС он бы всё равно не стал. Может, это и глупо звучит, но стыдно как-то и уж тем более – не по-мужски. Тоже мне, ох-хотник!

В своё время Ромка очень многое прочёл из того же Джека Лондона о «белом безмолвии». Читал всегда хорошо: под торшером, в уютном кресле, со стаканом горячего чая... Переживал за героев, представлял, как бы он... А как бы он? Вот он сейчас и «как бы...» Есть у Джека Лондона такой рассказ, когда человек выходит один в маршрут, минус шестьдесят по Фаренгейту, по Цельсию это где-то пятьдесят два... Холодно! И человек этот промочил ноги в ловушке ручья. Хотел костёр разжечь, да не смог, так и замёрз. Мораль такая: не ходи в маршрут в одиночку. Друг бы разжёл ему костёр, и человек остался жив. Конечно, с его положением такой случай сравнивать глупо, но всё же: был бы рядом друг, он бы просто вывел его из тундры, из темноты, из слепоты. Но друга не было, все друзья были годны к службе в армии и сейчас отдавали свой долг Родине.

Вода закипела быстро. Прямо в колбу Ромка бросил два пакета чая, сахара несколько ложек, достал колбу и, держа её в перчатках, обжигаясь, стал пить. Холодно не было, но Ромка знал по опыту своему небольшому, что человек после ходьбы остывает очень быстро, оглянуться не успеешь. Полчаса посидишь на снегу – и замёрз. Поэтому любое тепло лишним не будет.

Через час его пробрал первый озноб. Ромка поднялся на ноги, беспомощно в который раз оглянулся в темноте, надел лыжи и пошёл... Куда? Куда-то вперёд. Правда, он сейчас не знал, где этот «перёд», но, на всякий случай, пошёл не в ту сторону, в которую шёл до сих пор, а совершенно в другую. Может, так выйдет на подъём перед городом. Ему лишь бы оказаться наверху, лишь бы выйти из балки. Освещённый огнями город он всё равно увидит, увидит просто свет... О, боже мой, сейчас бы свет! Тучи висят так низко, тучи столь тяжёлые и тёмные, что даже света города не отражают. Но если выйти на подъём – город раскинется перед ним сразу во весь горизонт одним облаком туманного света, и тогда он пойдёт просто на этот туман света... А если не раскинется? Если он даже этот туман света не сможет увидеть?.. Страх ударил ещё раз, ударил вновь больно, и Ромка опять ускорил шаг. Он бодро двинулся в обратном направлении, совершенно не предполагая, что два часа назад ушёл от города на несколько километров назад, а теперь идёт просто вдоль, идёт просто параллельно подъёму и городу за ним, куда-то в глубь тундры, в то самое «белое безмолвие», где человеку в одиночку с природой не справиться.

Сколько шёл, Ромка не считал. Просто шёл в темноте ночи, переставлял лыжи, вначале считал шаги, потом перестал, потом стал смотреть перед собой, в надежде хоть что-то увидеть обнадеживающее.

«Черноты ночи в тундре не бывает, – шептал он себе, – снег отражает всё. Снег отражает всё. Ночи нет как таковой... Если город рядом, то видно всё, что впереди тебя делается, всё на ярком фоне городских огней. Я должен увидеть огни, как только поднимусь на этот подъём, как только выйду на подъём, я увижу мириады огней, расплывшихся в одно облако, мириады огней... а не эту серую мглу...»

Часам к семи вечера Ромка стал уставать. Ноги слегка подрагивали, дыхание хоть и было ровным, но клубы пара вырывались наружу из-под куртки, оседали инеем на ресницах, бровях. Мороз был небольшим, градусов до двадцати, ветра почти не было... Ах, если бы был ветер! Если бы постоянно дул ветер, Ромка тогда, по крайней мере, мог ровно идти в одну и ту же сторону. А так... так он постоянно сбивался и не понимал уже совсем, куда идёт. Он читал, что в джунглях человек может выйти по прямой, только если будет ставить на расстоянии шесть и, выравнивая их в линию, так идти... И вообще, а надо ли в такой ситуации куда-то идти?

В девять вечера он упал на снег и лежал минут десять не двигаясь, стараясь контролировать себя, чтобы не подмёрзнуть на снегу. Потом вновь сел на лыжи, достал из рюкзака сало, съел его в один присест, или за один укус, выпил ровно глоток коньяка и,

отломив от шоколадной плитки половину, закусил. Шоколад ему всегда давала с собой мать, говоря, что лучших калорий в тундре не найти. Смешно. Это всегда казалось ему смешным: сладкое – на охоту! Но после шоколада он и в самом деле почувствовал себя лучше, бодрее и пошёл веселее... Куда?

Если бы Ромка мог взлететь вверх, как мохноногий канюк, и осмотреться вокруг, то увидел бы, что он благополучно прошёл ровно между далёким уже городом и одинокой шахтой на восточной стороне Северска и вышел в самую настоящую открытую тундру, где впереди нет ничего, кроме заснеженного пространства.

В одиннадцать часов ночи он свалился на снег и лежал так долго, недвижимо, пока тело не стал пробирать озноб. Тогда встал, посмотрел невидящим взором перед собой, посмотрел в небо, вокруг, назад, по сторонам... внезапно резко повернулся вправо и пошёл совсем в другом направлении. Хотелось пить, очень сильно хотелось пить, но горячего не было, а от коньяка начиналось лёгкое похмелье. Похмелье сейчас совсем ни к чему.

К полуночи стало казаться, что кто-то идёт рядом с ним и постоянно что-то советует. Советует тихо, словно шепчет: не туда идёшь, не туда... иди обратно, там город, вон там... иди туда. Ромка пару раз оборачивался, но никого не видел. От неизвестности у него запульсировало в голове. Голос стал настойчивее, ему даже показалось, что он кого-то заметил рядом... здесь вот, справа... Ромка резко повернулся, но никого не увидел, тогда громко сказал в пустоту ночи: «Хорошо! Я пойду туда!»

Постоял, посмотрел «туда». Потом резко сбросил рюкзак, достал фляжку с коньяком, потряс перед ухом – там плескалось хорошо, значит, ещё много, больше половины. Он отпил хорошую порцию. Голова сразу просветлела, сознание укрепилось, сам себе сказал: «Глюки. Держись, ты сильнее!» Голос пропал, рядом шедший невидимый пропал, остались только ночь, темнота, слепота и снег, холодный, тёмный снег повсюду. В девять утра начнёт светать, надо продержаться до девяти, – подумалось ему, – когда рассветёт, легче будет идти, не так... не так страшно. Надо коньяк растянуть на девять часов. Как? По пятьдесят граммов каждые два часа? Может быть...

Где же подъём? Где этот тундровый подъём? Ничего не видно, ничего. Темень. Темень даже в сознание пробирается. Пробирается, селится там и держит его сознание в страхе. Темень.

Отчего-то вспомнился старый фильм о войне с фашистами, фильм назывался «Операция Хольцауге». Или нет? Как-то не так. Или так? Там главный герой на время заболел «куриной слепотой», потерял зрение и должен был ещё и вести с собой пленного фашиста... Ему, наверно, было ещё тяжелее? Что уж тут жаловаться? Иди себе и иди. Ты же не ведёшь с собой пленного фашиста?

Сколько времени? Он поднёс руку с часами вплотную к глазам, на расстоянии сантиметров десяти, дальше не читалось, глянул – ого, час ночи! Час прошёл – не заметил. Куда прошёл? Боже мо-ой... Куда же он прошёл? Нет подъёма тундрового – нет жизни ему, нет ему спасения без этого подъёма. В другой стороне, где стоит далёкая шахта на восточной стороне, он и не знает ничего... Впрочем, зачем ему знать? Выйти бы ровно на шахту... На любую территорию. Сколько раз здесь – или не здесь – ходил, сколько раз видел всегда вдали вездеходы, даже с охотниками встречался несколько раз... Вот сейчас бы?... Хоть бы один человек! Один чужой человек, просто человек, любой, любой человек, одно слово, один жест, рукой махни!.. Куда идти? Он бы дошёл куда угодно, лишь бы знать, что правильно идёт.

В два часа ночи Ромка упал. Упал и не двинулся. Даже рюкзак стащить с себя и достать фляжку сил не было. Так он пролежал неизвестно сколько. Замёрз. Глаза закрывались, он смотрел перед собой на рукав куртки и видел, что снег стал припорошивать обшлаг... Снегом заносит? Ромка дёрнулся с силой вверх, сел на колени – пусто вокруг, темно, слепо. Встряхнулся, глянул на часы, достал фляжку, сделал глоток. Пить нельзя же?.. В таких

ситуациях пить нельзя – он знал, он читал, ему говорили, но он же не пьёт, он только поддерживает себя.

Ромка не заметил, как уснул сидя на коленях, уснул и повалился лицом в снег, просто лёгкое похмелье спровоцировало слабость... Слабость, помноженная на неизвестность, сработала простым отключением сознания. Он ничего не увидел во сне, кто-то рывкнул рядом: ты в тундре! Ромка очнулся, поднялся, постоял, пошатался, глянул на часы: он спал восемь минут... это много. Пошатываясь, он опять повернул в сторону, уже не соображая, в какую, и пошёл наугад дальше. В этот раз путь его лёг ровно на восток... Если бы Ромка двинулся бы ещё немного в сторону, то вышел бы ровно на шахту через несколько часов... Там много огней у шахты, он бы увидел эти мутные, расплывчатые точки огней и вышел бы на шахту, но Ромка не сделал этого лишнего движения и пошёл обратно, подъём остался далеко-далеко в стороне, шахта – в другой стороне, Ромка пошёл вновь в открытую тундру.

Зачем он поставил этот капкан? Зачем ему вообще капкан? Он что, траппер? Добытчик пушнины? Он же на охоту ходит не для пропитания, а для удовольствия... Удовольствие убивать птиц и зверей – какое-то сомнительное удовольствие. Тогда он просто ходит на охоту, чтобы воспитать себя, воспитать в себе мужчину, знать, что такое оружие, раз его не берут в армию, он должен сам постичь эту часть мужской жизни... Зачем? Хорошо хоть, никакого зверя ещё не убил, только куропаток стрелял да уток осенью. А как убьёт, так и жалко сразу. Ну да, птичку жалко, сказать кому – засмеют!

Зачем он поставил этот капкан? Получается, поставил капкан для себя. Себе поставил капкан. Не рой яму другому, даже зверю, сам в неё попадёшь. Сколько бы мучился тот же песец, пока бы сидел в этом капкане? Так же вот бы мучился, изворачивался, кусал бы железо, но уйти не смог бы... Он сейчас тоже кусает сам себя, изворачивается, а уйти из тундры не может... Тундра держит... Зачем же он поставил капкан? Если бы зверь попался?... Он бы как – подошёл бы к капкану и пристрелил беднягу? Вот так – расстрелял бы несчастного зверя? Расстрелял бы? Нет? Тогда зачем он ставил этот капкан? Зачем?

«Себе ты ставил капкан!» – сказал кто-то рядом громко и отчётливо.

Ромка вздрогнул, остановился, огляделся вокруг слепо и глупо, ружьё стащил в момент, стволы заходили по сторонам так же слепо и глупо. Вокруг было пусто. Темно. Холодно.

Кто сказал-то? Кто? Кто здесь? Он не мог остановиться, оборачивался, всматривался в темень – ничего, никого. А кто тут мог быть? Если бы кто-то был, так подсказал бы, в какую сторону идти. А здесь никого. Никого. Самое страшное – когда никого, а кто-то, кажется, есть! Но вперёд! Идём! Не сдаваться! Это такая проверка! Это проверка, как в армии... Просто проверка: если будешь сопротивляться – не сдохнешь!

Зачем он ставил капкан? Кому он ставил капкан? Для чего? Кого он проверял? Кого воспитывал? Себя? Себя добротой и отзывчивостью надо воспитывать, а не капканом на зверей! Где же город? Где же шахта? Нет, на шахту выйти невозможно, огней мало – не увижу их просто. Выходить надо на город... Как выходить? Куда выходить? Может, вновь повернуть наугад и пойти вновь в другую сторону?..

Боже мой, зачем же он ставил капкан? Когда же утро? Где этот свет, где рассвет? Если бы вдруг тучи стянуло в сторону и показались звёзды?.. Он бы не увидел звёзды, это уже проверено. Может, луну? Луну бы увидел... Как по луне выйти в город? Зачем я всё это думаю, если луны нет и не будет? Луна, как и солнце, идёт южной стороной... Надо же о чём-то думать, чтобы голосов не слышать посторонних? Интересно, а если глаза закрыть? Он так же пойдёт, с таким же успехом? Если глаза закрыть... закрыть... а если они открытые, что-то меняется? Меняется. Когда глаза открытые, у него есть ощущение окружающего пространства, у него есть ближний круг видимости действий. Боже мой, у него же дома родители! Вот интересно, там что? Объявили поиски? Где, в каком направлении? Он никогда не говорил, в какую сторону ходит охотиться. Он никогда вообще не говорил на эту тему, как-то всё было чисто и гладко всегда. Родители даже

не знают, где меня искать! Какой я дурак! Зачем я купил этот капкан? Будь проклят тот момент, когда я решил купить этот капкан, будь проклят тот миг, когда мне пришла в голову эта мысль – ловить зверя на капкан! Будь проклят...

К трём часам ночи он впервые почувствовал, что ноги устали и передвигаются не так, как обычно: чтобы сделать шаг, надо было совершить усилие. Наверное, это и есть «еле-еле ноги волочить». Кто это сказал? Где-то прочитал? Джек Лондон? Нет. Это никто не сказал, это так... поговорка. Ромка вспомнил, как нарочито небрежно после охоты отвечал матери или отцу, на вопрос: «Что, убил?» – «Ноги». Вот сейчас он действительно убил ноги. Как же идти тяжело. Может, надо сесть и отдохнуть? А как станет засыпать? А как заснёт? А как... Когда человек замерзает, то перед гибелью ему становится на самом лютом морозе ужасно жарко. Человек начинает стягивать с себя одежду, всю... Ужасный обман организма... Человек замерзает от холода и раздевается догола... Смешно и горько... Сколько таких историй он уже слышал... Пришёл его черёд? Боже мой, что за слова «пришёл черёд»? Что ж ты болтаешь? Что ж ты... или это не я?.. Тогда кто? Опять кто-то рядом идёт? Опять кто-то...

Ромка стянул с себя рюкзак, достал фляжку, отпил пару глотков, доел весь шоколад горький. Постоял, тупо смотря себе под ноги, не видя даже своих лыж, а лишь расплывчатые две доски светло-жёлтого цвета... А вообще – он ещё жив? Может, это уже то, что материалисты называют последним всплеском работы головного мозга? А он кто? Материалист? Нет? Нет, конечно, он же в церковь с отцом ходил. А может, надо Богу помолиться? А как? Как молиться Богу? Как молиться, когда это надо? Ромка встряхнулся, набрал в лёгкие воздуха и изо всех сил громко заорал... Просто заорал. Без слов. Тундра проглотила этот вопль. Снег не отразил крика, воздух морозный не раскрошился отголосками, тяжёлые, чёрные, низкие тучи сожрали звук сверху, и тундра вновь впала в безмолвие. Крикнул – словно голову в аквариум опустил.

Зачем... он... купил... капкан?..

К утру мороз стал понижаться. Иней на ресницах просто стал мохнатым. Ромка определил температуру в минус тридцать. Он ошибался: иней появляется в минус тридцать восемь. Очень простая климатическая арифметика: днём – двадцать, ночью – сорок.

«Я дойду до города! – сказал он вслух громко и отчётливо, даже удивившись, что сил для этого вполне достаточно. – Я дойду до города в любом случае! Надо просто разобраться, куда идти. Стоп!»

Ромка остановился. От неожиданности для себя чуть не упал лицом вниз. Но удержался, покачался немного и устоял.

«Стоп! – повторил он, чувствуя, что стоять ещё труднее, чем идти, ноги стали тут же предательски дрожать, коленки как-то неуправляемо подгибались. – Где бы я ни находился, – проговорил он громко, громко для себя, – в любом случае, в одной стороне от меня город... в другой стороне, на восток... у меня шахта... шахта – место небольшое, но... но там ведь есть железная дорога...»

Мозг как игла пронзила: он совсем забыл, что на шахту идёт железная дорога! И дорога эта пересекает очень большую площадь тундры, потому получается, если он... значит, он идёт до сих пор просто параллельно и городу, и шахте с этой железной дорогой?.. Глупо как.

Ромка вновь повернулся ровно на девяносто градусов. Лыжи переставил под прямым углом и, глянув вперёд, да ничего не углядев, пошёл... Теперь он точно выйдет, теперь он выйдет. Если на город повернул – вначале будет подъём, потом будет россыпь света, россыпь света... А если на шахту? Тогда выйдет на железную дорогу... Так. Но там ведь сегодня, в наше дурацкое демократическое время, когда всё закрывается, по этой железной дороге поезда ходят один раз в неделю! А ничего, по дороге он выйдет на шахту.

Очень бодро, словно сил прибавилось, Ромка пошёл вперёд. Уверенно, словно видел перед собой ориентир. Он шёл. Он шёл и никого рядом с собой не видел, никого рядом с собой не слышал. Это Ромка расценил как некоторое выздоровление. От чего? От

страха. От страха... Он и слова такого особенно в жизни своей не употреблял. Откуда этот страх взялся сегодня? Неужели состояние полной слепоты может так разрушать сознание, что человек начинает испытывать страх? Ну да, подумалось ему и вспомнилось то состояние, которое им овладело, когда всё случилось – полная безысходность. В один миг – стена, пропасть, мрак, пустота. Жизни нет. А как жить, когда не видишь ничего и от потери зрения даже голова начинает кружиться...

Зачем он купил капкан?..

Нет, не так... Что ты заладил: купил да купил? С чего ты решил, что можешь издеваться над животным?.. Кто тебе право дал, кто разрешил, а? Ты – высокоорганизованная материя! Захотелось острых ощущений за счёт страданий животного? Вот и поделом. Господи... Ромка даже шаг сбавил от неожиданности мысли: а что если это всё наказание ему за этот поступок... проступок перед Богом? Он же сам говорил, что в церковь ходил, что не материалист, значит... значит, Господь ему наказание даёт?.. Или как там? Он задрал голову и громко крикнул в тучи: «Я всё понял! Я всё понял! Отпусти! Отпусти домой!..»

Неизвестно каким образом, но Ромка услышал каждое своё слово, выкрикнутое в небо. Потом криво усмехнулся, погрозил туда же пальцем и сказал, как определил:

– А-а... я понял... я не сдамся... нет!

Твердя эту мысль, повторяя каждое слово как заклинание, он пошёл дальше. Мысль эта – не сдаваться ни при каких обстоятельствах – вначале помогала идти, потом стала надоедать и сидеть в его голове гвоздём, это выматывало нервы, вместе с нервами выматывало силы. Иногда он поднимал голову и слепо всматривался вдаль... глупо так... как щенок слепой... больше на запах ориентируясь... Вдруг ему показалось, что стало вокруг как будто светлее. Ромка обрадованно подтянул руку к глазам: шесть утра, до рассвета ещё три часа.

Он шёл так медленно, что «знаменитые» и всем известные «пять километров в час» остались лишь в голове. Хорошо если у него выходил километр в час, хорошо, если этот километр был в верном направлении, хорошо, если этот километр пролегал по более-менее ровной местности, где не приходилось поднимать ноги на барханах снега, где ещё не улёгся хороший наст, хорошо, если ноги просто скользили, а точнее, плелись по снегу.

Он вспоминал, что у него осталось в рюкзаке от съестного. Осталось немного, может, бутерброд ещё? Может. А разве он его не съел? Может, посмотреть? Но посмотреть – это же остановиться, снять рюкзак, расшнуровать его, залезть в него рукой... Что я говорю? Нет сил останавливаться, нет сил снимать рюкзак, вот и всё. Да и потом, есть он не хочет, это всё обман... действие алкоголя... калорий у него достаточно, просто мышцы устали... просто судорога начинает уже хватать за икры и бёдра... просто человек не машина, живёт тогда, когда есть возможность отдохнуть... Просто жизнь закончилась. Вот именно так ему на роду написано закончить жизнь. Погибнуть в тундре, куда он ходил, чтобы закалить себя, чтобы стать сильным, чтобы доказать себе да и всем окружающим, что может... А что он может? Зверям капканы ставить? Стрелять в них? Здесь его вдруг охватил истерический смех, смех ни о чём. Просто смех. Он вспомнил, как генералы, выходя на охоту на кабана в лесу, берут с собой профессионального снайпера, чтобы тот, в случае чего, застрелил кабана, когда генерал промахнётся и зверь бросится на него. А ещё с вертолётов... А ещё.. ещё эти – сразу выбросила память телевизионную картинку, – которые в Африке охотятся на львов и буйволов... наши нувориши-миллионеры тоже с прикрытием, а потом хвастают здесь, в России, я вот застрелил в Африке... Ох, Господи! Он вскинул лицо в небо: «Господи! А их почему не учишь? Их – почему? Они же ещё хуже?..»

Он шёл и шёл, уже не зная, зачем идёт дальше, не всё ли равно, где, в какой точке этого бескрайнего снега умереть? Но он шёл, шёл, потом вновь смотрел на небо, говорил тихо: «Капканы ставить не буду, даже убивать не буду, даже куропаток, а в тундру ходить буду... буду, буду, буду! Просто буду ходить, смотреть...»

В магазине охотсоюза продавались сигнальные патроны, подобие салюта, сигнальных ракет. Почему тогда не купил? Денег пожалел? Думал, что не пригодятся? А интересно,

пригодились бы сейчас? К примеру, у него были бы сигнальные патроны? Ну выстрелил бы? Ну увидел бы кто? Откуда увидел? Он, похоже, в балке какой-то ходит, в низине, ну выскочит из-за горизонта огонёк на секунду-другую – кто в городе заметит? А если и заметит, то... Я бы что подумал? Подумал бы, что какие-то ребята развлекаются, чудят. Ну да, для сигнала обстановка нужна, когда все на стрёме, когда все в курсе, что человек пропал, и любая информация, любое происшествие в тундре, любое явление... Людей ищут через три дня. Людей ищут через три дня. Тебя никто не ищет. Ох, и дурачьё люди! Искать надо, пока жив! Или вы думаете, что человек ушёл в тундру и не вернулся в назначенное время, так он остался там погулять?

Ромка упал. Упал и не поднялся, даже попытки не сделал, лежал, дышал тяжело и только и пытался контролировать себя, свой воспалённый мозг, чтобы не уснуть. Дыхание било в снег, и снег этот стал сразу оседать вниз, кристаллизироваться и таять на глазах. Ромка хрипнул горлом, согнул руку в локте и упёрся ею в снег, только тогда почувствовал, что пальцы у него холодные, можно сказать, что замёрзшие. Рукавицы не греют? Странно. Он, кряхтя во всю силу, поднялся на колени, вытащил ладонь из рукавицы, пожимал её, потом засунул в рукавицу и стал что есть силы бить обеими ладонками о колени, стараясь их таким образом разогреть. Так разогревали руки все старатели на Аляске. Об этом он читал у Джека Лондона. А если тот сам не знал, что писал? Но руки скоро стали немного отходить. Ромка поднялся на ноги и, сжимая ладони с силой, что осталась, пошёл дальше. Потом быстро снял обе рукавицы, как следует дунул туда дважды, надел – чуть теплее, кожаные рукавицы держали его дыхание, но недолго. Вновь стал сжимать и разжимать пальцы. Вновь показалось, что стало светлеть. Посмотрел на часы – стёклышко у часов запотело, циферблат видно было плохо, Ромка посмотрел сбоку: около восьми утра... Значит, скоро день! Скоро рассвет! Боже мой, неужели будет свет в этой тундре? А что ему свет, если зрения нет? Что ему свет? А многое! Свет – это жизнь, когда светло, идти легче, и когда будет светло, он обязательно найдёт выход. А он сможет идти, когда будет свет? Может, уже ноги откажут? Обязательно сможет! В любом случае сможет, как только свет появится, он сможет идти даже быстрее! Ромка верил в это уже как-то истово.

Когда небо обложено тучами, когда зимой солнце появляется лишь за горизонтом, не выходит на небо в полном своём величии и красоте, когда лучи его попадают на землю, только отражаясь от небесного свода, тогда и свет приходит к вам так незаметно, что видишь его, лишь когда очертания предметов вокруг вырисовываются перед тобой или горизонт сам по себе выплывает далеко впереди бело-серой ниткой, границей между небом и землёй.

Ромка этого видеть не мог. Просто к девяти утра он заметил, что видит, едва видит желтизну своих лыж... Взгляд мигом устремился вперёд. Вперёд! Но впереди была серая мгла. Рано. Он посмотрел на часы сбоку, словно мог заглянуть под запотевший циферблат... Около девяти?

Рассвет пришёл. Пришёл полный рассвет. Ночь закончилась. Свет пришёл ненадолго. На какие-то пару часов, не больше. Это всё вместе – рассвет, день и вечер – два часа, ну три, не больше. Потом опять ночь с двенадцати дня до девяти утра.

Ромка стал вглядываться вперёд, давить на глаза, жмуриться изо всех сил, раньше так иногда получалось, что на какое-то мгновение было хоть что-то видно... Но ничего не вышло. Глаза слипались. Ромка хотел повернуться вновь в какую-нибудь сторону и изо всех оставшихся сил пойти, попытаться счастья в другой стороне. Повернуться сил не было. Перед ним была открытая тундра, в ней едва уловимой полоской темнело... темнели... А что там может темнеть? Вереница кустов? Ручей замёрзший? Тальник? Ручей может его вывести... куда? Ручей может вывести к речке. Возле шахты течёт небольшая речка Юнь-Яха. Тогда надо идти к ручью. А если это не ручей? Сил нет проверять. А что это? Спать хочется, так спать хочется, так в тепло хочется... Сейчас бы упасть на снег, хоть на десять минут, хоть на пять минут, хоть на минуту. Просто полежать минуту. Он читал, что йоги

могут отдыхать десять минут, и этот сон будет равен восьми часам обычного сна... Он не сможет спать десять минут – он может заснуть навсегда. Неужели умираю? Зачем я купил капкан?..

Ромка стоял между выбором: сесть и отдохнуть... Как отдохнуть – заснуть? Второе – идти. Куда идти? Вновь выбрать какую-нибудь сторону и вновь наугад? Глаза слипаются... глаза... Боже, я сплю на ходу. Ромка зачерпнул рукавицей снега и протёр лицо... Боже, Боже, помоги, не забирай меня к себе или куда там мне определено? Куда?

Снег таял на лице. Снег немного ободрил. Немного. Ромка вынул руку из рукавицы и протёр ладонью лицо, протёр так, что снег стаял на ресницах.

«Боже, Боже, не покидай меня! – прошептал он старательно, как мог. – Боже...»

И тут в мозг вошла стальная, холодная игла, вошла так, что в любой другой раз Ромка просто бы заорал от боли, но не сейчас. Сейчас он увидел то, что так сильно хотел, так сильно просил, так желал... Маленькая, крошечная капелька снежной воды, стоявшая на ресницах под его рукой, осела на этих ресницах, сощуренных чуть ли не вплотную... Это было мгновение, это была даже не секунда – миг, вспышка, взрыв в сознании... Маленькая капелька воды сыграла роль линзы, и Ромка увидел всё вокруг на этот миг! Он увидел перед собой огромное поле снега, огромное, бескрайнее поле снега – никакого города, никакой шахты, ничего, ничего, только серая полоса насыпи, только серая полоса железнодорожной насыпи!.. То, о чём он думал, было не кустами, а железной дорогой с шахты. Ромка вскрикнул на все окрестности и побежал на лыжах вперёд. Капелька воды давно исчезла, вновь была вокруг одна муть, вновь вокруг было лишь серое, белое, мутное пространство. Но сознание цепко держало картинку насыпи. Каких-то сто метров? Ромка пробежал их в двадцать секунд. Перед насыпью он упал, потому что насыпь была крутая, подняться на лыжах не смог, сбросил лыжи, стал карабкаться наверх, выбрасывая ещё не припорошённые куски щебня из-под себя...

А вот и они – две стальные полосы рельс. Рельсы уходили вдаль в обе стороны. Куда? Никуда. Ромка упал на рельсы, пытаясь обхватить их руками, лицо его уткнулось в шпалы, пахнущие креозотом даже на лютном морозе, из глаз стали сами по себе капать слёзы, слёзы падали на шпалы, и там сразу темнело влагой, потом сразу леденело на холоде, потом опять темнело и опять... Ромка не понимал, что с ним происходит. Он даже забыл в этот миг, что поезда здесь ходят один раз в неделю. Конечно, поезда ходили чаще, но даже если один раз в день, то когда? Успеют? Даже если не успеют, никуда не уйду, никуда отсюда не уйду! Пойду по шпалам... пойду... сейчас пойду...

Ромка лежал на шпалах между рельс и ревел уже в голос, рыдания рвались наружу, и вся окрестная тундра внимала его радости. Занимался день, просыпалась в тундре жизнь. Он даже не помнил, как уснул, он не помнил, как отключился... Он не мог спать, он просто терял сознание, в бесконечном сне он слышал только одно, он слышал что рельсы начали «стучать»... часто, быстро стучать. Так стучит на рельсах только небольшая дрезина или мотовоз, что возит рабочих-железнодорожников... Так стучит спасение, так стучит, так поёт сама жизнь. А вот и ангелы... Сколько их – двое? Ромка не видел лиц, он видел лишь замерший перед ним оранжевый тупомордый мотовоз. Мутный, большой, потому что остановился мотовоз в двух метрах от него. В двух метрах!.. В двух метрах от него!.. Потому и вижу, значит, люди, рядом... Чей-то голос крикнул: «Живой? Хватай его!.. Под ноги давай, может, успеем...»

Михаил МУЛЛИН

Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

АЛЁНА ВОЛЧЬЯ ЗАРЯ

В конце позапрошлого века в Москве, недалеко от Кремля, жила барышня на выданье Алёна. Была она красавица писаная, а происходила из славного древнего рода бояр Шокуровых. Нравом отличалась Алёна кротким, но твёрдым.

Много к ней сваталось женихов, но всем учтиво отказывала. Батюшка её Степан Прокопьевич от того в большом смущении был: уважаемым и достойным сватам – да от ворот поворот!

– Я, батюшка, не из каприза это, – оправдывалась Алёна, – просто сердцу не прикажешь...

– Да знаю... – сокрушался батюшка. – С немилым какая же жизнь?! Я тебя, доченька, не неволю. Только ведь не та счастлива, что счастлива у отца, а та, что у мужа. Ты уж к сердцу-то своему будь повнимательней – а вдруг в нём всколыхнётся что...

И однажды всколыхнулось. Гуляла Алёна с няней своей по зимнему Александровскому саду и услышала, как на одной из аллей молодые офицеры жарко спорят.

– Запретить следует это грубое зрелище! – горячился один.

– Не стоит, князь, это ж народное удовольствие, теперь уже и обычай, освящённый десятилетиями.

– Вот о народе и думаю, – возразил тот, кого назвали князем, – зрелища должны облагораживать нравы, а тут дикость поощряется – травля бедных, обречённых волков несчастными собаками.

– Алексей, – с укоризной воспротивился собеседник, – опять напомню: это уже обычай. Люди привыкли к нему.

– А что касается обычаев, Серж, то напомню, что матушка Екатерина Великая в своё время не побоялась на них восстать: запретила своей монаршей волею принародную травлю медведей в Москве. Мы всё-таки не в языческом Риме живём, чтобы кровавые цирки устраивать!

– Ну ты, Алёша, скажешь тоже! В римских цирках людей – гладиаторов – убивали, а тут – хищников!

– Не хватало, чтобы ещё и людей! – возмутился молодой князь. – А волк – не столько хищник, сколько благородный зверь. Хочешь удаль свою показать – сразись с ним один на один, в чистом поле или в лесу.

И тут нечаянное внимание Алёны к интересному разговору было прервано... страхом, точнее, даже ужасом: из-за угла прямо к ним с няней бросилась громадная собака.

– Ах! – только и вскрикнула Алёна.

И как сквозь страшный сон видела всё остальное: двое молодых людей после её возгласа, мгновенно оценив опасность происходящего, кинулись на помощь.

Тот, что защищал волков, опередил товарища, успел встать между нападавшей собакой и барышней. Ещё на бегу он успел выхватить шашку из ножен и даже догадался обмотать левую руку своей шинелью. Правда, воспользоваться шашкой сразу он не сумел. Собака прыгнула на него – и офицер смело подставил руку под её укус. А когда собака схватилась

зубами за намотанную шинель, молодой человек рубанул шашкой по шее серому зверю. Ударил удачно – нападавшее чудовище свалилось замертво.

У впечатлительной Алёны от страха закружилась голова, и она упала бы на снег, если бы только что спасший её офицер не сбросил с руки прокушенную собакой шинель и не подхватил девицу.

Это помогло Алёне устоять, и слабость оставила её. Она уже совершенно ясно видела, как к её спасителю подбежал отставший товарищ и восторженно закричал:

– Да ты – герой, князь! Даму спас. А как красиво ты заколол это серое чудовище! Тореадор!

– Оставь восторги, Серж, – с досадой ответил Алёнин спаситель, – наша прекрасная незнакомка, кажется, в обмороке – ей помощь доктора нужна. Эй, есть ли в саду доктор?! – закричал он, поворачиваясь во все стороны.

– Спасибо, – возразила Алёна, – мне доктор не нужен. Я уже в полном порядке. Просто я очень испугалась... За вас...

– За меня?.. – удивился и сразу же обрадовался спаситель. – Благодарю вас... Прошу прощения, не знаю вашего имени-отчества... Впрочем, извините, таковы обстоятельства, я представлюсь вам сам: князь Алексей Голенищев. А это, – он указал на своего спутника, – мой несносный товарищ, впрочем, добрый малый Сергей Брянцев. Однополчанин мой...

– Алёна... Степановна, – Алёна в создавшемся положении также сочла возможным и даже необходимым назвать себя. – А это моя нянюшка.

– Спаси вас Бог! – поклонилась няня молодому князю. – Да ведь именно Он вас и послал нам на спасение... Неспроста же нам с Алёнушкой так повезло...

– Ну, думаю, – сказал князь Алексей, глядя на Алёну, – мне повезло гораздо больше...

От этих слов Алёна покраснела, и Голенищев, как бы смягчая ясный намёк, добавил с самоиронией:

– Столько лет напрасно мечтал о героическом поступке, а тут вот, пожалуйста, и барышню защитил, и... в схватке с ужасным зверем победил.

После этой поправки, произнесённой, напомним, с подчёркнутой самоиронией, Алёна испытала горячую благодарность к спасителю своему, улыбнулась и снова, оценив его заинтересованную деликатность, залилась румянцем так, что князь Голенищев и его товарищ не могли не залюбоваться ею.

От этого Алёна смутилась ещё больше, и лицо её ещё сильнее зарумянилось.

Чтобы переломить неловкость, все посмотрели на поверженного зверя.

– Батюшки, – всплеснула руками нянюшка, – да ведь это же не собака, а волк!

– Настоящий волк, – подтвердил Сергей Брянцев. – Уж я как охотник готов вам в том присягу дать! Но откуда же волк среди Москвы?!

– А вот оттуда и есть, – сказал, осознав, что убил волка, князь Алексей, – с Болотного поля, с травли этой мерзкой ноги унёс. Не дал над собой издеваться. И так озлоблен людской подлостью, что с перепугу на беззащитную барышню напал...

– Ну вот, – возразил Сергей, – теперь-то ты уж не станешь волков защищать – сам видел, насколько они опасны!

– Напротив, – ответил его товарищ, – теперь мои убеждения ещё более укрепились, чем там, на поле, когда я народ пытался устыдить – ведь не сам же этот несчастный зверь в Москву пожаловал, его насильно привезли для самой гнусной потехи – на радость грубым душам, с собаками стравливать. И после этого он, по-твоему, не имел права на освобождение любым способом? Я рад, что он за изгородь вырвался и ушёл от тех, кто его оскорбляет. Жалею, что до сих пор это удалось только ему одному. Если бы мог, я бы всем волкам помог оттуда сбежать.

– Чтобы они в Москве народ грызли? – не унимался Сергей.

– А это уж вторая вина людей, – возразил князь. – Преступление не только против свободного зверя, но и против спокойствия горожан совершено: сбежавший волк не должен иметь возможности в город попасть, путь ему следует открывать с Болотного поля только

в лес, за Москву. А то, что дезориентированный зверь из Замоскворечья через Москва-реку да за Кремль пожаловал – это страшная вина людей...

– Вы, князь, – спросила Алёна, согласная с его словами, – тоже считаете недопустимым проводить такие дикие зрелища, как травля волков на Болотном поле?

– Разумеется, Алёна Степановна. Когда пойманного зверя выпускают в загородку и на него спускают двух или трёх бойцовых собак – это нечестно. Даже позорно для человека. И нравы развращает, жестокость в сердцах, а не смелость, развивает. По мне, если уж ты охотник, то выходи на волка один на один, чтобы у него был шанс – победить или благородно уйти, уклониться, не убивать человека.

– Это так справедливо, князь! – поддержала Алёна. – Неужели же только вы это утверждаете? Боретесь с этим?

– К счастью, нет, Алёна Степановна, в народе уже зреет протест против варварства. Московский купец Николай Подосинов даже к властям с челобитной обратился на сей счёт.

– Погоди, Алексей, – не согласился приятель, – теперь ты не можешь так говорить, после того, как сам убил гордого волка!

– У меня не было выбора! – возмутился князь. – Точнее, я выбрал жизнь Алёны Степановны. И потом... это был честный поединок. Не станешь же ты отрицать этого?

– Ни за что! – согласился Брянцев.

Вот так и познакомились Алёна и Алексей, барышня из славного старинного боярского рода Шокуровых и князь.

И когда князь Голенищев по обычаям того времени попросил руки Алёны у её батюшки, тот, уже зная историю их знакомства, ответил:

– Как скажет сама Алёна, я её неволить не стану. И полагаю, князь, что она давно уже... согласна.

Позвали Алёну.

– Ну, что подсказало тебе твоё сердце? – с улыбкой спросил отец.

Покрывшись румянцем смущения, Алёна ответила князю:

– Я согласна... ваша светлость...

Неделю спустя, когда Алексей Голенищев нанёс условленный визит Степану Прокопьевичу, они нечаянно встретились с Алёной с глазу на глаз. От неожиданности лицо Алёны опять залилось красным. Видя это, князь с радостной улыбкой сказал:

– Это вы – моя *светлость*, заря моя невечерняя, солнышко моё!

Однако не соединились два любящих сердца, не состоялась счастливая свадьба Алексея Голенищева и Алёны.

Однажды во время военных учений неопытный солдат-новобранец не сумел бросить бомбу – и снаряд упал прямо в окоп, где кроме этого новобранца находились ещё несколько солдат. Бомбы в те времена не такими были, как сейчас. По способу использования они скорее уж походили на теперешние гранаты – солдаты их руками в наступающего противника бросали. Бомба, которую в окоп уронил нерасторопный новобранец, не была слишком мощной, однако, взорвавшись, могла убить или покалечить всех находившихся там солдат. А этого не мог допустить русский офицер. Это было бы позором для него. Находившийся рядом с окопом молодой князь Голенищев, желая спасти неповинных солдат (и «виновного» тоже), спрыгнул в окоп и, поняв, что вышвырнуть бомбу за бруствер не успеет, накрыл её своим телом.

Бомба разорвалась, но ни один солдат не пострадал от её осколков – все они увязли в теле офицера. Умер князь мгновенно.

Сергей Брянцев, принёсший Алёне страшную весть, сказал ей:

– Я знаю, Алёна Степановна, что не должен вам сейчас говорить этого. Горе ваше безмерно, и утрата невосполнима. Но хочу только напомнить вам, что вы так молоды

и прекрасны, что, когда уляжется боль в душе, вы поймёте, что жизнь не кончилась и что свою жизнь вам устроить не составит труда. Возможно, жестокость к вам проявляю, а возможно, надежду даю... Вам судить и вам решать. Но вы ещё, уверяю вас, будете счастливы...

– Ценю вашу заботу, – ответила Алёна, – благодарю за столь ценную поддержку. Только сердце моё знает: не быть обещанному вами...

– Степан Прокопьевич, – сказал потом Сергей отцу Алёны, оставшись с ним наедине, – дочь ваша – чудо природы или дар Божий. Жаль, если только вам. Говорить сейчас об этом не время, но... сберегите её в ближайшие дни. Позже молодость возьмёт своё. И тогда... Признаюсь вам, если бы не друг мой Алёша, я бы пришёл просить её руки. Извините за неуместную речь, но... я бы хотел через год, когда траур закончится...

– Понимаю, – ответил Алёнин отец, – и очень желаю вам удачи в вашем намерении.

А дочери после многих утешений он сказал:

– Надо перенести, Алёнушка. И следует жить дальше. Что же делать?

– Я знаю, что делать, – ответила Алёна. – Я буду делать то, что хотел сделать Алексей: спасать волков от людей и спасать людей от волков в человечесем обличье. Я уже всё решила.

А через несколько дней на Болотном поле в Замоскворечье, там, где ныне находится знаменитая на весь мир Третьяковская галерея, при большом стечении народа проходила травля волков. Как всегда, на поле, огороженном частыми жердями и красными (пугающими зверей своим сходством с огнём) флажками, выпустили из клетки специально привезённого матёрого волка. Серый зверь вздыбил шерсть на холке, показывая, что готов драться с противником. Но противники – люди – находились в безопасном месте, под защитой ограждения. Волк с презрением смотрел на толпу. Он знал, что ничего не имел против этих двуногих и никогда бы не напал ни на кого из них. Он всегда обходил подобных, непонятных и страшных своей непонятностью существ. И не его вина, что его обманом доставили на это поле и поставили среди этой страшной стаи. Волк уже не испытывал страха. Он не понимал, почему люди боятся его, готового при первой же возможности покинуть их и убраться в свой лес.

«А если уж привезли, то где же тот человек, который готов сразиться со мною?» – такую мысль читали в глазах зверя некоторые из наиболее проникательных зевак.

Вдруг у изгороди появилась странная девица, одетая в жалкую рваную одежду, с растрёпанными волосами, едва прикрытыми старым платком.

– Эй, вы, волки! – закричала она, обернувшись к толпе. – Отпустите хорошего зверя в лес!

Толпа в недоумении подалась назад.

– Кто она такая? – спрашивали одни.

– Дура какая-то, сумасшедшая.

– Да колдунья она, – возражали другие, – вишь, взгляд-то какой – так и сверлит.

– А гнать её в шею – и вся недолга! Пушай потехе не мешает.

Но вот через специальные воротца за изгородь выпустили двух собак-волкодавов. По команде хозяина псы рванулись к волку, чтобы разодрать его в клочья. Видя это, волк отступил, бросился в сторону и тем самым разъединил собак – так, что перед ним оказалась только одна из них. И тогда серый хищник первым успел нанести псу серьёзную рану. Воспользовавшись секундным замешательством первого противника, волк схватился со вторым. Они клубком покатались, вонзив друг в друга клыки.

Кровь возбудила и собак, которых воспитывали как убийц, и волка, и, как ни прискорбно, зрителей. Люди ревели от дикого восторга, улюлюкали и свистели. В тотализаторе росли количество ставок и их суммы. Одни ставили деньги на победу собак, другие – на волка.

Организаторы «зрелища», которых в наши дни называли бы шоуменами, сверкали безумными от предвкушения крупных барышей глазами, принимали деньги и делали записи. Бой волкодавов и волка продолжался. Для собак это была честная работа, для волка – дело чести и спасение шкуры.

На снегу поля появились красные капли крови. Выдрессированные собаки старались действовать совместно, одновременно с двух сторон. Волк – стайное животное, он тоже умеет сражаться, распределяя роли в стае, но стаи тут не было. Ему приходилось прямо в бою придумывать тактику сражения на два фронта. И очень долго ему это удавалось. Но время шло. Волка рвали с двух сторон, угрожали спереди, кусали сзади. Конечно, и собачья кровь текла по шерсти и по снегу Болотного поля, но волк устал, казалось, больше. Именно казалось! Потому что, живя на воле, он всё-таки был живучее и выносливее пусть и могучих, но избалованных заботами собак. Поэтому, воспользовавшись промахом одного из врагов, во время нападения проскочившего мимо, он сумел вонзить свои клыки в шею волкодава... и прокусил что-то жизненно важное. Что именно, возбуждённая толпа озверевших людей не поняла, но зато увидела, как из шеи упавшей собаки струей хлынула кровь.

Вопли восторга и негодования разрывали глотки зрителей, опьяневших от смертного боя.

Однако волку не приходилось праздновать победу, потому что пока он, как заострённые тиски, сжимал свои челюсти на шее одного врага, второй недруг схватил столь же могучими зубами его собственную шею. К счастью для волка, схватил не за горло. Но всё-таки серый как будто оцепенел. Толпа взревела в предвкушении удовольствия от созерцания смерти.

И тут раздался крик странной девушки:

– Ну что же ты, серый! Видишь, эти оборотни от алчности забыли ворота на засов закрыть! Беги в свой лес!

И волк, казалось, не только понял её совет, но и набрался сил от сочувствия девицы – он рванулся корпусом, крутанул головой, и челюсти волкодава не выдержали нагрузки, разжались, а серый хищник бросился в щель незапертых ворот. Организаторы «зрелища» и та часть толпы, что находилась рядом, в ужасе разбежались в стороны. Волк пронёсся по образовавшемуся коридору и ушёл в Замоскворецкий лес.

Ставки в тотализаторе этим были сорваны, потому что стало непонятно, кто же выиграл. Поднялся скандал. Организаторы пытались убедить собравшихся, что раз волк сбежал с поля боя, то победили собаки. А те, кто делал ставки на волка, недовольные, возражали: как же можно присудить победу волкодавам, если один из них лежит – издыхает или уже сдох.

Потом обе стороны опомнились и решили избить «виновницу» происшествия, по чьей «подсказке» волк обрёл волю, однако странной девицы и след простыл.

Следующая травля волков на Болотном поле состоялась только через две недели, потому что московский купец Николай Подосинов помешал устроить это раньше: к совести обывателей взывал, в полицию жаловался. Однако городской и полицмейстер руками разводили – нет такого закона, чтобы волков собаками не драть!

После долгих ссор и разбирательств на поле снова установили изгородь из жердей с флажками. Однако и перед самым началом развлечения вышел к собравшимся купец Подосинов, шапку снял, поклонился и сказал:

– Люди добрые! Пристало ли нам уподобляться грубым язычникам по части устройства кровавых зрелищ? Достойно ли огрублять нравы убийством чистого, невинного зверя?

– Не мешай, – закричали ему из толпы, – а то заместо волка тебя зашибём!

Из толпы, горячась, вышел и встал перед всеми огненно-рыжий скорняк Пантелей:

– Ты, купец, – сказал он Подосинову, – народное удовольствие портить не смей! Смелости не имеешь на бой смотреть, так иди – за юбку купчихи своей спрячься – вот и не страшно станет!

Толпа многоголосо захохотала.

– Не битвы я боюсь, Пантелей, – возразил Николай, – а сраму: нешто мы нехристи, чтобы из кровопролития потеху творить?

– Это ты врешь, купец! – возразил вышедший из толпы молодец в шинели студента. – И на народ наш клеветешь. Не ведаешь, что ли, что в Гишпании издавна принародно корриду проводят с убийством быков, а то и... людей – и никто гишпанцев дикими не считает!

Толпа загудела одобрительно:

– Так его, школяр! Фактом бей!

А студент, всё так же подражая простонародной речи, продолжил:

– И не токмо в Европе, но и на утончённом Востоке издавна и до самого нашего просвещённого XIX века проводят где петушинные бои, где собачьи, а где и кулачные...

– Да нехорошо это! – пытался сопротивляться купец Подосинов. – И чужая грубость нам не указ... Да и что в том приятного – «стенка на стенку»?

– Э! Да ты вообще русских порядков не любишь? – заговорил студент. – Между тем в самой просвещённой Англии тоже дерутся «стенка на стенку». И один на один – на кулаках. И бокс их, как и в Ирландии, куда более жесток, чем наш кулачный бой, в котором дерутся лишь до первой крови и лежачего не бьют. У них-то, в иных землях, как раз и калечат, и убивают даже...

– Долой купца! – закричали кругом. – Начинаем волчью забаву!

– Гони Подосинова вон!

Организатор травли поднял руку, требуя внимания к себе, и чётко произнёс:

– Уважаемая публика! Сегодня для вашего удовольствия условия травли меняются: одновременно на два волка выпущены будут три собаки. Прошу делать ставки!

Народ радостно загудел. В тотализаторе начали принимать ставки.

Но, к неудовольствию собравшихся, перед изгородью с красными флажками появилась, будто из ничего возникла, странная девица, в жалкой одежде, с распущенными, едва прикрытыми волосами. И шла она так уверенно властно, что народ перед нею расступался, хотя девица не толкала никого.

– Эй вы, волки-оборотни! Как смеете зверя воли лишать? А если с вами так-то?

– Да кто же здесь волки, где? – подивились люди.

– Да вот же вокруг сколько волков! – ответила девица. – А ты, – указала она на задавшего вопрос, – ты как раз и начал превращаться в волка.

Спрашивавший смутился, осмотрел себя, будто ожидал увидеть на руках своих шерсть и когти. И, не обнаружив ничего этого, перекрестился и ушёл с Болотного поля домой.

– Кто эта умалишённая? – с тихим недовольством спросил один из зрителей.

– Дура ненормальная, хоть и лицом как заря, – ответил другой.

– Я, – ответила девица, услышав этот разговор, – Алёна. Теперь я – Волчья Заря. Хочу вас от волков спасти. А волков – от оборотней.

– Алёна Волчья Заря, – передавалось в толпе. – Алёна Волчья Заря...

– А по-моему, она – колдунья, беды на нас накликает.

– А ну, давайте-ка, ребята, начистим ей морду – пушай не смущает честных людей! Бей дуру!

– Стоп! – крикнули другие. – Аль не видишь, не дура она, а юродивая. Божий человек. Таких трогать – грех великий.

– А ежели я развлекаться хочу?.. – возразил какой-то детина.

– А она тебе, что, развлекаться мешает? Она своё дело делает, а ты – продолжай забаву.

– И то верно! – согласился детина.

Два красавца-волка оказались в большом загоне, как бы на арене цирка. Зло смотрели они на людей, жалели, что не могут ни уйти от неразумных, ни сразиться с ними. Звери вообще не понимали, зачем они здесь, в том месте, куда никогда не собирались.

Волки тогда поняли что к чему, когда на них двоих из узких ворот бросились три громадных пса, спущенные с поводков.

Во время жестокой кровавой драки Алёна Волчья Заря двигалась вдоль изгороди до тех пор, пока не нашла слабо закреплённую, выгнутую в сторону жердину. Незаметно для людей, поглощённых созерцанием драки животных, она повернула жердь горбинкой вверх, образовав тем самым между нею и нижней жердью довольно большую щель.

Асимметричный бой между волками и псами для поклонников травли был особо захватывающим. Ситуация менялась каждую долю секунды. Ключья шерсти, выпачканные в крови, летели от сбившихся в два неравных клубка животных. Угрожающее рычание и клацание клыков сопровождалось восторженным воем толпы болельщиков. Один из волков свалился под натиском двух волкодавов. Зато второй, казалось, вот-вот одолеет третьего пса.

Буйные зрители ликовали от «яркого» боя. И всё-таки, когда Алёна заговорила, часть публики, находившаяся поблизости от неё, поняла то, что она произнесла:

– Разбегайтесь, волки окаянные и люди честные! Здесь звери уйдут на волю.

Алёна подняла руку, указывая на щель, только что ею расширенную. Люди в ужасе бросились врассыпную, а вот проигрывающий сватку пёс словно понял призыв юродивой – и стремглав проскочил в дыру изгороди. Сбив слабо закреплённую жердь, он, вырвавшийся из волчьих клыков, казалось, бросился на людей. Но ужас зевак сменился негодованием: собака, скуля, бежала под их защиту! Однако преследовавший её волк оказался очень умным – разъярённость смертельной схваткой оставила его, едва он проскочил в дыру, уже расширенную псом. Волк не стал ни преследовать противника, ни наказывать ненавистных ему людей. Он убежал с Болотного поля в сторону ближайшего леса. Выстрелы вдогонку, видимо, не навредили зверю.

Всю эту сцену с негодованием и восхищением наблюдал строго и со вкусом одетый господин из только что подъехавшей кареты.

– Как серому удалось уйти? – спросил он у стоявших рядом людей.

– Не знаем, барин, – ответили ему. – Опять, должно быть, колдунья ему помогла. Как в прошлый раз.

– Какая колдунья?

– А вот... – указал, было, мастерской, но осёкся: Алёна Волчья Заря исчезла, как в воздухе растворилась.

– Хотел бы я поглядеть на колдунью, – сказал господин из кареты.

К карете подошёл студент:

– Ах, это вы, господин Васнецов! Собираетесь осчастливить нас новым шедевром? Это же знаменитый живописец! – показал он толпе свою «осведомлённость в культуре». – Он картины пишет!

– Не знаю, будет ли шедевр, но я не одобряю этого зрелища, развращающего нравы и губительного для души.

– Ну что вы, право, Виктор Михайлович! Не нами это придумано. Но, впрочем, весело! А всё-таки я прав, вы не только из чувства протеста сюда пожаловали.

– Исключительно из этого чувства! Впрочем, писать картину я действительно собираюсь. На ней я намерен изобразить *настоящего* волка. Таким, каким он воспринимался нашими славными предками, людьми русскими. «И бурый волк ей верно служит...» – помните строки? Да ведь и в сказках волк – уважаемый. Хороший зверь хорошему человеку всегда поможет. Как в сказке про Ивана Царевича, который, как известно, ездил верхом именно на Сером Волке... А всё-таки я рад, что увидел, как уходил этот серый рыцарь. Каков экземпляр! Не совсем серый, а скорее бурый... Красиво уходил! Это было не стыдное бегство побеждённого – гордый уход из плохого и презираемого общества! И лицо у этого волка – да, именно лицо – замечательное! Не злоба в нём, а философское понимание несовершенства мира. И нежелание множить несовершенство...

– Господин Васнецов, – обратился к художнику студент, – вы так говорите, что я просто полюбил волка. И заранее уверен, что полотно ваше будет прекрасным. И – простите мне мою дерзость – разрешите взглянуть на работу ещё до её завершения. Хочу знать, как реализуется замысел.

– Извольте, – ответил живописец и сообщил собеседнику свой адрес.

Перед Васнецовым предстал рыжий скорняк Пантелей:

– Барин, – спросил он растерянно, – растолкуй мне, тёмному: как же тебя твои кони не убили? Али слова колдовские знаешь? Ведь, почуяв волков, они понести должны...

Живописец развёл руками. Вместо него ответил ямщик:

– И понесли бы, да девица-оборванка что-то прошептала им и морды перекрестила. После этого они волков бояться и перестали.

– А как же я этого не видел? – удивился Васнецов.

– Каждому своё дело, барин, – ответил ямщик, – ты на людей и волка глядел, а я – на коней.

– Вот, не зря говорят, что колдунья она, – заключил скорняк, – с лошадьми разговаривает...

– А я тебе говорю, – возразил ямщик, – не колдунья – душой чистая, хоть и оборванка. А животные как дети – корыстью да страстями не испорчены, вот и чувствуют сразу доброту и верят ей. Не то что люди.

В тот же день молодой офицер Сергей Брянцев навестил Степана Пропьевича.

– Оживает ли после утра дочь ваша? – спросил гость.

– Ожила! – как-то странно ответил батюшка Алёны. – Понимаете, мне показалось, что она умом тронулась. Говорит мудрёно, одевается почти во вретиче. Пока *по вашему делу* ничего утешительного сказать не могу. Только люди замечают, что в странностях её есть какой-то высокий смысл. Утверждают, мудрость даже. Как у юродивых. Смотреть на неё мне страшно. И жалко очень.

– А можно ли мне её увидеть?

– Этого никак нельзя. Я не против – она никого не принимает. «Я, – говорит, – теперь за двоих жить должна: за себя и за Алексея. И Бог поможет мне. До государя дойду...» Поди разберись в ней!.. А иные люди её и за колдунью почитают. Но это уж полный вздор. Уж скорее я её святой признаю, хоть и нескромно это для отца...

– Юродство – тяжёлый крест, – ответил на это Сергей, – однако в вашей дочери много силы. Мне, право же, далеко до неё. Алёше она и впрямь была бы под стать.

Всю зиму по воскресеньям продолжалась в Москве травля волков. Случалось, гибли псы-волкодавы, бывало, загрызали на Болотном поле волков. Только перед каждым таким боем приходила пешком в Замоскворечье Алёна Волчья Заря. И была в ней такая сила, что боялись тронуть её не только отчаянные сорви-головы из болельщиков, но и специально нанимаемые тогдашними «шоуменами» – организаторами боен – преступники. Возвращали они заказчикам взятые в качестве аванса деньги, говорили:

– Никаких золотых гор не надо. Как взглянет она на нас – так душа в пятки и уходит.

– Так страшна девка? – шутили организаторы волчьей травли.

– Не она страшна, а то, что в нас творится.

– Да что же происходит в вас, окаянные души?

– Хошь верь, хошь не верь, а совесть просыпается! А с совестью как нашему брату, каторжнику, жить? Остаётся только отправляться на Москва-реку да головой в прорубь. Или в полицию добровольно.

– В полицию? Добровольно?! – ужаснулись устроители травли. И перестали нанимать расправу для Алёны.

Алёна же являлась на каждую травлю волков – и никто не осмеливался её прогнать, хоть досаждала она призывами отказаться от травли.

Все привыкли к ней и знали, что между ней и волками существует какая-то непонятная связь: понимают серые и слова её, и жесты. Да и собаки, как ни странно, тоже любили Алёну.

Прежде лишь одному волку по недосмотру удалось унести ноги с Болотного поля, а с тех пор, как стала туда приходить странная девица, вовсе нередко случалось, что поддерживаемые ею волки непонятным, почти чудесным образом умудрялись спастись во время травли, спасая тем самым и собак. Не из трусости волки уходили в лес, а как будто по мудрости. И выстрелы вслед обычно не вредили зверям. Точно были те заговорёнными.

В таких случаях радостно хохотала Алёна, которую кто-то считал колдуньей, кто-то, может быть и справедливо, святой – юродивой, танцевала в своих подшитых дырявых валенках дикий танец свободы. Смех её некоторым казался страшным – как обличение.

Люди показывали на неё пальцами, крутили перстами у виска, качали головами, некоторые – крестились.

К художнику Виктору Михайловичу Васнецову зашли его друзья – передвижники. Увидев на холсте изображение могучего волка и набросок юноши, сидевшего на звере, они долго восхищались энергией недописанной картины. Потом Суриков спросил:

– Волка, Виктор Михалыч, вы наверняка того самого, с Болотного поля, про которого нам с таким восторгом рассказывали, написали, а кто же позировал в качестве всадника?

– Хотите верьте, друзья, хотите – нет, а только в качестве Ивана Царевича на Сером Волке решил я написать погибшего молодого князя Алексея Голенищева. По-моему он истинный герой, настоящий русский офицер. И раз уж наши баталлисты не хотят его изобразить, надумал я вставить его в сказку. Я ведь знаю и уважаю его батюшку и самого Алёшу очень любил. Однажды даже уговорил его попозировать мне без военной формы, сделал набросок портрета...

– Благое дело, – одобрил художник Перов.

– Надеюсь, – согласился живописец Васнецов, – только вот, как ни бьюсь, картина-то не выходит!

– Да полно, Виктор Михайлович! Ведь весьма живо!

– Я не о том... Никак *завершить* не удаётся...

– Давно стараетесь?

– Почти всю зиму. Волк, думаю, сразу получился. Вы правы: я именно того по памяти писал. А Иван Царевич до тех пор не выходил, пока я про Алёшу Голенищева не вспомнил. Дело сразу сдвинулось. Вот только закончить никак не могу – всё как будто не хватает на холсте чего-то.

– М-да... – задумался Суриков. – И в самом деле что-то следует сюда добавить для завершения замысла...

– А я уже придумал, господа! – сказал вдруг Виктор Михайлович.

– И что же? – заинтересованно спросил Перов.

– Если честно, не сам я придумал – *она сама* мне подсказала.

– Она?

– Сама?

– Да кто же это? – по очереди удивлялись друзья.

– Алёнушка. Та самая, за которой Иван Царевич ездил, которую спас и на Сером Волке привёз.

– Позвольте, Виктор Михалыч, ведь вы же сказали: «Она сама!» Что же, выходит, Алёнушка к вам из сказки в мастерскую пожаловала?

– Из сказки или нет, не ведаю. А только стала мне сниться прекрасная девушка каждую ночь. И всегда говорила мне одно и то же: «Меня с Иваном Царевичем рядом изобрази!»

– Так что же вы медлите? – удивился Суриков.

– Во все не медлю – вот он, этюд.

С этими словами Виктор Михайлович сдёрнул покрывало со второго мольберта – глазам собравшихся предстало изображение чудесной девушки – светлой изнутри, знающей какую-то тайну. Руки у неё покорно лежали на коленях, а волосы и как будто заплетены в косу, и в то же время словно развеваются от ветра.

– Вот, господа други, – прокомментировал Васнецов, – осталось её только на *того* волка «пересадить», тогда уж с Божией помощью и Ивана Царевича можно будет дописать.

– Войдите! – крикнул художник в ответ на звонок дверного колокольчика.

Вошёл молодой человек в студенческой шинели.

– А, это вы, господин студент! – произнёс Васнецов. – Прошу вас, мы как раз рассматриваем эскизы.

Студент взглянул на изображение девушки – и ахнул.

– Что это с вами? – поинтересовался живописец Васнецов. – Что так поразило вас?

– Это же... – студент указал на изображение, – это же... она!

– Кто? – удивился Васнецов.

– Вы ведь *тогда* даже не увидели её – она ушла с Болотного поля. Как же вы добились такого изумительного портретного сходства?

– Да кто же это изображён, по-вашему?

– Это она – Алёна Волчья Заря.

Как только Виктор Михайлович Васнецов дописал свою картину, которая теперь находится в Третьяковской галерее (то есть на том самом месте, где в позапрошлом веке в Москве проводилась волчья травля), прекрасная девица, напоследок поблагодарив великого живописца, перестала ему сниться.

А вскоре Государь Российский, убеждённый ходатайством московского купца Николая Подосинова, издал указ, запретивший в России подобные жестокие зрелища.

С тех пор никто больше в Москве не видел и Алёну Волчью Зарю. Одни досужие языки говорили, что «дура в жёлтый дом на Канатчиковой даче угодила», другие – что «эта колдунья была наказана тяжкой болезнью, не позволявшей ей по городу шастать», третьи шептались, что «святая сия стала жить в Новодевичьем монастыре».

А Степан Прокопьевич поведал посетившему его офицеру Сергею Брянцеву, что дочь Алёна сказала ему: «В миру, батюшка, я всё сделала, что нужно было в память о моём женихе. И теперь вправе я стать невестой Христовой».

А в какой монастырь ушла Алёна Волчья Заря, он офицеру не сказал.

А те, кто хочет увидеть героев моего повествования, могут это сделать и ныне. Зайдите в Москве в Третьяковскую галерею – там на стене и висит знаменитая картина Васнецова «Иван Царевич на Сером Волке». Волк там не выдуманный, а настоящий, могучий и совсем не злой. И не серый, а скорее бурый. Глаза у него умные, и язык он высунул, совсем как домашняя собака, не от изнеможения, а от доброты. Иван Царевич на полотне – это замечательный русский офицер, и меч его немного походит на шашку, а Алёнушка – это и есть Алёна Волчья Заря.

Валентина ЗВЯГИНА

Валентина Павловна Звягина (1907–1982) родилась в Томске. В разные годы жила в Астрахани, Вольске, Хвалынске. С начала 1950-х годов писала стихи для детей. Публиковалась в журнале «Волга», сборниках «Огоньки», «Светлый день», «Первый звонок». Автор книг: «В лесной сторожке», «Мальши», «Воробышки», «Голубой городок», «В гостях у бабушки», «Лосёнок», «Улетаю на Луну», «Земляничка», «Как появилась тропинка», «Хорошо на свете жить», «Доброе утро».

ВЫРОС В ЛЕСУ НА ГОРЕ ГОРОДОК...

ПОРОСЁНОК

Ох, как сильно я устала!
Поросёнка я купала.
Непослушный и упрямый,
Он меня замучил прямо:
Только в воду окуну,
Он визжит: «Тону! Тону!»
Чуть коснулась мылом глаз –
Опрокинул на пол таз.
Мокрый, выскользнул из рук
И забрызгал всё вокруг.
Разворчалась я с досады:
– Наказать такого надо!
Но наказывать не стала –
Он живёт у нас так мало,
Он с порядком не знаком
И резиновый притом.

ЛЕНТЯЙКА

Проводила бы братишку
Я сегодня в детский сад,
Да не стоит: он под вечер
Всё равно придёт назад.
Я сходила бы за хлебом,
Чтоб не жаловался дед,
Да, по-моему, без хлеба
В десять раз вкусней обед.
Я могла бы вымыть ложки
И тарелки в шкаф убрать,
Но тогда ведь нашей кошке
Будет нечего лизать.
Я учиться не на тройки –
На пятёрки бы могла.
Но нельзя: мешают очень
Мне домашние дела.

КАВАРДАК

– Что такое кавардак?
– Ты не знаешь?
Вот чудак!
Ты ж его устроил сам:
Шапка тут, перчатки там,
Табуретка на боку,
На столе гора песку.
Стулья, словно стадо, вместе.
Что ни вещь, то не на месте,
Даже стол стоит не так...
В нашем доме кавардак!

Вырос в лесу на горе городок.
Кто это, кто поселиться здесь мог?
Домики все голубые подряд,
Жители в домиках громко жужжат.
Утром проснутся – и сразу в полёт.
Что ни жилец, то заправский пилот.
Все вылетают из города в майках,
А возвращаются в жёлтых фуфайках.
Каждый цветок им как будто знаком,
Лезут в него, словно в собственный дом.
Вы их на липе, на груше видали...
Кто они? Может быть, вы отгадали?

В ФЕВРАЛЕ

Нынче утром
Видели берёзы,
Как боролось
Солнышко с морозом.
Норовил мороз,
Колдун седой,
Занавесить солнце
Пеленой.
Но прорваться солнышко
Сумело,
Только
от натуги
Покраснело.

МАРТ

Сегодня над городом
Солнце с утра.
Мы вышли на улицу –
Брат и сестра.
Обводим каналом

Пригорок покатый,
А солнце садится
На наши лопаты.
В ручьях на дороге
Купается солнце,
Ныряет в канавы
На самое донце.
Росла на трубе
Борода ледяная
И хвасталась всем:
– Доживу я до мая!
А солнце подкралось
Да бороду – хватъ.
Пришлось ей в воде
Под трубой полежать.
К сестрѣнке пришла
За тетрадкой подружка.
Насыпало солнце
Ей на нос веснушки.
Смывала – да нет,
Не берѣт их вода.
Сестрѣнка смеѣтся:
– Не плачь, не беда!
Ведь если веснушки
Украсили нос,
То, значит, весна.
До свиданья, мороз!

Михаил МУЛЛИН

ДОЖДЬ ИГРАЛ НА БАРАБАНЕ

КУКУШКА С ЧАСАМИ

Дом белеет на опушке.
В доме есть часы с кукушкой.
Меж деревьев и кустов
Есть Кукушка без часов.

Говорит Кукушка с ивы:
«Это ж так несправедливо!
Как же без часов узнать,
Когда есть, гулять и спать?
Я ж опаздываю вечно...
Мне часы бы... с человечком!

Чтоб он в день двенадцать раз
Говорил, который час».

Егерь, живший на опушке,
Подарил часы Кукушке.

КОТ

Шёл по скверу рыжий Кот.
Шёл он К. И шёл он ОТ.
Сразу К и сразу ОТ –
Потому и звался КОТ.
«Но куда или откуда,
Вам докладывать не буду! –
Заявил он гордо нам. –
Я себе хозяин сам!»

ДЯТЕЛ – РЭППЕР

У него таланта нет?
Вы не верьте в это!
Дятел всё-таки певец,
Только в стиле рэпа!

«Трам-бара-бам, бара-бам, бара-бам!» –
Правда же, приятно вам?!

Треск по лесу и трезвон –
Каждый слышит, где же он.
Сразу бас и баритон,
Даже сразу тенор он!

«Бум-буру-бум, бара-бам, бряк-бряк-бряк» –
Соловей не сможет так!

Нету слуха? Слёз не лей –
Пой, раз петь приятно:
Если ты не соловей,
Но не хуже дятла!

«Трам-бара-бам, бара-бам, бара-бам!» –
Правда же, приятно вам?!

ХОРОШЕЕ КАЧЕСТВО ДЯТЛА

Должно быть, Дятлу жить легко –
У Дятла клюв как долото.
И Дятел тем и знаменит,
Что он всегда своё долбит!
И всем в лесу понятно:
Там *всё* – своё у Дятла.
А тот, кому легко долбиться,
Способен своего добиться!

О КАРПЕ И ЕГО СЕМЬЕ

Карп гордо плавает по речке –
У Карпа имя человечесье.
Давно уж повелось меж карпами,
Что каждый Карп всегда Карп Карпович!
Карпиха, будь хоть вся обшарпана,
Но всё равно в почёте Карповна.
И сына Карпом назвала,
И все чешуйки – зеркала!
А Линь сказал (он мудр и стар!),
Что «Карп» – почётнее, чем «Карл».

СОЗВЕЗДИЕ РЫБ

Скажу вам без всякой улыбки –
Серьёзные люди поймут:
Не прав, кто считает, что рыбки
Лишь в речках да в море живут.

Да, Щука, конечно, не Лебедь,
Карась – не Журавль, не Удод...
И всё же в полуночном небе
Созвездие рыбе живёт!

Про это учёные знают:
Там плещутся Рыбы всегда.
Они чешуёю сияют.
Любая чешуйка – звезда!

Так, может, ребята, пора бы
Подумать об этом всерьёз –
И сесть в межпланетный корабль,
И Рыб покормить среди звёзд?

ПЕСЕНКА ШМЕЛЯ

Тёплый ветер гонит к северу
Мотыльковый хоровод.
Чёрный Шмель на красном клевере,
Собирая мёд, поёт:

«Есть для пчёл цветочков множество
И в лесу, и на лугу.
А цветочки в форме ёжика
Опылять лишь я могу!

Мне работа эта нравится,
Я и весел, и здоров.
Если клевер раскудрявится –
Будет счастье для коров!»

Шмель старательно работает.

Клевер счастлив, что потом...
Будет с мёдом шмель заботливый,
А коровы – с молоком!

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

В прозрачных синих лужицах
Вода до дна чиста.
Как будто в танце кружится
Багряная листва.

Она с деревьев падает
На луг и на дома.
Она прохожих радует,
И счастлива сама!

У деревянной будочки
Заслушался щенок,
Как лёгкий вальс на дудочке
Играет ветерок.

Нарядная красавица
И без румян красна,
Народу осень нравится
Не меньше, чем весна!

И нет причины хмуриться,
И хочется опять
И дома, и на улице
Нам петь и танцевать.

А ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО КОРОВЫ ЛЕТАЮТ?

А ты знаешь, что Коровы летают?
Ну, не то чтобы Коровы, а Коровки?
Они крылья на спине выпускают –
И взмывают в небо быстро и ловко.
И не травкою питаются сочной,
Молока не дают они тоже –
Полушарики красные с точками.
А зовут их Коровками Божьими.

А ты знаешь, что Коровы, словно рыбы,
В речках плавают и в море солёном?
А не веришь, так плыви с этой книгой
Ты в Америку в лодке смолёной.
И расскажут там прибрежные жители,
Проплывая над морскою пучиной,
Что Морских Коров их прадедушки видели
И что сёстры они Ламантинам.

А вот эта Корова – простая.

Хоть с рогами, но предоброго вида.
Удивишься, но она не летает
И не плавает в воде вместе с рыбой!
Для неё занятия эти – всё мелочи.
Ни летать, ни плавать бурая не станет –
Так как любит она мальчиков и девочек
И даёт им молоко и сметану!

ДОЖДЬ ИГРАЛ НА Б????АРАБАНЕ

Барабан однажды Ваня
Со двора забыл забрать.
Дождь решил на барабане
Вместо Вани поиграть:
– Трам, бах-бах-баррабах-бам! –
Превосходный барабан!

Слышат взрослые и дети.
Он промокнет? Ну так что ж?!
Музыканта нет на свете
Увлечённое, чем дождь!
Капли бьются в барабан:
– Трам, бах-бах-баррабах-бам!

По цветным бокам, по коже
Струи лупят вроде стрел.
И кричат дождю:
– Ты что же?
Инструмент бы пожалел!
Дождь в ответ:
– Да ладно вам!
Трам, бах-бах-баррабах-бам!

С сильным грохотом полил он –
Мы кричим:
– А ну-ка, брось!
Мы кричим дождю:
– Помилуй!
Он же вымокнет насквозь!
Трам, бах-бах-баррабах – бам!
Пожалей ты барабан!

Дождь, ведёшь себя ты странно.
Сам подумай головой –
Не стучи по барабану,
А стучи по мостовой:
Трам, бах-бах-баррабах-бам!
Чем асфальт не барабан?

Барабан же станет рваным,
Если долго не пройдёшь...
– А мне ВСЁ по барабану! –

Отвечает людям дождь.
Струи хлещут барабан:
– Трам, бах-бах-баррабах-бам!

Барабан домой не хочет:
– Дождик всё-таки – не град!
Он грохочет и хохочет,
Потому что жизни рад:
– Трам, бах-бах-баррабах – бам! –
Громыкает барабан.

В небе гром как пушка грянул,
Дождь стучит:
– Трах, бах, бам-бам!
– А мне всё по барабану! –
Отвечает барабан!
– Трам, бах-бах-баррабах – бам –
Превосходный барабан!

ВЕСЁЛЫЙ ДОЖДИК

В тучки серые давно
Солнышко укрылось,
Но призывно всё равно
Дождь стучит в окно:

– Так-так-так, тук-тук-тук!
Выходи скорее, друг!
Кап! Прекрасно всё вокруг!

Ты на лужи посмотри –
Без соломки с мылом
Я в них дую пузыри...
Ну, почти как ты...

Кап! Прекрасно всё вокруг!
Выходи из дома, друг!

Я ответил:
– Погоди, –
И к тебе я выйду.
Отыскать лишь помощи
Зонт и сапоги!

«Тук-тук-тук, так-так-так!
Тук-тук-тук, так-так-так!» –
Сапоги мои стучат.
Мне ль от дождичка скучать?!

Михаил КОЛЬЯШКИН

Михаил Александрович Кольяшкин родился в 1964 году в г. Балашове Саратовской области. Окончил Саратовское музыкальное училище и Балашовский государственный педагогический институт. Автор пяти книг – музыкальных сборников. Публиковался в журнале «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

ТЫ КУДА БЕЖИШЬ, РУЧЕЙ?

ПОДАРОК МАМЕ

Я в мартовский праздник, восьмого числа,
Любимую маму поздравлю.
Весна для неё цветы принесла,
Их в вазе на столик поставлю.

И песенку ей свою подарю,
В ней добрые, милые строчки;
Их ласково я и нежно спою:
«Люблю тебя, мамочка, очень!»

РУЧЕЁК

Ручеёк бежит в лесу,
Песенкой звеня.
Эту песенку ему
Подпою и я.

Подпоют ему трава,
Ветки и цветы.
Вместе с нами напевай
Песенку и ты.

Ручеёк водой в лесу
Всех нас угостит.
Эта песенка его
Пусть всегда звенит.

ТЫ КУДА БЕЖИШЬ, РУЧЕЙ?

Ты куда бежишь, ручей?
Отвечай же нам скорей.
Поворачивай назад,
Мы тебя запустим в сад.
Поливать в саду цветы
И деревья будешь ты.
Наши яблони и груши
Станут песню твою слушать.
Только нас послушай ты.

МОЙ ДРУЖОК

Мне котёнка подарили
С мягким именем Пушок.
Появился лучший в мире
У меня теперь дружок.

Только солнышко проснётся
И заглянет к нам с утра,
Мой дружок мне улыбнётся:
«Нам играть уже пора».

И бежим во двор вприпрыжку –
Кувыркаться, мяч гонять.
Увлекаемся не слишком,
В школу чтоб не опоздать.

После школы – пообедать,
А потом во двор опять.
Ведь полезно очень бегать
Для ребят и для котят!

ПАВУШКА

У речушки Павушки
По бережку камушки,
Их ласкает волнами
Чистая вода.
Рядом – лес с полянами,
С ягодами пряными,
Ароматом свежести
Встретит нас всегда.

Ласточки, воробушки,
Иволги, соловушки
Распевают песенки,
Каждому – своя.
И звучит за Павушкой
Голосок журавушки
Переливом бархатным,
Чтобы слушал я.

Деревеньки дальние,
Родники хрустальные,
Реченька-красавица,
Хлебные поля
И луга зелёные
С травами медовыми
Навсегда останутся
В сердце у меня.

ЗОВЁТСЯ ВРЕМЯ ЭТО...

Длиннее стали ночки,
Прохлада наступает.
Красивые листочки
Тропинки устилают.

Зовётся время это
Осеннею порою,
Земля теперь согрета
Листовою золотою.

А мысли наши где-то
Летают с облаками,
Что осень, как и лето,
Опять любима нами.

Друг другу улыбаться
И ждать, мечтая, встречи,
Природой любоваться
Мы будем в этот вечер.

ВНОВЬ ЗИМА НАСТАЁТ

Вновь зима настаёт.
Снег летит и кружится,
Вьюга песни поёт,
И застыли лужицы.
Лес затих, побелел,
Весь покрылся инеем.
Рыжий луг посветлел.
Только небо – синее.

Словно белый платок –
Вся площадка школьная;
Будет там и каток,
И лыжня раздольная.
Так кружи, снег, кружи
Дни и ночи долгие...
До чего же хороши
Вечера над Волгою!

ДЕТСТВО МИЛОЕ, ДЕТСТВО РОДНОЕ

Летом солнышко ярко искрится
И речушка ласкает волной.
Ветерок шаловливый промчится
И поманит в поход за собой.

Детство милое, детство родное,
Оставалось бы с нами всегда!
Только правило жизни – простое:
Календарик листает года.

Осень вмиг в листопаде закружит,
В лес багряный гулять поведёт.
А зима белой сказкой завьюжит
И в снежки поиграть позовёт.

Время быстро прошло золотое –
Остаётся лишь в наших сердцах.
Добрый парусник «Детство родное»
Приплывать будет к нам только в снах.

Игорь ХРАМОВ

Игорь Михайлович Тесёлкин (Игорь Храмов) родился в 1965 году. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета. Печатается с 1991 года. Публиковался в журналах «Очаг», «Обозреватель», «Волга–XXI век», в газетах: «Известия», «Аргументы и факты», «Культура», а также в «Литературной газете» и «Независимой газете». На местной радиостанции «Мир» вёл авторскую передачу «Классический подход».

ЛЕСНОЙ КОНСУЛЬТАНТ

ЖИРАФ

Важно голову задрать,
Бродит в Африке Жираф.

Сверху он на всех подряд
Лишь слегка кидает взгляд.

Оттого такой он важный,
Одинокий верхогляд.

ЛЕСНОЙ КОНСУЛЬТАНТ

Знает мудрая Сова,
Что она всегда права.

У неё глаза большие
И большая голова.

Нет мудрее головы,
Чем у нашей у Совы.

К ней не зря лесной народ
За советами идёт.

Сам Медведь однажды летом
Приходил к ней за советом.

ЁЖИК

Будете у нас в саду –
Потихоньку проведу
Я к калитке вас, где вход
На соседский огород.

Там – увидел я вчера –
Есть глубокая нора,
А в норе который год
Ёжик маленький живёт.

Захотелось нам с Лариской
Свинок покормить из миски.

Только съели хрюшки ужин –
Все пошли купаться в луже.
А один забрал свой ужин –
Прямо в луже его ест.

Поросятам явно нужен
Воспитательный процесс.

Будут знать теперь ребята,
Что такое поросята!

ЛАРИСКИНА КИСКА

Принесли котёнка
Маленькой Лариске.
Будет у девчонки
Миленькая киска.

Предложили нашей киске
Молока попить из миски...

Покатались киска с миской
По квартире кувырком.
Молоко лакает киска
Прямо с пола языком.

Ох, расстроилась Лариска:
Отругала мама киску,
Отняла у киски блюдо:
«Больше ей не дам посуду!»

Если хочешь быть в чести –
Научись себя вести!
Ни к чему в квартире нам
Вот такой вот тарарам!»

Испугался бедный кот
И забрался под комод.
Пусть подумает: он дома
Хорошо себя ведёт?

Олег КОРНИЕНКО

Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил Первое Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище.

Печатался в журналах: «Аврора», «Детская роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Рать», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Волга–XXI век», «Луч», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Мономах», «Симбирск», «Простор», «День и Ночь», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка», «Великороссь», «Город» и др.

Член Союза писателей России. Председатель «Содружества детских писателей». Лауреат литературных премий «Город» и «Признание». Дипломант 4-го Международного конкурса им. А. Н. Толстого и 6-го Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» Автор шести книг прозы. Живёт в г. Сызрань Самарской области.

ТАРЗАНКА

ПИРОЖНОЕ

– Мам, я пирожное хочу, – сказала Надя и посмотрела в окно.

На тротуаре, провожая прохожих любопытным взглядом, сидела красивая чёрная собака. Белая полоска шерсти у неё на шее походила на ошейник.

– Ты же ещё вчера последнее съела, – ответила мама. Она мыла посуду после завтрака.
– Вот пойду в магазин, ещё куплю.

– Я сама могу купить, – предложила Надя. – Я, что, маленькая?

Мама с улыбкой посмотрела на дочь, прошла в коридор к туалетному столику и достала из сумки кошелек:

– Вот тебе деньги и будь, пожалуйста, повнимательней на дороге. И не вздумай опять кормить пирожным собак!

– Хорошо-о! – крикнула скачущая по ступенькам Надя.

...Пирожное пахло вкусно, но она старалась не смотреть на сделанные из крема ягоды клубники в корзиночке из песочного теста.

– Папу с мамой угощу, и мне кусочек останется! – подумала Надя вслух и порадовалась своему решению.

На полпути к дому ей показалось, что за ней кто-то идёт. Она обернулась и увидела собаку. Ту самую собаку, которую заметила из окна кухни. Собака жила в их дворе и звали её Шарик.

Надя остановилась. Шарик тоже. Он завилял хвостом и, облизываясь, уставился на пирожное.

– Нельзя, Шарик. Мама ругаться будет, – сказала она собаке и, переложив пирожное в другую руку, поспешила дальше.

Шарик, не отставая, настойчиво бежал следом. Глаза его виновато моргали, будто он хотел сказать: «Разве я виноват, что собаки тоже любят пирожные?»

– Ну что мне с тобой делать? Ведь попадёт мне от мамы. Я завтра тебя угощу, а сегодня пирожное надо обязательно донести. Ты меня понимаешь?

Шарик не хотел понимать и с надеждой смотрел то на пирожное, то на девочку. И Надя решила: «Ну, разве что кусочек...»

Она аккуратно отломилась половину пирожного и положила его на бордюр. Шарик мгновенно проглотил угощение.

– Хватит, Шарик, отстань! – приказала Надя.

Но Шарик не отставал, и она на ходу начала объяснять ему, что другая половинка – для папы и мамы. Что она не может её отдать, она и сама сегодня осталась, скорее всего, без пирожного. Но во взгляде собаки было столько мольбы, что Надя не выдержала: «А вдруг у Шарика сегодня день рождения?»

Шарик радостно завилял хвостом, точно понял мысли девочки.

Когда Надя дошла наконец до своего подъезда, в руке у неё остался лишь клочок оберточной бумаги с крошками и жирным пятном. Она скомкала его и бросила в урну, похожую на пингвина.

ТАРЗАНКА

Я с нетерпением ждал лета, и оно наконец-то наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и перешли в пятый класс. В моём дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли «четвёрки». Среди них даже одна «пятёрка» красовалась – по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учёбы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные варианты отдыха, включая поездку на Чёрное море, но победило папино предложение навестить его друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я видел у Валерика – моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело. Но никакой «тарзанки» мы там не видели.

И вот в воскресенье после обеда мы отправились на нашей машине в необычное путешествие – на пруд.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

– Ну что, на «тарзанку» идём? – спросил папа.

– Конечно, – согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, откуда слышались весёлые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, чёрные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

– А вот и «тарзанка», – показал папа на длинную верёвку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

– Кто из вас смелый? – улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего, смелыми здесь были все.

– Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех, худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до верёвки, Федьке надо было встать кому-то на плечи. Но друзья без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад и – отпустили. Федька как маятник качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полёта отпустил руки и красиво нырнул в воду.

– Кто следующий? – Папа посмотрел на нас.

– Надо размяться перед прыжком, – сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны.

Но мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами тоже было зазорно.

– Папа, давай я, – охрипшим от страха и волнения голосом выдал я и посмотрел на Валерика.

Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полётом в космос, принялся меня инструктировать.

– Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся – я рядом.

Он посадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушёл из-под ног берег, можно прыгать, но пальцы не хотели разжиматься, и я, болтая ногами, полетел обратно.

– Ты чего? – крикнул папа.

– Скорость маленькая, – объяснил я.

– Повторим? – спросил папа.

– Повторим.

Местные мальчишки с интересом наблюдали, чем закончится мой полёт. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понёсся опять к пруду, папа ещё раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на верёвке целый день? И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

– Это кто так кричал во время моего прыжка? – спросил я гордо папу.

– А нам показалось, что этот «кто-то» орал от страха.

И папа посмотрел на Валерика:

– А ты плавать умеешь?

Валерка умел только по-собачьи, а потому выдавил:

– Умею.

– Ну что, прыгаем? – спросил его папа.

– Прыгаем, – ответил Валерик.

В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось всё хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с высячим точно сосиска Валериком вернулась обратно.

– Всё нормально? – спросил папа.

«Сосиска» почему-то молчала и болтала ногами.

– Если боишься, то не прыгай, – сказал я.

– Щас прыгну! – почему-то заорал Валерик и ещё крепче уцепился за палку.

...Он шлёпнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент все лягушки от страха, наверное, выскочили на берег...

Валерик через мгновение показался из воды и, задрвав голову, заработал руками, точно винт моторной лодки.

– Вставай, там мелко! – крикнули ему местные ребята.

Валерик перестал мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

– Эх ты, Тарзан! – обнял я Валерика.

– Ничего, не получилось сегодня – получится завтра! – подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли, и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА

*Герою России,
лётчику-космонавту Михаилу Корниенко
посвящается*

Валерик с детства мечтал стать космонавтом. Тимка тоже мечтал стать космонавтом, потому что стать космонавтом мечтал Валерик. Друзья регулярно делали зарядку и закалялись – готовились к *своему* полёту. А к нему надо быть всегда готовыми.

– В школу лучше ходить пешком, а не на троллейбусе ездить, – заметил как-то Валерик.
– Это тоже тренировка.

– Ходи, кто тебе не даёт? – сказал Тимка. – У меня другая система.

Какая – Тимка не говорил, а вот Валерик из-за своей «системы» часто в школу опаздывал.

А однажды на уроке физкультуры у Валерика закружилась голова. Школьная медсестра дала ему понюхать нашатырного спирта и попросила Тимку проводить Валерика домой.

– С таким вестибулярным аппаратом в космос не пустят, – заметил папа Валерика.

– А что же делать? – спросил Тимка.

– Тренировать надо: рейнское колесо или *лотинг* – вращающиеся качели.

Ребята от незнакомых слов притихли.

– В Детском парке есть аттракцион «Петля Нестерова». Это то, что вам надо! – подсказал папа.

– Так и называется – «петля»? – удивился Валерик.

– Так и называется: «Петля Нестерова» – по фамилии лётчика Петра Николаевича Нестерова, который впервые выполнил в небе эту фигуру. Вы аттракцион видели в мультфильме «Ну, погоди!»

В выходной день Валерик с Тимкой поехали в Детский парк. По дороге Валерик представлял, как они сядут в кабину самолёта, пристегнутся ремнями и начнут накручивать круги один за другим.

Но возле аттракциона их ждала очередь. Небольшая, а всё-таки очередь.

Ребята забеспокоились: срывалась их первая тренировка на новом тренажёре. А тут ещё женщина-контролёр со своим вопросом:

– Ребята, а вам не рано на этом аттракционе кататься?

– Да вы что, – возмутился Тимка, – мы уже год как ходим в Школу юных космонавтов!..

– Ну-ну, – покачала головой женщина-контролёр и крепче пристегнула ребят.

– Готовы? Поехали!

Зажужжал винт на носу самолёта, и он, вместо того, чтобы сорваться с места, сонной мухой пополз вперёд. Когда деревья парка ушли под крыло, Валерик понял, что это катастрофа. Висеть головой вниз на глазах у всех было не очень-то весело. Он мысленно толкал самолёт, а тот еле полз. Ещё немного, подумал Валерик, и ремни не выдержат.

– Ты как? – дрожащим голосом крикнул Валерик.

– Самочувствие отличное! – ответил Тимка, и от этого Валерику стало ещё страшнее.

Когда самолёт наконец принял горизонтальное положение, Валерик понял, что на большее его не хватит, и хотел попросить женщину-контролёра остановить самолёт. Он только открыл рот, как самолёт опять начал подниматься, и вскоре Валерик, точно мультяшный Волк, опять повис головой вниз. В ремни он не верил, а потому изо всех сил вцепился в сиденье. Валерику не хотелось так рано погибать. А как же космос? А слава? Если с самолётом что-нибудь случится, то памятник Валерику поставят, скорее всего, возле кассовой будки аттракциона. Или назовут её его именем.

И Валерик закричал.

– А-а-а... Тётяшка, остановите!

Закричал, потому что было страшно и потому что он увидел в толпе папу, который кого-то искал.

– Папа, останови самолёт!

Но самолёт Валерика не послушался и по инерции, жужжа винтом, опять пополз вверх. Папа метнулся к женщине-контролёру и принялся ей что-то объяснять. И вскоре винт на самолёте замер, он медленно опустился, и бледный Валерик вылез из кабины.

Домой они возвращались молча. Папа шёл впереди, то и дело оглядываясь на притихших ребят. Каждый из них думал о своём. Тимка представлял себя за штурвалом настоящего космолёта. А Валерик просто глядел себе под ноги, которые уверенно шагали по тротуару, и не мог понять: что случилось? Почему он кричал?

– Ничего, со всеми такое может произойти, – успокаивал нас папа. – Просто всегда надо реально оценивать свои возможности. Но вы – молодцы, если не побоялись повторить подвиг самого Нестерова!

Дома папа показал ребятам фото Петра Нестерова. Они долго разглядывали в энциклопедии стройного лётчика, в фуражке и с кортиком на боку, а также приземистый «Ньюпор-4», на котором лётчик выполнил свою «мёртвую петлю».

– А если бы Пётр Николаевич жил сейчас, он стал бы космонавтом? – спросил Тимка.

– Я думаю, что стал, – ответил папа.

– А я тебе что говорил! – Тимка посмотрел на Валерика и рядом с фамилией «Нестеров» написал карандашом: «касманавт».

АВТОГРАФ «КОСМОНАВТА»

...Если некоторые люди тратят целые годы, чтобы завоевать популярность или славу, то пятиклассник Фёдор Тарасов стал «звездой школы» за один урок. А причиной всему – обычная контрольная по математике. Нет, Фёдка любил математику. Просто математика не любила его. А значит, кто-то должен уступить. Уступить решил Фёдка – точнее, слинять с контрольной.

– Если математичка спросит – придумай что-нибудь, – попросил он Антона, соседа по парте. – Скажи: тетрадь дома забыл, а лучше – заболел.

– Заболел так заболел, – согласился Антон. – А чем?

– Свинкой, например.

Привычные сорок пять минут тянулись необычно долго. Фёдка прятался за кустами на другой стороне улицы и поглядывал то на часы, то на входную дверь школы, а потому и не заметил, как рядом остановился мужчина и спросил:

– Мальчик, это 19-я школа?

– Да, 19-я, а что?

– Ничего, спасибо...

И пошёл дальше. На пиджаке у него блеснула Звезда Героя России.

Как только прозвенел звонок и на улицу высыпали школьники, Фёдка поспешил в класс. Но до класса он не дошёл: его внимание привлёк плакат на доске объявлений. Он сообщал, что завтра в актовом зале состоится встреча с выпускником школы – лётчиком-космонавтом России. Но больше всего его потрясло фото космонавта. В нём Фёдка узнал мужчину, с которым только что разговаривал.

И он помчался в класс.

– Видел? – спросил он Антона, бросив сумку на парту.

– Что видел?

– К нам придёт космонавт.

– А я думал – ревизор. И что?

– А то, что я сейчас с ним общался!

– На орбите?

– В кустах.

– Ну ты даёшь! – хлопнул товарища по плечу Антон, и все вокруг заулыбались. – Он, что, обещал тебя к себе в отряд космонавтов забрать?

– А что, всё может быть, – сказал Фёдка. – Так что спешите брать у меня автографы!

– Мне автограф! Мне! – заорали одноклассники и начали совать Фёдке записные книжки, школьные дневники и просто чистые листочки.

Фёдка не сразу заметил, что уже начался новый урок и вошла Клавдия Степановна – классный руководитель. Во время урока учительница то и дело поглядывала на Фёдку. «Наверное, обиделась, что я не дал ей автограф, – решил Фёдка. – Нашла из-за чего дуться. Не получилось на уроке, наверстаем после. Для своих – без проблем и очереди».

Но в учительской Клавдия Степановна отказалась от автографа «юного космонавта» и оставила в Тимкином дневнике свой: «Уважаемые родители Тарасова Фёдора, жду вас завтра в школе в течение дня!»

Нет, что ни говори, а тернист всё-таки путь в космос!

КОЛЯДКИ

Утром мама поставила в прихожей табурет, на него – тарелку со сладостями и сказала Тимке:

– Сегодня Рождество, будешь помогать мне. Когда придут колядовать, дашь каждому по три конфеты и по прянику.

– А когда они придут? – спросил Тимка. – Я хотел пойти погулять...

– Раздашь всё – и можешь идти.

– Ничего себе! – Тимка посмотрел на полную тарелку. – Здесь человек на сто. Пока раздашь, и день кончится.

Тимка включил телевизор и стал ждать. Но сколько он ни прислушивался, в дверь никто не звонил.

«Так и день пропадёт», – подумал Тимка и позвонил другу Валерику.

– К вам приходили колядовать?

– Что-что? – переспросил Валерик.

– Колядовать приходили, глухомань?

– Приходили две какие-то малявки. А к вам?

– К нам ещё нет. Быстрее дуй ко мне, а то меня на улицу не пускают.

Через несколько минут Валерик был у Тимки.

– Что случилось? – спросил он, расстёгивая куртку.

Тимка молча показал на тарелку.

– С Рождеством, Валерик! – послышался мамин голос. – Какой молодец! Колядовать пришёл? – спросила она.

Не успел Валерик открыть рот, как в дверь позвонили.

На площадке с пакетом в руке стояла толстушка Светка из соседнего подъезда.

«Ангел к нам с небес спустился

И сказал: «Христос родился!»

Мы пришли Христа восславить,

А вас с праздником поздравить», – прочитала с выражением Светка.

Она читала так, точно стояла на сцене.

– Учитесь! – похвалила девочку мама и протянула ей конфеты и пряник.

– А чё тут учиться? Так и мы можем, – переглянулись ребята.

– Ну что ж, начинайте, а мы послушаем.

Но, кроме первой строчки, ребята ничего не вспомнили.

Мама улыбнулась и сказала:

– Света, забирай этих «ангелов» колядовать, пусть тренируются.

– А как же конфеты? – удивился Тимка.

– Сама как-нибудь справлюсь.

На улице Светка спросила:

– Куда идём?

– Не знаю, – пожал плечами Тимка. – Я что-то сомневаюсь, что нас где-то ждут.

– Ты что! – воскликнула девочка. – Сегодня большой праздник – родился Иисус Христос! Нам будут рады не только в нашем городке, но и во всём мире!

– Давайте так: каждый берёт по дому – и колядуем. А потом – меняемся, – предложил Валерик.

– Тогда уж лучше – по улице: больше конфет выйдет, – усмехнулась Светка и скомандовала: – Начинаем все вместе с первого подъезда. Колядку помните?

– Помним, – буркнули Тимка с Валериком и поплелись следом.

На каждом этаже Светка начинала колядку, Тимка с Валериком, фальшивя, подхватывали её.

В одной квартире им долго не открывали. Ребята собрались уже уходить, но тут дверь открыла бабушка. Она была худенькая, маленькая и, казалось, не понимала, что нужно ребятам. Светка, Тимка и Валерик дружно спели свою колядку и стали ждать.

– И вас с Рождеством, миленькие! – виновато улыбнулась бабушка. – А мне и угостить вас нечем. Приболела я малость, не было сил в магазин сходить. Может, вы позднее заглянете?

– Мы завтра придём, – еле слышно сказал Валерик, но увидел строгие глаза Светки и замолчал.

Спускаясь по лестнице, они некоторое время думали про бабушку. Но потом новые квартиры, новые гостинцы и новые впечатления затмили эту рядовую встречу.

Пакеты становились всё тяжелее, и ребята начали фантазировать:

– На неделю конфет хватит.

– На какую неделю – месяц! – сказала Светка. – Ну что, возвращаемся? Всех конфет всё равно не соберёшь.

И ребята то ли с грустью, то ли с радостью посмотрели на последние дома военного городка.

– А ведь нас там наверняка ждут, – вздохнул Валерик.

– Тебя бабушка ждёт, – похлопал его по плечу Тимка.

– Не меня, а нас, – Валерик в ответ тоже хлопнул товарища по плечу. – Она просила нас зайти попозже.

– Ребята! Давайте действительно зайдём к бабушке и занесём ей пакет с гостинцами, – предложила Светка.

Валерик от неожиданности чуть не шлёпнулся на тротуар:

– Интересно, и чей же?

Девочка остановилась возле подъезда, где жила бабушка.

– У нас есть три пакета, у бабушки – ни одного. А Господь призывал всех делиться. Не будем мелочиться и считать конфеты, а просто подарим ей один пакет, – рассудила она.

...Порог Тимкиной квартиры ребята переступили уставшие и взволнованные.

– Теперь бабушка быстрее поправится, – раздеваясь, размышлял вслух Валерик.

– От твоих конфет, что ли? – хмыкнул Тимка.

– Не от моих, а – наших, – поправил Валерик. – Мы же договорились, что это *наши* совместный подарок.

– Как говорит мой папа-врач, – вмешалась Светка, – чтобы быстрее поправиться, надо есть что-то существенное.

– Значит, завтра бабушку нужно обязательно навестить, – сказал Тимка. – В магазин, если нужно, сходить.

– Прекрасная идея! – согласилась Светка и неожиданно поцеловала мальчика в щёку: – С Рождеством, Тимка!

– Ты что-о? – Тимка удивлённо вытаращил глаза и, покраснев как рак, бросился на кухню ставить чайник.

ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК

Тимка лежал на русской печи и наблюдал, как мать разжигает топку. Ужин собирается готовить, догадался он.

Положив под дрова старую скомканную газету, мать подожгла её. Огонь начал лизать сухие, принесённые из сарая дрова.

Загудело за окном. Тимка, подняв голову, прислушался: не отцов ли мотоцикл? Хотелось соскочить на пол и припасть к замёрзшему окну. Но слезать с печи мать запретила: у Тимки ангина.

Гул за окном постепенно затих – нет, это не мотоцикл, по улице проехала машина.

Тимка ждал отца. Ждал, когда он привезёт подарок от лисички. Что же она передаст на этот раз – конфету или яблоко? Тимка не знал, на чём остановить свой выбор – хотелось и того, и другого.

– Когда папа приедет? – спросил Тимка.

– Да пора бы уже. – Мать посмотрела на часы. – Может, опять мотоцикл сломался?

– Сломался – это плохо, – огорчился Тимка.

Сегодня вечером он собирался спрятаться за деревьями, что растут вдоль дороги, и подсмотреть, как лисичка передаёт подарок. А тут – на тебе: горло заболело. И это от горстки снега...

Недомогание Тимка почувствовал утром. Хотел глотнуть и скривился от непривычного комка в горле, испугался и заплакал. Подошла мать, потрогала лоб – и всё открылось: играли на пруду за селом, стало жарко, и он зачерпнул ладошкой снега...

Не скоро он теперь лисичку увидит...

Отец счастливый – он каждый день встречается с ней. А Тимка не то что лису, обыкновенного зайца не видел.

Трещали в печи дрова, в соседней комнате негромко бормотало радио. Залаял на улице Лапун. Лапуном назвали пса потому, что у него широкие лохматые лапы, огромные, как и он сам. Положит на плечи – с ног валишься.

Лапун полаял и замолчал – значит, шёл свой.

В сенцах кто-то затопал ногами, обивая снег, затем начал шарить в поисках щеколды. Наконец скрипнула дверь, и Тимка по голосу узнал соседку бабу Марью.

– Ну что, снегоед? – заглянула она на печку. – Будешь ещё снег лопать?

Тимка обиженно отполз подальше от края.

– Я не снегоед.

– Чисто снегоед, – повторила соседка. – Держи! – И она протянула Тимке что-то завёрнутое в газету.

Тимка молча взял свёрток.

– Что нужно сказать? – напомнила мать.

– Спасибо, – прохрипел Тимка.

Баба Марья, кряхтя, села на стул, расстегнула фуфайку и сказала, расправляя на груди шерстяной платок:

– Ты хоть посмотри, что тебе баба Марья принесла.

Тимка аккуратно развернул газету и радостно промычал:

– Пряник.

– Тульский пряник, – поправила баба Марья. – Медовый! Мне сынок из Тулы посылочку прислал.

Тимке не терпелось проверить, так ли это? И он понюхал, а затем и лизнул угощение. Пряник действительно был медовый.

А баба Марья уже рассказывала о подарках сына, о высокой должности, какую он занимает в Туле, что на работу его возит персональная машина... Тимке слушать это было неинтересно. Он вдруг представил отцовский мотоцикл, который несётся по укатанной снежной дороге. Нет, это Тимка мчит на мотоцикле... Свистит в ушах ветер. Какое прекрасное время – зима! Вокруг деревья в снегу, а Тимке почему-то нисколько не холодно, а даже наоборот – жарко...

...Проснулся он от голоса отца, открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. За окном было уже темно. Стул, на котором сидела баба Марья был пустой, возле умывальника фыркал, умываясь, отец.

– Три раза останавливался, пока доехал, – говорил он, принимая из рук матери полотенце. – Замучил он меня, хоть продавай.

«Неужели действительно продаст?» – со страхом подумал Тимка про мотоцикл и не решился спросить про лисичку.

Заметив, что сын проснулся, отец с грустью сказал:

– Не видел я сегодня лисичку, сынок. Не дождалась, видно, меня, убежала.

Отец повесил полотенце и сел за стол.

Тимка увидел, как расстроился отец. Ещё бы: ведь у лисички был подарок для него, и теперь она, может быть, отдаст его другому мальчику, если, конечно, волки не отнимут.

– И никуда лисичка не убежала, – Тимка соскочил на пол и положил перед отцом пряник, тот самый тульский пряник, что принесла нынче баба Марья.

Отец перестал жевать и удивлённо посмотрел на Тимку. И они оба загадочно улыбнулись...

ТЫСЯЧЕЛИСТНИК

– Бабушка! – кричу я, уронив кухонный нож. – Я пальчик порезал!

Испуг от боли и вида крови несёт меня через весь огород. Увидев моё заплаканное лицо, бабушка бросает работу.

– И как это тебя угораздило?! – то ли жалеет, то ли ругает она меня.

Бабушка выщипывает несколько каких-то мохнатых стебельков, растирает их пальцами и осторожно прикладывает к ране. Боль постепенно утихает, и я успокаиваюсь.

«Раньше йод и «зелёнку» в деревне мало кто знал, – вспоминаю слова бабушки, – поэтому лечение, если поранишься, было одно: тысячелистник. Его и искать не надо – повсюду растёт».

Когда в нашей семье кто-нибудь заболел или за помощью обращались соседи, бабушка не спеша, шаркая комнатными тапочками, проходила в спальню и, опершись сухой рукой о край старой деревянной кровати, по-старчески кряхтя, становилась на колени. Под кроватью, в царстве полумрака и пыли, в картонных коробках хранились высушенные стебли, корни и цветы.

Бабушка стелила старую, пожелтевшую от времени газету и бережно выкладывала на неё содержимое коробки, пока не находила нужный пакет или связанный пучок. Занятая поисками, бабушка не замечала моего присутствия, и я со стороны мог наблюдать, с какой осторожностью она берёт каждый пучок, как внимательно изучает его через сползшие на нос очки.

От пыли щекотало в носу, я чихал, но бабушка, обнаружив меня, не гнала, а усаживала поближе. Продолжая перебирать венички, пакетики, мешочки, она говорила о лечебных свойствах находящихся в них трав. Благодаря цепкой детской памяти, я и сейчас узнаю, если встретятся: зверобой, душицу или «медвежье ухо».

В нашем доме не было стерильной чистоты, характерной для современной городской квартиры. Именно в эту простоту деревенского быта, наполненную нужными в хозяйстве вещами, тянуло меня всегда.

А какие она пекла пироги! На широких противнях они исчезали в прокопчённой пасти печи, чтобы появиться через некоторое время румяными, источающими неопишемый аромат пропечённого сдобного теста.

Это было на праздники. А ещё были будни, не уступающие им: ржаные блины, как «колесо машины», которые мы, намазав сливочным маслом, уплетали за обе щеки, и деруны, или, как правильно поясняет белорусская национальная кухня, драники.

Чтобы рассказать о них кому-нибудь из своих друзей, мне для начала приходилось опускаться до выражения «картофельные блины». И это звучало настолько примитивно и серо по сравнению с тем объединением, какое представляли они, и не только тушённые в сметане, а хотя бы просто со сковороды – румяные, вприкуску с прозрачными шкварками или с простоквашей.

Годы давали о себе знать: у бабушки болели руки, болели голова и ноги. И что бы она ни делала по хозяйству – быстро уставала. Тогда бабушка садилась на длинную некрашеную скамью у окна, что выходило в сад. Некоторое время она сидела неподвижно, точно прикидывала, всё ли сделано? Затем, наклонив голову и охнув, она отрывала от скамьи своё невесомое тело и медленно направлялась к комоду. Скрипела дверца, и бабушка доставала коробочку из-под фиолетовых чернил, где хранились «таблетки от головы» – «тройчатка». Приняв лекарство, бабушка проходила в спальню. С этой

минуты от нас с братом требовалось одно: тишина. Но разве мы тогда понимали это? У нас была своя жизнь, свои дела и заботы. Мы бегали, стучали дверь, шумели...

Бабушка появлялась через мгновение. В дрожащей руке у неё был дедов ремень. Лицо её, маленькое и смуглое, выглядело усталым и жалким. Била она не больно, но я как волчок вращался на месте и орал – в надежде, что громкий плач – признак боли и раскаяния – удовлетворит расстроенную бабушку. Впрочем, она и сама вскоре бросала ремень, садилась на ту же скамью у окна и начинала плакать.

От вида слёз нам становилось не по себе, и мы, продолжая реветь, принимались просить прощения. И бабушка, конечно, прощала.

Она умерла через три месяца после того, как я стал курсантом военного училища. Тщетно пытался я объяснить командиру роты, что после смерти матери бабушка заменила её. Бабушку посчитали дальним родственником, а потому на похороны меня непустили.

Через неделю я получил письмо от дяди. Он сообщал, что похоронили бабушку на городском кладбище, что в пяти километрах от села, возле отца и матери, рядом с большим кустом сирени.

Спальню бабушки облюбовал вернувшийся из армии брат. Он быстро потеснил всё в комнате: сундук и шкаф для одежды, коробки с травами, стеллажи с книгами и журналами. То, что не поместилось на полках, перекочевало в пропахшие травами картонные коробки.

Больно было видеть, как исчезает последняя память о близком человеке, осознавать личную причастность к этому, поскольку ни я, ни дядя не смогли, а точнее, даже не пытались противостоять этому.

И я за целый месяц отпуска не нашёл времени сходить на кладбище. Что это – эгоизм или непонимание того, что наша любовь нужна не только живым, что помнить о ближнем нужно, не только когда он рядом, но и когда его нет больше с нами? Ведь главное наше предназначение на этой земле – творить добро. Только в этом случае у нас есть надежда остаться в памяти потомков. А много ли я добра сделал?

Осенью я не поехал на юг, как планировал, в рапорте на отпуск указал адрес бабушкиной деревни.

Знакомый куст сирени без листвы стал почти прозрачным, за ним ещё издали я заметил гранитную плиту. На ней было высечено знакомое до боли лицо бабушки. Ограды, как на других могилах, не было, и я свободно подошёл к могилке и положил на поросший барвинком и другой кладбищенской травой холмик букет таких обычных, но дорогих мне цветов тысячелистника.

САД НА ЗАРЕ

Тимка Гришанов ходил в огород и не закрыл как следует калитку. Корова открыла её рогом и успела истоптать не одну грядку, пока Тимка выгонял её. И Тимке в который раз влетело от матери.

Когда он прибежал к деревенскому клубу, Володька уже был там.

– Что это у тебя глаза красные? – спросил он.

– Лук чистил, – соврал Тимка.

– Для коровы, что ли? – усмехнулся друг.

Клуб стоял почти напротив Тимкиного огорода, поэтому Володька видел всё. Тимке ничего не оставалось, как открыться.

– «До смерти, – говорит, – добра от тебя не дождёшься», – повторил он слова матери и потёр ладошкой пониже поясицы. – Корова, оказывается, какой-то там саженец сломала.

– И за это бить человека? По-моему, несправедливо, – философски заметил Володька и хлестнул веткой по земле. – Ещё неизвестно, вырастет ли саженец. А вдруг он возьмёт

завтра да засохнет? Тогда получается, что тебя наказали зря... Я бы на твоём месте вместо него сто этих саженцев посадил. Из принципа!

– Сто – это же целый сад! – осадил товарища Тимка.

– Подумаешь, сад! На один день и делов-то.

– Это сколько варенья можно было бы наварить... – мечтательно произнёс Тимка и почесал затылок. – И всё-таки сто – это много. Десять – куда ни шло...

– Давай на спор, что... утром у вас в огороде будет сад!

– Давай... – Тимка нерешительно протянул руку. – А если не будет?

– Тогда... я отдам тебе... Видеокассету с «Шрэк-2»!

– Ла-а-дно... – Тимка вяло разбил рукопожатие.

– Как только стемнеет, бери лопату и приходи сюда же. Понял?

Не в силах представить сад на месте своего огорода, Тимка хотел было отказаться от затеи, но вместо этого согласно кивнул головой.

Первое дерево – молоденькую вишню – мальчишки выкопали в огороде деда Маркуша. Ох, и намучились же с ней! Копая, они старались не поранить корни, поэтому яма вышла большой.

– Я слышал, что во время цветения деревья нельзя пересаживать, – тяжело дыша, проговорил Тимка.

– А мы быстро, – уверенным тоном сказал Володька, – оно и опомниться не успеет.

Они заработали лопатами ещё быстрее и разбудили собаку деда. Мальчишки притихли в ожидании, что на лай выйдет хозяин и их операция сорвётся в самом начале. Но свет в окнах не загорался, и ребята, приставив саженец к плетню, спокойно засыпали яму.

– Ну их, эти вишни! – заявил Володька, когда деревце заняло место в огороде товарища, и вытер потный лоб. – Давай лучше смородину посадим. Варенье из неё ничуть не хуже вишнёвого, а даже полезнее.

– А где мы её возьмём?

– У бабки Федоры.

Тимка демонстративно воткнул лопату в землю.

– Ты как хочешь, а я воровать больше не пойду!

– Разве два каких-то несчастных куста – это воровство? – удивлённо произнёс Володька. – И потом, она сама как-то говорила, что смородина замучила её и она не знает, как от неё избавиться.

– А ты не врешь? – Тимка зачем-то потрогал черенок лопаты.

– Больно нужно...

Это убедило Тимку, и друзья направились к огороду соседки.

...Небо на востоке ещё только начинало светлеть, а участок Тимкиного огорода за баней уже темнел от смородины.

– Шестнадцать! – сосчитав кусты, устало произнёс Тимка. – Может, хватит уже? Ты ведь и так выиграл?

– Ну, если сдаёшься...

– Да и сажать уже некуда, – добавил Тимка. – Дальше – вода.

Почти в самом конце огорода, в низине, начиная с весны стояла большая лужа.

Мальчишки бросили лопаты в сарай, вымыли руки в бочке и, довольные сделанным, разошлись по домам.

...Разбудили Тимку грохот опрокинутого в сенцах ведра и голос матери:

– Смородины ему захотелось! – ругалась она. – Ну, я тебя сейчас накормлю! Долго ты у меня её помнить будешь!

Не дожидаясь, когда мать начнёт «кормить» его ягодой, Тимка схватил брюки, рубашку и выпрыгнул в окно. Опомился только на сеновале. Сердце билось часто-часто...

А всё открылось так. Помогая утром прогнать за околицу стадо, соседка тётка Ульяна увидела на огороде Нюры Гришановой зелёное поле кустов и удивилась: вроде бы вчера их не было. Тётка Ульяна и разнесла по селу весть о «загадке природы».

Слухи о том, что у Гришановых «за ночь вырос сад», дошли и до бабки Федоры, которая с утра ломала голову: куда девалась её смородина?.. И старуха решительно направилась к их двору. Через забор увидела пропавшие кусты.

Соседки тут же объяснились, и мать Тимки бросилась искать сына. Ботинки его были выпачканы в земле. Но самого его в спальне не оказалось.

– Отольются кошке мышкены слёзки! – сердито произнесла мать, выглянув в распахнутое окно спальни.

Слухи об утренних событиях докатились и до Володьки. Поняв, что товарищ в опасности, он поспешил ему на помощь. Тимка сидел на сеновале возле окна и наблюдал за всем, что происходило во дворе и в огороде. А там, переговариваясь, выкапывали кусты мать и бабка Федора.

– Ну что, посадил сад? – расстроено бросил Тимка, увидев товарища.

– Кто же знал, что так получится?

– Кто-кто... Теперь хоть домой не ходи, – сказал Тимка, когда мать и соседка скрылись за калиткой с кустами в руках.

– Не хнычь, что-нибудь придумаем, – поспешил успокоить товарища Володька.

– Сейчас главное – убрать вишню. Если и её заметят, дед Маркуш на нас точно собаку натравит.

– А если в лужу её? – несмело подсказал Тимка.

– А что? Идея!

За ночь деревце изменилось до неузнаваемости. Листья и цветы на ветках завяли и не были такими яркими, как на остальных деревьях.

– Ну, что я тебе говорил? – упрекнул Тимка товарища, кивнув на вишню: – «...опомниться не успеет...» Теперь уж точно не опомнится!

Володька промолчал: не время было выяснять отношения. Они выдернули деревце из земли, и через несколько минут последнюю улику ночной операции скрыла глубокая лужа.

Грозу, нависшую над Тимкиной головой, надо было переждать, и остаток дня ребята провели за селом, где два огромных бульдозера рыли пруд. Это было так интересно, что Тимка напрочь забыл о предстоящем наказании и опомнился лишь тогда, когда трактористы, заглушив моторы, начали собираться домой. Мальчишки неохотно поплелись к селу. Тимка решил возвращаться не улицей, а огородами. Он уже запер за собой садовую калитку, как на крыльцо вышла мать. Тимка юркнул в сарай и забрался на сеновал. Но было уже поздно: мать заметила его.

– Тимка, сейчас же иди домой! – крикнула она.

Он лежал не шелохнувшись. Вскоре заскрипела лестница, и над сеном появилась голова матери в белом, повязанном назад платке.

– Не слезешь – хуже будет, – предупредила она.

– Я знаю, ты бить будешь... – заныл он, поняв, что дальше скрываться бессмысленно.

– А ты хотел, чтоб я тебя пряником одарила? Я жду...

– Не слезу! – упрявился Тимка.

Мать посмотрела вниз, собралась спуститься:

– Тебе виднее, – устало вздохнула она, – но если через пять минут не будешь дома, расскажу отцу. Мыслимо ли дело: весь день не емши!

Шурша сеном, Тимка на четвереньках пополз к лестнице.

Ужинали молча. Тимка жадно уплетал за обе щеки, не забывая, впрочем, исподлобья следить за матерью. Ремня на добавку ему не хотелось.

– Скажи хоть сейчас честно: зачем тебе эта смородина понадобилась? – нарушила молчание мать. – Что, у нас своей мало?

Тимка положил ложку на стол, загундосил:

– Вчера утром ты сама сказала, что до смерти от меня добра не дождёшься. Вот я и решил сделать что-нибудь хорошее. А что – не знал... Володька помог.

– Ох, уж этот мне Володька! – мать легонько постучала кулаком по столу. – Если я вас ещё раз вдвоём увижу, не знаю, что с тобой сделаю...

Тимка виновато шмыгнул носом, но отказываться от товарища он не собирался.

– Добро радовать должно, а не огорчать, – вздохнув, сказала мать и тяжело поднялась. – Ты так скоро меня со всеми соседями перессоришь.

...На улице слышался шум мотора, возле двора он устало смолк.

– Отец приехал!

Тимка стрельнул взглядом на мать и выскочил на крыльцо.

– Вот как они меня ждут! – нарочито строго проговорил отец, заметив в руке сына кусок хлеба.

Из полукрытого багажника «Жигулей» торчал какой-то мешок.

– Я им подарки везу, спешу, а они без меня ужинать сели...

За спиной Тимки, скрипнув дверью веранды, появилась мать.

– Ужин давно на столе, а вот где подарки? – сказала она.

Отец прислонил к забору мешок, из которого выглядывали какие-то мохнатые веточки.

– Ремонтировал сегодня электропроводку на складе плодопитомника, – сказал он, – так начальник выписал мне черенки чёрной смородины. Стройная, говорит, как бамбук.

Сын взглянул на мать, и они дружно засмеялись.

...Тимка лежал в постели и слушал, как мать гремит посудой, убирая со стола. Он всё ещё ломал голову над её словами: «Добро радовать должно...»

Отступить не хотелось, а фантазия не подсказывала ничего такого, что могло бы порадовать мать.

«Без Володьки не обойтись, – подумал Тимка. – Завтра же с ним посоветуюсь». И, уже засыпая: «...А вишню деду Маркушу надо вернуть. В воде ведь ночь пролежит. Может, не погибнет?»

Михаил КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ

Михаил Александрович Лубоцкий (литературный псевдоним Михаил Каришнев-Лубоцкий) родился в 1948 году в г. Чапаевске Куйбышевской области. Окончил филологический факультет Саратовского государственного педагогического института. Автор книг «Волшебные сказки», «Приключения маленькой волшебницы», «Чародей из Гнэльфбурга», «День рождения домового», «Искатели злоключений», «Обманное колечко» и др. Публиковался в журналах «Мурзилка», «Детская роман-газета», «Странник», «Волга – XXI век», в «Литературной газете» и других изданиях. Лауреат премии журнала «Мурзилка», Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу для детей, Всероссийского литературного конкурса на лучшую книгу для детей «Добрая лира», премий имени П. П. Ершова и А. П. Чехова.

Заслуженный учитель РФ. Член Союза писателей Москвы. Ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей. Живёт в Саратове.

ХВАЛЫНСКИЕ ИСТОРИИ

ЖЕРТВА ИСКУССТВА

Летом в Хвалынск, как всегда, нагрянули художники. Хвалынск в наших местах слывёт «второй Швейцарией».

Первых гостей Марья Лукинична проворонила, зато, когда приехали трое бородачей из Питера, она всех троих забрала к себе.

– Дом у меня большой, – сказала Марья Лукинична, – места всем хватит. Хотите – в горнице живите, хотите – в двух других комнатах.

И тихонько пожаловалась на судьбу:

– Раньше-то я постояльцев не пускала, а теперь пришлось: пенсия маленькая, а жить на что-то надо...

Бородатые питерцы дружно поохали, сочувствуя бедной старушке, и тут же выдали ей небольшой аванс.

– Месяц пройдёт – остальное отдадим, – пообещал ей курчавый очкарик. – Кто знает, сколько мы здесь протянем?!

– Обычно до осени живут, – сказала Марья Лукинична, – которые от службы, конечно, свободные.

– Мы не свободные! – улыбнулся очкарик. И, спохватившись, представился: – Фурш Анатолий Яковлевич, инженер-электронщик. А это – мои коллеги: Синцов Гриша и Гергуладзе Автандил.

Так, с разговорами довела Марья Лукинична гостей до своего дома. После небольшого совещания художники решили разместиться в просторной горнице: втроём веселее, да и хозяйке забот меньше.

С рисованием, конечно, в первый день ничего не получилось: пока в баню сходили да пока обедали, тут и день к закату пошёл.

– На пленэр завтра с утра двинем, – сказал Анатолий Яковлевич, – а сегодня лучше выспимся хорошенько.

Поужинали гости и легли спать. И Марья Лукинична в своей комнатке легла.

А утром...

– Братцы! – услышала она сквозь сон удивлённый и вместе с тем радостный голос очкарика Фурша. – Кто в моём альбоме так порезвился?!

Выглянула Марья Лукинична в горницу и видит: сидит за столом Анатолий Яковлевич и альбом огромный листает. А за его спиной другие бородачи стоят и в этот альбом смотрят.

– Это не я! – говорит Автандил. – Ты мою руку знаешь, это не я!

– А я примитивной живописью никогда не увлекался, – шепчет Синцов. – Меня всегда к реализму тянуло...

– Я тоже не рисовал... – Анатолий Яковлевич растерянно посмотрел на Марию Лукиничну. – К вам кто-нибудь вечером заходил?

– Нет. – Хозяйка дома почувствовала неладное. – А в чём дело?

– Да вот альбом мой кто-то разукрасил.

И Анатолий Яковлевич показал Марье Лукиничне забавные рисунки.

На одном из них был изображён смешной старичок с кудрявой бородкой, на другом – красивая лошадь с разноцветными ленточками в гриве, а на третьем – кошка с огромными, как чайные блюдечки, глазами.

– Это – Мурка, – признала хозяйка дома свою любимицу. – Это – Зорька, соседка лошадь. А это... Это я и сама не знаю, что за дедок...

– Рисунки великолепные, – похвалил Фурш таинственного живописца, – их не стыдно и на выставку отправить. Только кто автор? Кто этот загадочный аноним?

Марья Лукинична пожала плечами:

– Сроду у нас никто анонимками не баловался...

Поговорили художники с хозяйкой, поудивлялись да и отправились после завтрака «на пленэр». Забрались на вершину горы Богданихи и стали рисовать эскизы: Автандил – горы меловые, Гриша Синцов – сосны реликтовые, а Анатолий Яковлевич Фурш – Волгу с теплоходами и баржами. Хорошо поработали питерцы, почти до заката трудились.

А утром...

Что такое?! Кто к чужим эскизам свою руку приложил?! У Гергуладзе по горам меловым кони гуляют, у Гриши Синцова из-за сосен реликтовых старички бородатые выглядывают, а у Фурша по реке на плоту старушка плывёт – Марья Лукинична собственной персоной. Плот нарисован маленький, а старушка изображена большая – раз в пять крупнее буксирного катера.

– Это не я... – шепчет Автандил, испорченные эскизы разглядывая. – Вы мою руку знаете...

– И я примитивизмом не увлекаюсь, – вторит ему Синцов. – Я – реалист...

Фурш от художеств странных тоже отрешивается:

– Братцы, да чтоб я чужую картину тронул... Да никогда!

Марья Лукинична, узнав про «новую новость», чуть от стыда не сгорела: в её дому – и такие фокусы! А успокоившись немного, решила ночью не спать, а озорника-рисовальщика поймать во что бы то ни стало.

И вот, когда все постояльцы улеглись, устроилась пенсионерка Зотова Марья Лукинична в своей комнатке под дверями на стульчике. В руки, чтобы зря не скучать, спицы с вязаньем взяла, а на столик рядом с собой термос с горячим чаем поставила. Сидит, носочек вяжет, чаёк время от времени попивает.

Вот час ожидания проходит, вот второй, вот третий... Вдруг слышит Марья Лукинична: зашуршало что-то в горнице. Отбросила она вязанье, со стула вскочила и к постояльцам – шась!

И на пороге как статуя застыла: прямо перед ней, в лучах света лунного купаясь, сидел на полу коротышка-старичок с курчавой бородкой и что-то старательно в альбоме Фурша фломастером малевал.

– Кто ты, батюшка? – пролетела бедная старушка, к косяку спиной прислонясь.

– Я-то? – переспросил старичок. – А никто.

И, тяжело вздохнув, расстаял в воздухе. А фломастер и альбом взлетели с пола и сами собой улеглись на стол.

Пошатываясь от пережитого ужаса, вернулась Марья Лукинична в свою спальню. Отпила из стакана остывший чай, на кровать как подкошенная рухнула. «Не иначе как домовый объявился... Ну, теперь пойдёт потеха!..»

Словно в воду глядела пенсионерка Зотова: с той ночи ни ей, ни квартирантам житья не стало. Саму Марью Лукиничну домовой почти не трогал, так, пощекочет иногда под утро или в волосы травинок наплетёт. А вот постояльцам от него досталось побольше: Автандилу он в ту же ночь один ус отрезал, Грише Синцову на одежде все пуговицы оторвал, а Анатолию Яковлевичу Фуршу в паспорте отметку сделал: «БЕЗДАРЬ!», и зачем-то рядом с обидным словом смешную рожицу нарисовал.

Художники, конечно, взбеленились и через трое суток с квартиры Зотовой съехали. Аванс у старушки отбирать не стали, но и других денег ей, конечно, не добавили. Да и то сказать, не за что доплачивать было!

Когда постояльцы исчезли, домовой шалить перестал. Только сидел всю ночь под печкой и тяжело вздыхал. От этих вздохов Марья Лукинична ещё больше в расстройство пришла: одно дело – травинки из волос вытаскивать, другое дело – такую музыку всю ночь слушать!

Наконец Марья Лукинична не выдержала и, подойдя однажды к печке, спросила:

– Эй, бабушка! Ты чего вздыхаешь? Или неможется? Скажи, милый, я тебе лекарств в аптеке куплю!

Под полом сердито фыркнули, но не ответили. А через минуту на белёной печке кто-то невидимый вывел угольком коряво: «КУПИ КРАСОК, КИСТЕЙ И АЛЬБОМ! ДА ЕЩЁ ФЛОМАСТЕРОВ!»

Удивилась старушка, однако просьбу невидимки выполнила. На следующий день пошла в торговые ряды и на все деньги, которые от постояльцев получила, накупила всякого добра для таинственного художника. Перед печкой всё вечером аккуратно на пол сложила и к себе в комнатушку удалилась.

А утром опять альбом в горнице обнаружила. Только не с чистыми листами, а с разрисованными. А на обложке приписку нашла: «Отдай сии картины бездарю Фуршу. Пусть на выставку свозит. Ежели за них деньги выручит, часть себе пусть возьмёт за труды, а другую часть тебе отдаст. А медаль – мне!»

Удивилась Марья Лукинична, однако и эту просьбу домового выполнила.

А через год приехал опять в Хвалынск бородатый Фурш – и сразу к Зотовой.

– Поздравляю! Ваш родственничек – лауреат!

И на стол диплом кладёт и письмецо от организаторов выставки. А в письме объяснение, что деньги только художнику отдать можно или кому-нибудь другому, но по доверенности.

– Теперь его работы в Париже. А оттуда в Токио поедут, – вспомнил Анатолий Яковлевич. – Париж вы прозевали, но в Японию ещё можно попасть.

И, поздравив Марью Лукиничну с успехами земляка, Фурш исчез.

– Слыхал, бабушка? В Японию тебя зовут! – сказала Зотова, подойдя к печке. – Поедешь аль нет?

Но талантливый живописец ей не ответил. Впрочем, особо удивляться тут нечего: днём домовые никогда не разговаривают, а сидят себе тихо под полом и ждут своего часа.

НАЙДИТЕ ДЕДУШКУ!

Старший лейтенант милиции Иван Петечкин сидел с закрытыми глазами за рабочим столом в собственном кабинете. По лицу Петечкина бродила чуть заметная добрая улыбка: лейтенант спал, и ему снилась вчерашняя встреча футбольных команд «Спартак» и «Торпедо», в которой, как всем известно, победили спартаковцы.

И вдруг сладостный сон был прерван робким стуком в дверь. Старший лейтенант вздрогнул и открыл глаза.

– Да-да, войдите...

Дверь отворилась, и в кабинет вплыла круглая, словно шар, старушка лет семидесяти.

– Вы участковый Петечкин? – спросила она и запоздало поздоровалась: – Здравствуйте!

– Добрый день, садитесь. – Старлей кивнул на стул, стоявший по другую сторону письменного стола. – Выкладывайте свою проблему и не волнуйтесь. Кстати, ваше имя, отчество, фамилия? Домашний адрес?

– Марфа Григорьевна Полушкина. Живу тут, в Хвалынске. На Революционной в собственном доме. Номер сто двадцать три!

– Ну, в чём проблема?

Старушка замялась, её щёки слегка порозовели, а бойкие глазки потупились в пол.

– Не знаю, как и сказать... Не сумасшедшая, а подумаете, что сумасшедшая...

– Не тяните кота за хвост, говорите всё как есть! – приказал Петечкин и выложил на стол зажигалку, напоминающую пистолет.

Старушка покосилась на странный предмет, вздрогнула и призналась:

– Домовой пропал! Вторую неделю нет дедушки!

Лицо участкового слегка вытянулось, однако старлей сумел взять себя в руки.

– Вы в этом уверены, гражданка Полушкина?

– Пришла бы я сюда, ежели бы сомневалась... Как мы с Колюней, мужем моим, поссорились в прошлую пятницу, так он и сгинул! – Марфа Григорьевна промокнула слезу платочком и добавила: – Он ещё ультиматум нам предъявил, да мы не поверили. Думали, шутит. Он у нас ведь такой шутник!

Полушкина снова промокнула слезу – на этот раз слезу умиления.

– Ультиматум?! Домовой?! – участковый отказывался верить собственным ушам.

– Ну да. Написал недавно на печке: «Ещё раз поссоритесь, уйду от вас!»

Петечкин побледнел: несмотря на богатый милицейский опыт, ловить пропавших домовых ему пока не приходилось. Впрочем, как и отвозить старушек в психиатрическую лечебницу.

– Значит, гражданка Полушкина, вы утверждаете, что у вас проживал некто домовый и этот некто пропал?

– Мне не верите, у мужа спросите, – обиделась Марфа Григорьевна. – Я восьмой десяток доживаю, а врать ещё не научилась.

Старлей резко поднялся со стула, сгрёб в карман зажигалку, сигареты, надел на голову фуражку и скомандовал:

– Айда к вам, гражданка Полушкина! На месте разберёмся!

Через пять минут Иван Петечкин и «потерпевшая» были уже на Революционной, в доме № 123. На пороге их встретил седой как лунь супруг Марфы Григорьевны и глухо проворчал:

– Явились не запылились... Стыда нам только и не хватало...

– Ты поздоровайся сначала, Николай Матвеевич, а уж потом шпыняй, – промолвила укоризненно жена и торопливо добавила: – Только из-за ворчанья твоего мы и лишились дедушки!

– Я виноват, кто ж ещё! – И старик, кивнув приветственно старлею, пропустил его и свою супругу в горницу.

– Он под печкой обретался? – спросил Петечкин хозяев дома.

– Где ж ещё, там... – Николай Матвеевич провёл милиционера на кухню и указал на тёмное отверстие под печкой. – Днём там, а ночью по всей избе шляется. Да мы к этому привыкли! – поспешил он заверить участкового, испугавшись, что тот вдруг захочет привлечь домового за бродяжничество и нарушение норм общественного правопорядка.

Но Петечкин не обратил на последние слова древнего старичка никакого внимания. Достав зажигалку, он согнулся в три погибели и посветил в глубокое подполье.

– Кажется, никого...

– Знамо дело, никого, – хмыкнул насмешливо дед Полушкин. – Ушёл наш квартирант!

Старлей погасил зажигалку.

– А это что? – спросил он, указывая на несколько разноцветных стеклянных бусинок, валявшихся возле печки.

– Ах, это! – улыбнулась Марфа Григорьевна. – Мои девичьи украшения! Все домовый из шкатулки потаскал!

– Он их нам в волосы вплетает, – пояснил Николай Матвеевич. – Лошадей у нас нет, так он вместо лошадиных грив нам их повязывает.

– Мне – в косу, а ему – в усы, – рассмеялась Марфа Григорьевна.

Петечкин приметил ещё две бусинки, а потом ещё одну – возле входных дверей.

– Ну-ка, ну-ка... – прошептал он и вышел в сени.

Старики потянулись за ним, сердцем чуя, что участковый напал на правильный след.

«Следы» вели к соседнему дому, в котором жила семья Огольцовых. Поднявшись по ступенькам и подобрав ещё одну, похожую на смородинку, алую бусинку, старлей постучался в дверь. Ему открыли, и Петечкин вошёл внутрь. Чуть позже в дом Огольцовых заявила и чета Полушкиных.

Когда Марфа Григорьевна и Николай Матвеевич попали на соседскую кухню, там уже вовсю шли «розыскные работы»: старлей лежал на полу на коврик и светил фонариком, который ему любезно поддал хозяин дома, в тёмный провал под печкой, а вся семья Огольцовых тесным кружком стояла возле него и шёпотом обсуждала причину появления у них участкового инспектора.

Наконец Петечкину надоело заглядывать в пустоту и мрак, и он, побряхтывая, поднялся с пола.

– Днём его не выманить! – тоном знатока сказал старлей. – Ночью придётся делать засаду.

– На кого?! – ахнул глава семейства Огольцовых.

– Пока секрет.

– Ура, к нам ночью менты нагрянут! – радостно заорал семилетний Митька и принялся скакать вокруг онемевшей матери. – Наверное, с автоматами и гранатами!

– Нет, одной пушкой обойдётся, – остудил его Петечкин. И уже серьёзно сказал хозяину дома: – Вот что, гражданин Огольцов, тут такое дело...

– А ну, мотайте все на улицу! – скомандовал глава семейства ораве домочадцев.

Всех словно ветром сдуло, остались только «потерпевшие» да участковый с Огольцовым-старшим.

– У них, – старлей показал на Полушкиных и смущённо прокашлялся, – домовый пропал... Так они уверяют!

– Точно, Мефодич, вторую неделю о нём ни слуху ни духу! – перекрестилась Марфа Григорьевна.

– Я не брал! – тоже осенил себя крестным знаменем Огольцов. – От своего покоя нет, зачем нам чужой?!

– Вы не брали, да он сам к вам пришёл, – вмешался в разговор участковый инспектор. – Видите эти бусинки? От печки Полушкиных до вашей печки ведут!

– Это он нарочно сыпал, чтобы не заблудиться, – высказал предположение Николай Матвеевич.

– Нарочно, нарочно! – донёсся вдруг из-под печки чей-то насмешливый хриловатый голосок. – Карман прохудился, вот и рассыпал!

– Ой! – вскрикнула Марфа Григорьевна и схватилась за сердце. – Мой!

– Нашёлся... – облегчённо вздохнул её супруг. – Ну, слава Богу...

– А кто пропал? Я по доброй воле ушёл. Надоело вашу руготню слушать! – снова донеслось из-под печки. – Меня сват приютил...

– На время! – торопливо добавил чей-то басовитый голос.

– Пока не переменитесь, не вернусь! – закончил свою речь домовый Полушкиных.

– Да мы теперь... как ангели! – всхлинула Марфа Григорьевна.

– Мы и раньше не ссорились... Это мы так, шуткуем! – попробовал извернуться Николай Матвеевич.

Но домовый и участковый были строги и суровы.

– Ещё раз поскандалите, уйду к дяде в деревню! – заявил домовый решительно. – Он мне свой дом обещал подарить, а сам к сыну перебраться хочет – у того хозяева коттедж отгрохали новый.

– Вы его не обижайте, – старлей нахмурил брови и наморщил лоб, – а то счастья в доме не будет. Хотя... Хотя всё это – приметы, поверья...

– Хороши «поверья»! – снова всхлипнула Марфа Григорьевна. – Вторую неделю не ем, не сплю, вся исхудала...

– Раньше она круглей была, – подтвердил супруг, – в двери бочком входила.

– Не ври, старый! Не шире я дверей!

– Ну вот, началось... – из-под печки донёсся тяжёлый вздох. – Нет, уйду-ка я в деревню!

Пришлось Полушкиным друг у друга прощенья просить и слёзно умолять домового сменить гнев на милость. К счастью, оказался их домовый на редкость отходчивый – не мог долго обиду держать. Не прошло и пяти минут, как он сдался и пообещал вернуться в родной дом.

– Но только я ночью приду! – сказал он голосом, не терпящим возражений. – И чтоб все к той поре спали! А ежели станете подглядывать...

– Батюшка! – взвыла Марфа Григорьевна. – Да мы без очков и носа-то своего не видим! А кто ж в очках спать ложится?!

– Ну, это я не знаю, – смутился домовый. – Вас, людей, не поймёшь, вы на всякое способны.

И, помолчав, он добавил:

– Ступайте, ступайте! Куда я денусь – вернусь. Не бросать же отчий дом по вашей милости!

Под печкой воцарилась тишина, и только по чьим-то чуть слышным вздохам, сопенью и покашливанию можно было догадаться о том, что там кто-то есть. Не желая больше беспокоить домовых, Полушкины, Огольцов и Петечкин вышли на цыпочках из кухни и, пронырнув через сени, выскочили на крыльцо. Затворили за собою дверь и облегчённо вздохнули.

Как ни странно, больше всех радовался участковый инспектор Петечкин. Хотя оно и понятно: теперь ему не надо будет заводить дело и составлять протокол. А это ведь такая морока!

Ольга КОЛЕСНИКОВА

Ольга Владимировна Колесникова родилась в 1982 году в Саратове. Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского по специальности «Математика». Участвовала в работе литературной студии «Фантазёры». Публикуется с 1999 года. Дипломант литературного конкурса «Ступени-2». Публиковалась в журналах «Кукумбер», «Детская роман-газета», «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

ЛЮБИМЫЙ ДЕНЬ

ВЕНИНЫ НЕПРИЯТНОСТИ

Жил-был маленький глупый пёс Веня. Он целыми днями бегал по комнате и играл в весёлые игры. Но больше всего Веня любил грызть дедушкины шерстяные носки. Он грыз их утром, в обед и даже вечером. Грыз их так усердно, что в один прекрасный день от них остался маленький шерстяной хвостик.

Принялся дед искать свои носки, а найти не может. И на диване нет, и на кровати... Глядь, а под столом недогрызенный клочок лежит, цветом точь-в-точь как любимые носки. Рассердился тогда дедушка, поймал глупого Веню и отшлёпал, чтоб ему неповадно было вещи портить. Веня, конечно, обиделся. Отшлёпанное место у него долго болело. Зато сейчас он подрос и поумнел и к новым дедушкиным шерстяным носкам даже близко не подходит. Теперь Веня грызёт только бабушкины. Зачем ему неприятности?

СНЕЖИНКА

Подхваченная Ветром маленькая Снежинка парила в воздухе.

– Не беспокойся, – уверял её Ветер, – опушу прямо на ёлку. Она сейчас ох какая красивая!

– Ёлка? А что это такое? – спросила Снежинка.

– Ты что, никогда её не видела? Вот чудачка! Ну ничего, я тебе обязательно покажу.

– А она живая? – заинтересовалась Снежинка.

– Конечно живая! Живая и пушистая!

Снежинка просияла от радости.

– Смотри, ёлка летит! – указала она на птицу.

– Какая же это ёлка?! Ёлки летать не умеют – они в лесу растут.

Снежинка притихла. Ей очень хотелось увидеть эту чудесную ёлку, и, набравшись терпения, она стала ждать.

Ветер тем временем спустился ниже и оказался на улицах белого от снега города. Он покружил по переулкам и попал в городской парк.

– Ой, смотри: ёлка растёт! Какая она большая!

– Глупышка! Это новогодняя карусель! Настоящая ёлка зелёная или белая, если она в снегу, и совсем не такая большая...

Ветер хотел добавить что-то ещё, но не успел. Заболтавшись с маленькой спутницей, он столкнулся с липой и упал в сугроб.

Растерянная Снежинка осталась совсем одна. Медленно она начала спускаться вниз, пока не упала на нос белого пуделя. Собака зашевелила своими пушистыми ушами, от чего её зелёный бант сполз на глаза.

«Ёлочка! Какая она красивая и невероятно тёплая!» – успела подумать Снежинка и тут же превратилась в маленькую хрустальную капельку.

ЛЮБИМЫЙ ДЕНЬ

Однажды в моём окошке показалась луна. Её луч скользнул по настольному календарю и рассыпался на полу яркими искрами. Да нет, это вовсе не искры – это маленькие человечки – Дни Недели! Они встали в кружок и принялись о чём-то горячо спорить.

– Я – любимый Наташин день! В понедельник она получила пятёрку в школе! – послышался тоненький мальчишеский голосок.

– Нет, я любимый день! – возразил другой мальчик. – Во вторник к ней из командировки приехала мама.

– А по-моему, тут и спорить нечего: среду Наташа любит больше всего! – важно сказала курносая девочка. – В этот день она была в цирке.

– Да когда это было?! – съехидничал Четверг. – А вот сегодня Наташе купили большого плюшевого мишку, и она навсегда полюбит четверг, потому что такой большой игрушки у неё ещё никогда не было.

– Вот ещё! – воскликнула девочка с рыжей косичкой. – Больше всего Наташа любит пятницу.

– Это почему? – поинтересовался Четверг.

– Да потому, что в пятницу она пойдёт в лес на лыжах кататься.

– А я считаю, что суббота – это единственный день, который Наташе нравится по-настоящему! – перебила остальных девочка с голубыми глазами.

Она вышла на середину круга и добавила:

– Наташа сама сказала: «Люблю субботу: в этот день можно делать всё что угодно».

Маленькие человечки зашумели, сбились в кучу и стали толкаться, каждый хотел очутиться в центре круга. А мальчик Воскресенье остался стоять в стороне.

– Воскресенье – это выходной, в школу идти не надо, – просопел он, – значит, мне и быть Наташиным любимцем!

Но никто не обратил на него внимания: человечки продолжали шуметь и толкаться. Тогда я не вытерпела и сказала:

– Глупые! Как же я могу выбрать из вас одного? Ведь каждый день недели исполняет мои самые заветные желания.

Потом я улыбнулась и добавила:

– Я вас всех люблю!

Человечки не подозревали, что за ними наблюдают. Услышав мой голос, они испугались, засуетились и, превратившись в яркие искорки, проскользнули в календарь.

Я долго вспоминала маленьких друзей и их спор. Целую неделю я каждый вечер ждала, что они появятся вновь. Но увидеть их снова мне так и не удалось.

КОГДА РОДИТЕЛИ НА РАБОТЕ

Мама у Полины не работала по ночам, как у Кати. И папа не ездил в долгие командировки, как у Светы. Просто её родители каждый день уходили из дома на работу рано, а приходили поздно.

Полина оставалась в квартире одна. Она играла в игрушки, смотрела в окошко на детскую площадку, а иногда дремала в большом мягком кресле. Каждое утро мама оставляла на кухне обед, и каждый день Полина кормила свои игрушки вкусным маминым супом.

Играть днём было намного интереснее, чем вечером. Хотя бы потому, что Полина могла бегать по комнате и прятаться за занавеской. Вся квартира была в её распоряжении. А вечером... Вечером было не так. Солнце постепенно пряталось за соседние многоэтажки. В комнату набегали сумерки, и сгущалась темнота. Полина включала маленькую настольную лампу и раскладывала вокруг себя любимые игрушки. Она брала со стола толстую книжку и показывала им картинки.

Сегодня книжки на столе не оказалось. Полина играла в другой комнате и оставила книгу там. Идти за ней девочке не хотелось. Коридор был очень длинный, дальняя комната – мрачная, и Полина никуда не пошла. Она села за стол и стала смотреть в окно. На улице было тихо. В домах горел свет, и если бы Полина могла считать, наверняка сосчитала бы, сколько родителей уже вернулись с работы.

Внезапно в форточку влетел ветер, и дверца старого шкафа заунывно скрипнула.

– Кто там? – спросила Полина

Никто не ответил. Девочка подумала, что такая тишина может испугать её игрушки. Будь она на их месте, она бы точно испугалась. Полина решила заглянуть в шкаф. Она спрыгнула со стула и, сделав два шага, оказалась в густой темноте. Девочка протянула руку и нащупала дверцу.

– Ты кто? – спросила она, заглядывая внутрь.

– Не знаю, – послышалось в ответ.

– А что ты делаешь?

– Боюсь.

– А мне ни капельки не страшно, – сказала Полина. – Давай я посижу рядом, чтобы и тебе не было.

Девочка забралась в шкаф и, прячась за шубой, закрыла дверцу.

– А где твои родители? – снова спросила Полина.

– У меня нет родителей, – ответил голос.

Девочка задумалась. Папа и мама есть у всех. Разве может быть иначе?

– А сестрёнки и братишки есть?

– Нет.

– У меня тоже нет. А хочешь, я буду тебе сестрёнкой? – предложила Полина.

– Хочу, – признался голос.

– Раз так, то я подарю тебе своего мишку, и мы будем вместе читать ему книжки. Или можем покататься на качелях, если хочешь. Или в песочнице поиграть. А когда мама даст мне конфетку, я обязательно поделюсь. Ты любишь конфеты?

Вопрос был глупый. Полина не знала детей, которые не любят конфеты. Не любить можно только лекарство и тесную зимнюю обувь.

– А ещё мы пойдём в зоопарк, – продолжала девочка. – Там живут смешные обезьяны и большие бегемоты. Ты любишь ходить в зоопарк?

Ответа не последовало. Полина осмотрелась и увидела, что через маленькую щёлку в шкаф проникла полоска яркого света. В комнате слышались беспокойные шаги и взрослые разговоры. Это были родители.

Вскоре дверца шкафа отворилась, и к Полине потянулись тёплые мамины руки. Мама посадила девочку к себе на колени, а папа поцеловал её в самую макушку. Большая комната уже не казалась Полине такой пустой, и старый шкаф не таил никаких загадок. Девочка положила голову на мамино плечо и уснула.

На следующий день родители не пошли на работу. Они купили три билета и повели Полину в цирк.

БОРОВИЧОК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Был чудесный день, когда маленький человечек шёл по лесной тропинке совсем один. Сегодня он нашёл красивую еловую шишку, но не знал, с кем поделиться своей удачей.

– Что-то ты, Боровичок, сегодня грустный, – произнёс хитрый Клёт.

Он слетел с сосновой ветки и, щёлкая клювом, подошёл к человечку. Большая вкусная шишка привлекла его внимание.

– Хочешь, я буду с тобой дружить? – предложил он.

– Хочу! – обрадовался Боровичок. – А что я должен для этого сделать?

– Отдай мне свою шишку, и я стану самым лучшим твоим другом.

Боровичок подскочил от радости. У него было очень мало друзей, а самого лучшего не было вовсе.

– Всего-то?! – воскликнул он. – Забирай!

Боровичок протянул Клёсту шишку, и птица тут же принялась потрошить её. Через несколько минут от шишки осталась одна шелуха.

Совсем рядом зашевелилась трава, и появился полосатый зверёк.

– Добрый Хомяк, хочешь, я буду твоим другом? – спросил его Боровичок.

– Другом? – испугался зверёк. – А ты знаешь, что это такое – быть другом?

Боровичок не знал.

– Это когда готов сделать для друга все что угодно и поделиться последним, что у тебя есть, – ответил Хомяк. – Вот тебе для меня что-нибудь жалко?

– Ничего не жалко, – уверил его Боровичок.

– Тогда принеси мне ячменных зёрнышек, а то я с утра плохо позавтракал.

Боровичок вскочил с места и метнулся в зелёные заросли. Оттуда он побежал на залитую ярким светом поляну, где вчера видел ячменный росток. Боровичок сорвал два больших спелых зерна и принёс Хомяку.

– Теперь ты мой самый лучший друг, – пробормотал зверёк, упикивая зёрнышки в рот. – А я – твой!

– Вот уж нет! – возразил хитрый Клёст. – Боровичок дружит со мной. И это мы с ним самые лучшие друзья!

Боровичок закивал головой и радостно захлопал в ладоши. Теперь у него целых два самых лучших друга.

– А раз так, – продолжал Клёст, – принеси мне ещё одну шишку.

Для друга Боровичок был готов сделать все что угодно. И он побежал в лес за новой шишкой.

– А мне – ячменных зёрнышек, – просил Хомяк.

– А мне – еловых шишек, – твердил Клёст.

– Нет, зёрнышек!

– Нет, шишек!

Приятели перебивали друг друга, а Боровичок пытался им угодить. Он был счастлив. Хорошо, когда ты не один, а с верными друзьями, которые всегда о тебе помнят.

– Это последнее зёрнышко, а это последняя шишка, – произнёс он, выкладывая перед друзьями свою ношу, – больше у меня нет.

– Как нет? – удивился Хомяк.

– Не может быть! – возразил Клёст. – А как же наша дружба?

– Раз тебе жалко для большого друга маленького зёрнышка, то я не буду больше с тобой дружить, – сказал Хомяк и скрылся в траве.

– И я больше не хочу быть твоим другом, – произнёс Клёст. – Пойду поищу друзей, у которых много вкусных шишек.

Он взмахнул крыльями и полетел прочь.

– Как же так? – засуетился Боровичок. – Куда же вы?..

Он попытался догнать Клёста, но не смог. Тогда он стал искать Хомяка, но так и не нашёл своего друга.

Утром у него было два лучших друга, но скоро покажется луна, и он опять совсем один. Боровичок сел на камень и заплакал.

– Чего ты плачешь? – услышал он за спиной.

Боровичок поднял глаза и увидел зелёного Лягушонка.

– У меня совсем нет друзей, и мне очень грустно.

– Хочешь, я буду твоим другом?

– Хочу, – согласился Боровичок и стал вытирать слёзы. – А как ты поймёшь, что я тебе друг? У меня нет ни шишек, ни ячменных зёрнышек.

Лягушонок удивился:

– Зачем мне шишки? Зачем мне зёрнышки? Я тебе и так верю.

День уже близился к концу, и красное солнце коснулось горизонта.

– Хочешь, я покажу тебе кувшинки? – предложил Лягушонок. – В моём пруду они самые красивые...

Он поскакал в камыши, и Боровичок побежал за ним.

«Какая всё-таки разная бывает дружба, – подумал человек, – одним её надо доказывать, а другие верят на слово!»

СКАЗ О ПЕРВОБЫТНОМ НИНОКО

Однажды собрался Нинок на охоту. Взял в руки палицу, закинул за спину суму с едой, что приготовила ему маленькая Атна, и ушёл на восток.

Увидел Нинок на пути тигра – и погнался за ним. Быстрый был зверь, не догнал охотник хищника. Скрылся тигр в тенистом лесу – только и видели его. Стал Нинок выслеживать оленя, но надёжно спряталось пугливое животное. Сколько ни искал, не нашёл его охотник. Метил Нинок камнем в большую птицу, а сбил маленькую. Но и ту ухватил было руками – да и раздавил.

Опечалился охотник, сел отдохнуть да заснул. Лежит, храпит – земля гудит, гора содрогается.

Встрепенулись звери.

«Нинок спит! Нинок спит!» – послышалось отовсюду.

Собрались олени в огромное стадо, пронеслись мимо охотника и скрылись вдали. Прилетели птицы. Нашли у Нинок суму с лепёшками и съели всё до последней крошки. Прибежал тигр. Сверкнул зубами и вцепился Нинок в ногу. Проснулся охотник. Тряхнул ногой, да так тряхнул, что отлетел хищник и рухнул на дно оврага.

Стал охотник за добычей спускаться. Но не вышло. Глубоким был овраг – не достать зверя. Ох и рассердился Нинок, закричал что было мочи. От крика его затряслась земля, камни вниз полетели и завалили овраг.

Вернулся Нинок в родные края с пустыми руками. Подошёл к Атне и говорит:

– Есть хочу!

Смотрит Атна – ни худой, ни пригожей добычи не принёс с собой Нинок. Вздохнула она и поставила перед ним корзину полную ягоды. Нинок ягоды в рот насыпал, проглотил разом и снова за своё:

– Есть хочу!

Вышла тогда Атна в поле. Куда ни взглянешь – небо зелёной травы касается. Видит – мамонт. Подбежала к нему Атна и преградила путь. Рассмеялся зверь: что сделает ему маленькая женщина? Он вон какой большой, как скала! Наступит на неё и не заметит. Но не отступила смелая Атна. Схватила мамонта за хобот и крепко сжала тонкими пальцами. Испугался зверь, но поздно – упал замертво и не встал больше.

Принесла его Атна к огню и стала кормить мужа.

– Нинок – славный охотник! – приговаривала она. – Вот пойдёт на охоту и поймает медведя, сильного, как сама Земля. Накормит свою маленькую Атну, а шкуру ей на плечи положит. Никого не боится Атна, когда Нинок рядом!

Вяч. МИНАЕВ

Вячеслав Викторович Соколов (литературный псевдоним – «Вяч. Минаев») родился в 1963 году в посёлке Княжево Тюменской области. С 1973 по 2004 год жил на Украине, в Одесской области. С 2012 года живёт в Пензе. Публиковался в ведущих одесских газетах: «Одесские известия», «Вечерняя Одесса», «Ах, Одесса!!!», «Юг», «Порто Франко», в южно-украинских альманахах, в одесском многотиражном юмористическом журнале «Фонтан», в журнале «Сура».

КАМНИ И БОЛОТО

ХИТРЫЙ ФАНТИК

Жила-была старенькая-престаренькая, маленькая и очень-очень рассеянная бабушка Айсидора Ануфриевна. И был у неё большой и толстый кот Фантик. Вообще-то полное его имя – Фантомас. Так его назвал старушкин правнук, который её иногда навещал. Айсидора Ануфриевна не выговаривала слово «Фантомас» и поэтому звала дымчатого ленивца просто Фантиком. Бабушка души не чаяла в коте и разрешала ему спать на своей кровати не только днём, но и ночью. Он размещал своё изнеженное тело на огромной пуховой подушке, а рядом, по соседству, покоилась маленькая, серебряная от сединок головка старенькой женщины.

За окном была сырая осень. Холодало. И как-то ночью Фантик свернулся калачиком на голове у Айсидоры Ануфриевны. Встав утром, она и не заметила, что у неё на голове кот, а он тоже не пробудился. Так она со своим другом на голове и пошла в магазин за бутылочкой молока и полбуханкой хлеба. По пути бабулька встретилась с соседом дядей Яшей, хорошо упитанным, краснощёким и лысым до блеска, который нёс полную авоську молочных сосисок. Фантик учуял запах одного из лучших, по его мнению, кошачьих кушаний и проснулся. Надо сказать, что у Айсидоры Ануфриевны он кормился хлебом. В лучшем случае – хлебом с молоком. Недолго думая, он медленно, но изящно перепрыгнул на лысину обладателя сосисок и свернулся на ней калачиком. Дядя Яша только дома обнаружил на голове кота. И решил, что это небо послало ему шапку. Он уже давно мечтал о меховой шапке. Бывало, копил-копил на неё деньги, но в один гадкий-прегадкий, а может, и прекрасный день не выдержит и купит на все сбережения молочных сосисок. Уж больно он их любил – сосиски. Был своего рода сосискоманом.

Так Фантик стал шапкой дяди Яши, который уверял всех своих знакомых, что это головной убор из настоящего дикого камышового кота. Днём Фантик чаще всего спал на полке для шляп и кепок, а ночью, когда все засыпали, открывал холодильник и со зверским аппетитом съедал сосиску, предварительно помазав её сметаной. Потом выискивал самую крупную и розовую, аккуратно брал её за кончик и нёс угощение Айсидоре Ануфриевне. Благо форточки он легко научился открывать хвостом. Всю ночь до седого рассвета он спал на подушке рядом с головой своей хозяйки.

Так прошла холодная зима, на протяжении которой кот проработал шапкой дяди Яши. Когда же на деревьях набухли зелёные почки, Фантик вернулся к Айсидоре Ануфриевне. Серый хитрец наметил для себя работу и на следующую зиму. Он хочет стать воротником соседки тети Анжелы – любительницы куриных окорочков.

КАМНИ И БОЛОТО

Два камня покоились на краю пропасти. Их, камней, было немало, но речь о двух камнях.

– Слышишь, рулады выводят лягушки в болоте? Изю дня в день, из года в год одна и та же песня, – сказал первый Камень, глядя вниз на тёмное пятно болота.

– Согласен. Ква-ква! Ква-ква! Ничего нового. Их это вполне устраивает. Это их жизнь, – согласился второй Камень.

– Интересно, если сорваться вниз, в болото, пустить по нему волну своим падением, поднять ил со дна – что-то изменится? Может, иначе лягушки петь начнут? Другая песня будет, а?

– Наверяд ли...

– А-а-а! Всё-о-о же-е-е... – Первый Камень сорвался и полетел в пропасть.

«Ч-чпо-о-ок!» – еле слышно раздалось внизу.

Пошла мутная, ленивая волна по тяжёлой воде. Лягушки умолкли на минуту. Робко квакнула одна. Потом другая. Все вместе:

– Ква-ква-ква...

– Зря он это сделал, – с сожалением заметил второй Камень, – та же песня. Болото есть болото. Теперь он на дне в вязком иле. Не лучше ли просто молча, камнем глядеть вниз на болото и не вмешиваться в его жизнь? Согласен, каждый день слышать утомительное, однообразное «ква-ква» тяжело, порой невыносимо. Но кроме болота есть же, к счастью, Солнце, Звёзды, Ветер и Дождь... Птицы и Тучи... Лучше о болоте не думать, тогда уж точно не захочется поднимать волну... В нём, болоте, гибнуть...

ЖЕНЩИНА

Женщина вышла замуж за звездочёта. Всё у них было хорошо, пока они не взглянули на звёзды.

– Видишь Большую Медведицу? – спросил звездочёт.

– Вижу большую ложку! – ответила она.

– А Медведицу не видишь?

– Нет! Тебе девяносто девять из ста скажут, что это – ложка, а ты – «Медведь, медведь!..» – с гневом бросила она и ушла жить к повару.

Женщина и повар редко смотрят на ночное небо, но зато, когда глядят, оба видят большую ложку. И не ссорятся...

ДОМ

Осень.

Старый ветхий Дом.

Стёкла выбиты.

Окна крест-накрест заколочены досками.

Мыши в Нём не живут.

Домовой ушёл.

Бывает, ночуют в Доме ветры.

...Осенний Ветер, пританцовывая, носится из комнаты в комнату.

Поёт о любви рыжей белоногой Берёзке, одиноко зябнувшей на улице.

Дому с Ветром веселее.

Старик засыпает под причуды влюблённого.

Ему снится: с неба падают первые белые холодные цветы-снежинки.

...Приходит Она – милая и ласковая.

Делает уборку, топит печь...

Становится чисто, светло и тепло.

Как когда-то очень-очень давно...

Галина РОГОЖИНА

Галина Сергеевна Рогожина родилась в Астрахани. Живёт в Саратове. Окончила экономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института. Работала экономистом, учителем, журналистом. Публиковалась в журналах «Аргмак», «Подъём», «Отчий край», «Волга–XXI век».

СТАРЫЙ ДОМ И ЕЖОНОК ТОП

В одном старом-престаром Доме поселилась семья ежей. Они жили в норе, вырытой под полом веранды, но уходила эта нора глубоко под Дом, под самую кухню, где водились мыши.

Нору вырыли кролики, а ежи просто заняли её, когда кролики куда-то исчезли. Может быть, они встретились с охотниками, а те приняли их за зайцев? Домашним животным нельзя отлучаться далеко от Дома. На то они и домашние.

Раньше Ёж-папа и Ежиха-мама зимовали где-нибудь возле скотных дворов, закопавшись в навозе. А летом бегали от одного поместья, где водились мыши, к другому, где кошки почему-то не справлялись со своими обязанностями.

Дом был такой старый, что был в сто раз старше не только Ежа-папы, но и всего семейства ежей вместе взятых. Дом часто кряхтел всеми своими брёвнами и балками. Слышно было даже под полом: «Кхе-э-эх! Кхе-э-эх!» Особенно в ветреную погоду. Но ежи его не боялись. Дом был добрый и надёжный. И он был очень благодарен ежам, потому что они перевели всех мышей, и те перестали грызть углы Дома и шуршать по ночам под полом и на чердаке, мешая Дому спать.

А Хозяин хвалил своих кошек. Но ежи на него не обижались. У Ежихи-мамы родился к весне маленький ежонок Топ. Вокруг Дома всегда можно было найти что-нибудь вкусное: упавшее яблоко или морковку, корочку хлеба или кусочек сухой рыбы. И пока Ежиха-мама грела и кормила маленького Топа, папа уходил в поисках добычи и приносил на своих иголках что-нибудь съедобное.

Летом Топ уже выходил во двор вместе с мамой и папой. Во дворе было много зелени, капусты, огурчиков и моркови, петрушки, и всем этим ежи потихоньку лакомились. А Хозяин грешил на кур. И однажды накинул на капусту старые сети. Ежиха-мама уже привыкла лакомиться капусткой. Ночью она пробралась к капустной грядке, но... запуталась в сеть. И чем больше она рвалась из сети, тем сильнее сеть опутывала её, так что скоро она не могла шевельнуться.

Рано утром Хозяин пошёл на огород и увидел ежиху, запутанную сеткой так крепко, что ему пришлось взять нож, иначе он не мог ничего распутать, и вырезать часть сетки вместе с Ежихой-мамой. Он долго обрезал нитки с ежихи, а она лежала тихо-тихо, только иногда пофыркивала, если Хозяину приходилось вытягивать нитку, которая резала ей кожу. А потом он отпустил её на волю. Ёжик-папа и Топ уже очень волновались за неё. А Топ к тому же очень хотел есть.

Два дня Ежиха-мама не подходила к капустной грядке, боясь, что сетка опять набросится на неё. Ежихе было очень страшно. Но потом она забыла этот страх, а капустный запах так дразнил её! Она издали поводила носом, принюхиваясь и не решаясь. Но потом вспомнила, что Хозяин вырезал очень много сети, и, наверно, там есть большая-пребольшая дыра, через которую можно пробраться к капустке. Она хорошо помнила, где это должно быть. Сунулась туда Ежиха-мама и снова запуталась в сеть. И опять утром Хозяин выпутал Ежиху-маму. Вырезая сеть, он ругал ежиху – непутёвую.

Прошло ещё несколько дней. Вечерами семейство ежей отправлялось на прогулку, когда Хозяин сидел во дворе, покуривая трубку, а кошки настороженно смотрели в темноту, где, шурша в траве, пробирались к озеру на водопой Ёж-папа, Ежиха-мама и ежонок Топ.

Они уходили со двора подальше от капустных грядок. Ежонок Топ быстро рос, и скоро его уже можно было выпускать на прогулку одного.

Однажды утром Хозяин долго не выходил из Дома. А когда вышел, подошёл к капустной грядке. Ежиха опять была запутана в сетке. Хозяин наклонился, чтобы помочь лакомке, но Ежиха была мертва. Ей уже было не помочь. Так пострадала Ежиха, потому что никак не могла побороть свою прихоть. Ведь вокруг было много всякой всячины. И она не была уж так голодна, чтобы рисковать... Ежонок Топ остался без мамы. Вот как печально кончается любовь к лакомству!

Топ слушается папу и никогда не ходит туда, куда не советует ходить Ёж-папа. Хозяин уже едва отличает, где Ёж-папа, а где сын – так ежонок Топ вырос за лето.

Мыши больше не появлялись в этом дворе и Доме, и старый Дом одобрительно кряхтит по ночам. Никто больше не мешает ему спокойно спать.

Илья ВОДОЛАЗЬСКИЙ

Илья Водолазский – участник и победитель областных литературных конкурсов, ученик 6-го класса Восточно-Европейского лицея.

ПЕЩЕРНЫЕ СКАЗКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВСЕГО НА СВЕТЕ

ПРИВЕТ, БАБУЛЯ!

Нет. Сойти с ума я не могу.

Во-первых, я слишком молод. Ладно-ладно, не молод даже, а юн. Ну, не сходят с ума по-настоящему в 11 лет.

Во-вторых, так не бывает. Вчера был здоров, сегодня утром тоже был здоров. В школе тоже всё в порядке. А домой пришёл – и свихнулся. Внезапно.

Будем рассуждать логически. С чего я вообще решил, что сбрендил? Да потому, что это не моя комната, не наша квартира.

Вроде наша, а вроде и чужая.

На столе стояли две грязные чайные чашки, из одной я пил какао утром, из другой – вечером чай. У порога стояли штук пять пар папиной обуви. И три моих. Под подоконником россыпью лежали мамины пузырьки – это кошки резвились, потому подоконник был пустой, покрытый кошачьей шерстью, а всё, что ещё вечером стояло на нём, теперь валялось на полу, частично разлитое и разбитое. Мама ещё высказалась на этот счёт. Только поняли ли её мохнатые вредители, сидящие под диваном, я не уверен.

Про свою комнату я вообще молчу. Вернее, не молчу, а как раз рассказываю. Я точно помню, что на столе у меня лежало 8 тетрадей, 6 учебников, 36 карандашей, из которых целых три было заточено, 10 ручек, две из которых писали. Пластилин. Зарядка от телефона. Старого телефона. Сломавшегося. Зарядка от нового телефона. Ноутбук. Две мышки. Одна рабочая! Пазлы. Аккуратной такой кучкой из четырёх разных наборов. Фантики от конфет (чёрт, надо срочно выкинуть, пока мама не увидела). Она обычно всегда удивляется несоответствию размеров моего желудка количеству поглощаемого сладкого. Папа говорит, что это противоречит закону сохранения энергии. А я просто ем и не понимаю, чему они удивляются. В любом случае, лучше их не расстраивать и фантики выкинуть.

Что ещё лежало на столе? Носок (чистый!). Шнурки (почти чистые). Правый наколенник от хоккейной формы. Вроде ничего не упустил.

На кровати небрежно валялся мой свитер. Второй носок (чистый!). Подушка лежала на шкафу (кидал утром в кошку – промахнулся).

Так о чём же это я? НИЧЕГО ЭТОГО БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО!

Квартира была идеально чистая. Кухня сверкала чистотой. Наши квадратные светильники красиво отражались в чёрном глянце кухонной столешницы. Кошки аккуратно скользили по блестящему линолеуму и, кажется, тоже недоумевали. Подоконник сверкал белизной. От разбитых пузырьков остался лишь едва уловимый запах.

А по моей комнате прошёл Мамай. Был такой татаро-монгольский полководец. Там, где он проходил, всегда чего-то не хватало. Городов, например, деревень или вражеских армий. Потом ему дали осознать свою неправоту русские витязи. Но мой Мамай отпора ещё не встретил. Из всего перечисленного на столе остался лишь ноутбук. Его чёрный

прямоугольник сиротливо выделялся на белой бескрайности стола. Подоконник также был пуст. Ни конструктора. Ни учебников. Носка тоже было жаль. Пусть один. Зато чистый. И мой, между прочим.

Вот поэтоу я и пребываю в пограничном состоянии. То ли адресом ошибся. (Я? Ошибся?? Своим адресом???) То ли во временную дыру провалился и пребывал непонятно где непонятно сколько времени. То ли меня подменили. Или просто всё это мне кажется.

В родительском кабинете послышалось шевеление. Странно. Отец в студии, мама в офисе, вернётся через час-полтора. Папа – вечером. «Замечательно! – сказал я себе. – Теперь у тебя, друг Илья, ещё и слуховые галлюцинации». Конечно, галлюцинации. Шуршать в кабинете решительно некому. Обе кошки сидят передо мной в моей комнате и изо всех сил стесняются прыгнуть на кровать. И вообще вид имеют непривычно причёсанный.

– Привет, мой хороший! Руки мыть и обедать, – подозрительно знакомый голос раздался за спиной.

– ПРИВЕТ, БАБУЛЯ!

Как же здорово, что я не псих! Как же здорово, когда из далёкого-предалёкого города приезжает бабушка! И вообще – всё здорово!

МОКРОЕ ДЕЛО

Когда я был маленький, то жил в старой квартире и у меня была соседка Катя. Мы с ней часто вместе гуляли во дворе и ходили друг к другу в гости.

Однажды мы играли у меня дома с кошкой Флэшкой, и я рассказал Кате, как мой папа летом мыл кошку и какая она после этого была чистая и красивая. Кате тоже захотелось помыть Флэшку, и я, конечно, не смог ей отказать в этом, потому что папа всегда говорил, что девочкам надо уступать. Ну, и кроме того, сама идея меня тоже заинтересовала.

Мы набрали ледяной воды до половины ванны, поймали кошку и засунули её в воду. Флэшке это не понравилось. Она брыкалась, кусалась, царапалась. Однако мы с Катей быстро поняли, что хотя кошка явно имеет преимущество перед людьми в быстроте и ловкости, зато мы вдвоём имеем преимущество в силе. В общем, после весьма богатых острыми ощущениями пяти минут нашей жизни кошка представляла собой местами мыльный, весь дрожащий и очень мокрый комок шерсти.

Осталась только одна проблема: я абсолютно не представлял, где взять полотенце, чтобы вытереть бедное животное. Но ведь я был «умный малый». Я пошёл к маме и сказал ей следующее: «Мам, дай мне, пожалуйста, полотенце, но не для того, чтобы вытереть Флэшку». Однако мама почему-то сразу догадалась обо всём, что произошло, и нам с Катей сильно влетело за «чистую кошку» (и мне гораздо больше, чем Кате).

Сама же кошка была благополучно высушена с помощью фена и недели через две всё же смогла простить нам с Катей своё неожиданное купание, и снова начала играть с нами в догонялки, как ни в чём не бывало.

После этой истории я понял, что мамы – хитрые, а кошки, хотя и отходчивые, но мыться совсем не любят.

ПЕЩЕРНЫЕ СКАЗКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВСЕГО НА СВЕТЕ

Туда не ходи... Сюда не ходи... Старший охотник Уург был суров и неразговорчив. Впрочем, разговоров в племени неандертальцев не было. Скажет Уург: «ЫЫЫЫ» и дубиной вдоль спины огреет – и молодёжи сразу понятно, что туда ходить не надо.

А когда выскочка Харыы не послушался и его съела семья саблезубых кроликов, все сразу поняли, что Уург был прав. Так появились ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ.

– ЫЫЫЫ!

Ойко тащил на руках в пещеру котёнка саблезубого тигра.

– ЫЫЫЫ!

Старший охотник Уург, рисовавший на стене пещеры фигурку оленя (тоже саблезубого, потому как в Ледниковом периоде других зверей не было), уронил уголёк и попытался вскарабкаться на стену.

Котёнок жил в пещере три дня. Потом пришла его мама-тигрица и съела Уурга.

Так появился ПЕРВЫЙ ЖИВОЙ УГОЛОК.

Уург был хорошим охотником. В самые голодные времена он всегда возвращался с едой. Это умение он и пытался донести до своих учеников. Правда, Сухомлинский тогда ещё не родился. Равно как и Макаренко с Крупской, поэтому учил он так, как мог: дубиной.

Однажды, после того, как сын вождя племени в третий раз перепутал палку-копалку с рубилом, Уург объяснил ему, в чём разница. Палка-копалка сломалась о спину недоросля, а вождь племени мимо проходил и всё видел. После этого Вождь и Уург ушли в пещеру вождя, и вождь долго и так же доходчиво объяснял Уургу о недопустимости телесных наказаний несовершеннолетних.

Так появился ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ШКОЛЫ.

Звяк-звяк... Звяк-звяк... Бронзовые серьги младшей жены фараона очень отчётливо звенели. Звон переливчато разносился и будто повисал в воздухе. Так отчётливо, что учитель – пожилой египтянин с бронзовой кожей – замолчал на полуслове и долго смотрел ей вслед, любуясь. Ученики же прекратили ковырять глиняные таблички и занялись своими делами... Когда же учитель, проводив взглядом младшую жену фараона, сурово призвал всех к порядку, ученикам потребовалось время, чтобы вернуться к уроку. Так появилась ПЕРВАЯ ПЕРЕМЕНА.

Нелли КРЕМЕНСКАЯ

Нелли Фёдоровна Кременская – постоянный автор журнала «Волга–XXI век». Прозаик, художник. Живёт в Саратове.

ВЧЕРА ВЫЙДУ ЗАМУЖ...

В честь годовщины свадьбы папа принёс и торжественно вручил маме цветы. Через некоторое время родители заметили, что их дочка, которой и пяти лет ещё не исполнилось, сидит на диване в углу и тихо плачет.

– Ты чего пригорюнилась? – спрашивает мама.

Дашутка тяжело вздыхает и произносит:

– Жизнь не удалась...

Совсем по-бабьи она горбится, кладёт подбородок на кулачок, а локоть – на коленку.

– Что так? – интересуется мама, пряча улыбку.

– Вы меня женщиной не считаете. Тебе папа дарит цветы, а мне – нет. В свои разговоры меня не принимаете. – Вся фигурка её изображает неутешное горе, в голосе дрожит обида.

– И котёнки цара-а-паются.

Крупными прозрачными горошинами по щекам ещё сильнее потекли слёзы.

– Папа подарил цветы в день нашей свадьбы. Когда ты выйдешь замуж, и тебе будут вручать букеты.

Водопад слёз в момент иссяк. И хотя его брызги ещё искрятся на щеках, девочка радостно сообщает:

– Вчера выйду замуж.

– Завтра, наверное, – догадывается мама и озадаченно спрашивает: – И кто же счастливчик?

– Да Ромка из нашего садика. – Дашутка беззаботно машет рукой. Потом внезапно передумывает: – Нет, за Ромку не пойду. Он толкается в раздевалке. Пойду за Димку.

Девочка спрыгивает с дивана и на одной ножке скачет вокруг мамы.

– А Димка знает, что ты за него замуж собралась?

– Не-а. Пока не знает. Но узнает. И обра-а-а-дуются!..

И вдруг останавливается. На лице – напряжённая работа мысли:

– Надо Ромку предупредить, что я не выхожу за него замуж.

– А ты что, обещала ему?

– Нет, не обещала. Всё равно предупредить надо, а то у него от горя сердце лопнет.

– Бабушка, я женюсь, – сообщает четырёхлетний Гера.

– И кто же твоя избранница?

– Лялечка из нашего садика.

– Как же ты её кормить будешь?

– Что ты, бабушка! Её кормить не надо. Она сама ест.

Катюша капризничает. Она теребит маму за рукав и, не переставая, канючит:

– Хочу сестрёнку. Сестрёнку хочу...

– Да где же мы её возьмём? – досадливо отмахивается мама.

Продвинутая Катя отвечает быстро, не задумываясь:

– Ты родишь. – Она даже руки раскинула в стороны от удивления, что такое простое решение не пришло маме в голову.

– Так папа же в командировке.

– А зачем нам папа? Даже лучше, что его нет. Приедет – а у нас сестрёнка!

Мама в затруднении:

– Видишь ли, Катюша, ребёнок без папы никак появиться не может. Надо, чтоб папина клеточка соединилась с маминной. Только тогда получится сестрёнка или братик.

– Ну так соединяйтесь скорей. Да не забудьте меня позвать.

– Ты-то зачем?

– Как зачем? Вы же вечно что-нибудь напутаете. А я пригляжу, чтоб всё правильно было.

В углу сада пятилетняя Леночка обнаружила ежа с детёнышами.

– Мама, мама! Ежиха объежилась!

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Любовь к ближнему – единственная дверь, ведущая на волю из темницы собственного «я»...» Эти простые слова истинного христианина принадлежат замечательному шотландскому писателю XIX века Джорджу Макдональду. И надо сказать, вся его биография, творческая и личностная, их подтверждает.

В декабре 2014 года исполнилось 190 лет со дня рождения этого поистине феноменального человека, в судьбе и в духовном облике которого неразрывно переплелись взаимоисключающие, кажется, черты и события. Утончённость натуры – и происхождение из семьи белильщика... Дар увлекательного романиста – и вдохновение поэта...

Жизнь Макдональда проходила в неустанных трудах и переездах: работа домашним учителем, редактором детского журнала, чтение лекций по английской литературе и по математике... Он пребывал в постоянном поиске заработка – трудная доля живущего в счастливом браке отца семейства с одиннадцатью детьми. Это, однако, не умаляло горячей сердечности, с которой Джордж вместе с супругой Луизой устраивали благотворительные мероприятия в пользу малоимущих, оставляя по себе добрую память везде, где бы им ни приходилось жить.

Он обладал восхищавшими многих изысканными манерами, был глубоким знатоком родного фольклора, дружил со многими выдающимися современниками: писателями Марком Твенем и Льюисом Кэрроллом, поэтом Альфредом Теннисоном, с блестящим знатоком искусства Джоном Рёскиным, с художниками Артуром Хьюзом и Эдвардом Бёрн-Джонсом... Лёгкость на подъём сочеталась в нём с бесстрашным практическим человеколюбием и духовной самоотверженностью христианского проповедника, не ограниченного жёсткими догмами.

Неутомимый в творческих поисках и идеях, Джордж Макдональд оставил богатое литературное наследие: яркое, одновременно тяготеющее к претворению традиции, с многочисленными культурными переключками – и неожиданное по мысли и образности; обладающее языком, в котором сочетаются книжность, изящная простота, точность и смелость в деталях. Благодаря своим писательским экспериментам Макдональд по праву именуется создателем литературного стиля «фэнтези». В его фантастических романах внимательный читатель и по сей день готов разгадывать тайные смыслы, а созданный им мир волшебных сказок содержит высокие нравственные максимы. В текстах Макдональда всегда присутствует духовный выбор: деятельному, самодовольному и нередко по-настоящему страшному злу, угрозы которого могут быть прописаны детально и жёстко, противостоят человеческая доброта и честь, подлинная духовная красота, проявляющаяся и в каждодневном существовании, чистота души, верность и последовательность в дружбе и любви. «Я пишу не для детей, – сказал он однажды, – но для тех, кто невинен и искренен как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли или семьдесят пять».

Именно таковым является повествование, предлагаемое нашему читателю. Название его в подлиннике – «Carasoin» – буквально непереводаемо...

Римма ЛЮТАЯ

Джордж МАКДОНАЛЬД

КАРАЧУН¹

(Перевод Риммы ЛЮТОЙ)

Глава первая Горный ручей

Давным-давно в уединённом домике в Шотландии жил двенадцатилетний мальчик по имени Колин, сын пастуха. Мать его умерла, сестёр и братьев не было. Отец с утра до вечера пас на холмах овец, зная, что к ночи возвратится в опрятный и чистый дом, словно обустроенный женскими руками. Полы подметены, уютно потрескивает огонь в печи, на столе ожидает горячий ужин – всё так, как если б в семье у него был не только сын, а ещё жена или дочка...

Колин умел читать и писать, а вот о цифрах и счёте понятия не имел. Притом был он в сто раз благоразумнее и восприимчивее к учёбе, чем те, кто просиживает в школах с утра до вечера. Всё удавалось ему: не было случая, чтоб мальчик с успехом не выполнил то, что требовалось, даже в деле, где любой другой ребёнок, по видимости более основательный и упорный, потерпел бы неудачу. Как ни странно, даже самые грубые и нелепые ошибки всегда в конце концов выводили Колина на верный путь. Вдобавок мальчик любил фантазировать и, когда работать приходилось особенно напряжённо, попутно давал волю своему воображению, с увлечением строя воздушные замки. Возможно, обе эти страсти – мечтания и труды – всегда живут рука об руку...

Так что времени для досуга Колин имел предостаточно и никогда не чувствовал себя слишком загруженным работой. Зимой он любил читать, сидя у камина, или вырезать что-нибудь из кусочков дерева с помощью карманного ножика, а летом всегда уходил на холмы к заветному водопаду. Небольшой, но быстрый поток, бегущий по крутому склону, приводил мальчика в неописуемый восторг, и, сжигаемый нетерпеливым воодушевлением и ожиданием чуда, каждый день Колин отправлялся в путешествие вверх по его течению. Впрочем, с интересом созерцая игру водных струй, он обычно не слишком удалялся от дома. Бывало, присядет на прибрежный камень и пристально, как за удивительным живым существом, наблюдает за потоком, а тот спешит, перекатываясь через гальку, будто браня встречающиеся помехи, сетуя, бормоча – и всегда отыскивая путь в долину! Иногда Колин надолго останавливался у глубокого омута, следя взглядом за стайками форелей – все в малиновую крапинку!.. А шустрые рыбки так деловито сновали в зелени водорослей, словно какие-то тайные мысли, а не серебристые хвосты устремляли их движение в нужном направлении. Ну а если уж случалось мальчику добраться до небольшого порога, где поток, благополучно обогнув глухую скалу и испуская сияние солнечных бликов, летел вниз с подкупающей свободой и бесстрашием, то он редко уходил оттуда засветло.

Надо сказать, одно грустное обстоятельство давно не давало Колину покоя. Дело в том, что когда ручей приближался к их домику, для его прозрачных и весёлых водных струй не было другого пути, кроме как через небольшой скотный двор в нижней части усадьбы, рядом с коровником и свинарником. Там, в грязи и тесноте, подходящего русла не проложишь, и – вот несчастье! – до этого чистый и быстрый поток здесь бессильно

1 Слово «Карачун» имеет несколько противоположных значений, оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника. В древнерусском и словацком языках «карачун» – «рождество»; в болгарском – «рождественский день»; закарпатском – «рождественский пирог». Традиция также связывает с понятием «карачун» влияние злого духа. Так, у белорусов «карачун» – это «внезапная смерть в молодом возрасте, судороги»; «дух, сокращающий жизнь». Сходное понятие есть и у великороссов – «гибель», «смерть», «злой дух». Происхождение слова «карачун» некоторые специалисты выводят от латинского «Quartum jejunium» – «четвёртый пост»; однако возможно и образование от сербохорватского глагола со значением «шагать» – «переходный (рубежный) день»; не исключено и заимствование из албанского – «пень», «обрубок дерева», «рождественское дерево».

растекался вширь, превращаясь в ужасную грязную лужу. Мутный, затоптанный, осквернённый следами разъезжающихся копыт домашнего скота, он, казалось, вот-вот окончательно выбьется из сил и совсем погибнет.

Не сразу находя путь на волю, течение с невероятным трудом всё же вырывалось снова за пределы скотного двора у дальней ограды. А потом ему ещё нужно было время, чтоб хоть немножко окрепнуть, как выздоравливающему после болезни. Довольно долго ручей едва-едва полз, будто не веря в своё возрождение; сильно оскудев и почти совсем утратив скорость, он удалялся от дома прочь, как будто пристыжённый. И только встретив ниже по течению дружескую поддержку холодного горного потока и соединившись с ним, он набирал наконец силу – и дальше струился уже обновлённым и полным свежести...

«Не может быть, чтоб ручей пропал только потому, что из него пьют коровы, – думал Колин, – а свиньям до него вообще дела нет. Но поток растоптан и разбрызган по нашему двору, и наверняка он обижен и оскорблён, а этого быть не должно. Конечно, сами по себе коровы вовсе не грязные, да и не злые – просто они немножко глуповаты и невнимательны. А вот свиньи – животные суматошные и нечистые... Надо что-то делать», – наконец решил он.

Мальчик тщательно обследовал территорию фермы и её окрестности. С северной стороны дома была скала, через неё потоку ни за что не пробиться. С юга – скотный двор. И Колин сделал заключение: единственная возможность спасти ручей – проложить новое русло для него прямо через дом, где жили они с отцом. Конечно, любой здравомыслящий инженер, придя к такому выводу, постарался бы избежать именно подобного выхода из ситуации. Но детское сердце Колина ликовало и плясало, предвосхищая миг, когда, сверкая и искрясь, драгоценная живая влага побежит через их уютный домик. Как прохладно и свежо будет всё лето от воды! Как удобно готовить пищу, мыть посуду и как близко, совсем под рукой будет вода во время ужинов... А что за дивная музыка польётся в тихом журчании струй! Какие чудесные сказки сможет рассказывать ему бойкое, неутомимое течение перед сном! Какие ласковые колыбельные песни пропоёт на ночь! А в часы, когда отец будет на пастбище, лучшего приятеля, чем ручей, Колина не найти... К тому же можно купаться в нём сколько хочешь! Ну, а зимой... Да что там говорить!.. Разве просчитаешь всё на сто лет вперёд? До зимы ещё так далеко...

На следующий день отец как раз отправился на ярмарку, и Колин, не теряя времени, принялся за работу.

Начать решил изнутри дома, и дело оказалось не слишком трудным, ведь стены и пол их домика были сооружены из глины. Стены – из очень лёгких, хорошо просушенных на солнце глиняных кирпичиков; пол, правда, был порядочно утрамбован, но всё же и он поддавался упорным наскокам остроконечной кирки и лопаты. Колин вырубил аккуратные отверстия в двух противоположных стенах, между ними прокопал узкий канал в полу, для прочности вымостив камнем его дно и боковины. Потом, выбравшись наружу, проложил удобное ложе для воды по маленькому садику перед домом, а дальше, ниже по течению, ручей уже сам должен был найти дорогу к своему старому руслу, потому что здесь находилась отвесная скала, стараниям Колина недоступная.

К вечеру вернулся домой отец.

– У тебя всё в порядке, сынок? – спросил он, с изумлением разглядывая ровную канавку в полу комнаты.

– Подожди ещё чуть-чуть, папа, – блеснул глазами Колин. – Сейчас я приготовлю тебе ужин, а потом всё расскажу...

Усадив отца за стол, Колин выскочил за дверь и, поспешив к ручью, пробил последнюю преграду из гальки у самого его берега. Так воде открывался свободный путь к заветному каналу, откуда естественное углубление в почве вело её прямо к дому.

Поток вырвался на волю, как зверь из клетки, и стрелой пронёсся сквозь стены комнаты – мальчик едва успевал вдогонку следовать за ним. От неожиданности отец вскрикнул. И когда Колин вбежал, задохнувшись от переполнявшего душу счастья, пастух

сидел с ложкой, застывшей на полпути ко рту, а взгляд его был прикован к бурлящей мутной воде, которая, пенясь, мчалась по полу.

– Он же скоро очистится, папа, – радостно сообщил Колин, – и тогда будет таким славным!

Всё ещё ничего не отвечая, словно окаменев, пастух наблюдал за буйным вторжением потока в дом. А Колин меж тем продолжал увлечённо перечислять длиннейший ряд преимуществ, которые, по его мнению, давал ручей, текущий через их жилище. Наконец отец улыбнулся и сказал:

– Ты прелюбопытное существо, Колин. Только почему б тебе не воплощать в жизнь свои фантазии так, как делают это люди постарше? Не пойму. Ну, да ладно. Давай попробуем пока оставить всё как есть, а к осени посмотрим что и как...

Признаться, уже давно – и в последнее время всё чаще – пастух стал задумываться о том, как одинока и скупа на детские радости жизнь его мальчика, и оттого теперь казалось просто невозможным отнять у сына хоть какое-то доступное ему удовольствие.

Тем временем Колин стремглав вылетел во двор – поглядеть, как там ручей найдёт кратчайший путь к своей свободе, а затем помчится по крутому склону от их домика к своему старому руслу в низине. Увидеть, как поток, бурля и кувыркаясь, впервые падает с отвесной скалы за садом – о, это уж точно зрелище, ради которого стоит жить!

«Хорошо ещё, что у ручья нет шеи, которую можно свернуть, иначе это случилось бы по двадцать раз в минуту, не меньше, – думал Колин. – А всё же, как весело и ловко скачет он вниз с камня на камень! Я бы тоже с удовольствием так попрыгал, если б не моя шея...»

Весь вечер мальчик метался то в сад, то в дом, не находя себе места, не зная ни минуты отдыха. Сначала – вверх, к месту соединения отводного канала и старого русла; оттуда, следуя за течением, – вниз, к домику, к входному отверстию в стене... Потом через комнату – и снова наружу, ко второй зияющей брешу, чтобы посмотреть, как поток, покидая их жилище, быстро мчится через двор и величественно устремляется вниз по тёмной скале.

Спустилась ночь, и звёзды отразились на мокрых камнях, и с гор повеяло прохладой. Наконец отцу удалось убедить Колина, что пора спать. С сожалением бросил ребёнок последний взгляд на воду, которая струилась теперь совершенно чистая, прозрачная и спокойная, и, вздохнув, повиновался. Следом улёгся и отец.

Глава вторая Сказочный флот

Кровать отстояла от потока на пару ярдов, а Колин, всегда первый вскакивавший поутру, спал с краю. Не в силах преодолеть внутреннего возбуждения, мальчик лежал в тот вечер без сна, пристально вглядываясь в слабое мерцание воды при тусклом красноватом свете углей в камине, укрытых тихо тлеющим дёрном, и прислушивался к мелодии ручья, который, журча, спешил через дом – снова во тьму. Через некоторое время бормотанье струящейся по полу воды сложилось для него в бесконечный напев колыбельной, который повторялся, и менялся, и томил, и успокаивал – и в конце концов усыпил его.

Вскоре, однако, мальчик понял, что снова не спит. Он прислушался к звукам деловито журчащего течения, плавным и неумолимым, и вдруг заметил, что в стройном их хоре сосредоточено как будто больше отдельных тонов, чем прежде – тогда, когда он, Колин, ещё только засыпал. Среди прочих оттенков и призвуков можно было различить тихое деревянное постукивание, которое напоминало удары крошечных корабельных бортов друг о друга, и тоненький щебечущий говорок, перемежавшийся нежным смехом, переливчатым и лёгким, как летний перезвон вересковых колокольчиков... Колин открыл глаза.

Сияла полная луна, ярко освещая собравшихся на перекур паромщиков сверху и снизу – своим отражением в плоском зеркале тёмной воды. Только что прибывшие

лодочки и маленькие парусники, сгрудившись, перекрыли выход потока из дому, словно устроив запруду в устье реки, впадающей в океан – и полноводный, поднявшийся в берегах ручей лежал вровень с полом комнаты. Однако отыскать взглядом хоть полоску открытой воды было почти невозможно – разве что догадавшись по случайному зыбкому мерцанию её в просветах меж устремившимися к причалу крохотными судами таинственного флота, живущего в каком-то своём чудесном ритме. Матросы на рейде, впрочем, были заняты делом вполне серьёзным: как самые настоящие моряки в подобной ситуации, они швартовались вдоль берега либо перегоняли свои судёнышки выше по течению и просушивали их, вытянув из воды. В лунном сиянии отливали волшебной белизной маленькие паруса, приспущенные и лениво раздувавшиеся на мачтах под лёгким бризом, который стелился над водой. Множество лодчонок пыталось пробиться сквозь случайные заторы, сверкая мокрыми вёслами; тоненькие голоса сердито перекликались, миниатюрные ножки перебежали с места на место, цепкие ручки с упорством тянули прочные, толщиной с суровую нитку канаты, закреплённые на миниатюрных блоках из полированной слоновой кости...

Изящные дамы стояли небольшими группами на берегу, в их дивных красочных нарядах преобладал зелёный цвет; за дамами ухаживали стройные кавалеры, с ног до головы одетые в зелёное же, как кузнечики, но – с красными и жёлтыми перьями на шляпах. На противоположном берегу потока торжественно высадилась Королева. Мгновенье – и вот уже танцоры, не меньше двух десятков, в неторопливой, размеренной процессии сопровождали прогулку Её Величества вдоль ручья...

Озадаченное лицо Колина, наблюдавшего за таинственными пришельцами прямо из постели, как из засады, казалось, принадлежало сердитому Великану-людоеду, которого потревожила суета досаждающей ему мелюзги.

После нескольких танцев Королева знаком повелела всем остановиться, и Колин услышал, как её звонкий, серебристый голосок капризно произнёс:

– Вот скучища! И надоела же мне эта глупая солидность! К чему вести себя так же чинно и уныло, как эти здоровяки из человеческого мира? Давайте-ка поиграем в «Гоп-скок!.. Куку-кукареку!..»

По королевскому повелению группы танцующих разбились надвое, и маленькие загадочные существа – женщины и мужчины порознь – принялись резвиться всяк по своему собственному разумению.

Незванные гости разбрелись по спящему дому, и большинство из них Колин потерял из виду. Он прилёг, наблюдая за озорными выходками двух проказников, которые вели себя так развязно, что больше походили на ярмарочных клоунов, чем на благовоспитанных джентльменов, которыми выглядели пять минут назад. И вдруг прямо над самым ухом его прозвучал тихий детский голосок – да так неожиданно, что мальчик вздрогнул. Он тщательно осмотрелся, обследовав всё пространство вокруг своей подушки, однако ничего и никого не обнаружил.

– И не пытайся меня увидеть – не получится. Я здесь, в изголовье кровати, и общаюсь с тобою сквозь дырочку.

Колин отлично знал это маленькое отверстие, оставшееся от выпавшего сучка! Он потянулся к грядущке.

– Не смотри сюда! – с тревожной поспешностью предупредил голосок. – Если Королева заметит меня, то сразу прикажет схватить. Ну, остановись, пожалуйста!..

Интонация стала умоляющей, в слабом голосе зазвенели слёзы, и мальчик постарался отвернуться от изголовья, хотя любопытство так и разбирало его. А речь продолжилась:

– Ты только не оборачивайся, ладно?.. Я и так всё тебе расскажу. Я девочка маленькая, но совсем не сказочная, а настоящая. Семь лет назад Королева фей выкрала меня у родителей в день моего рождения, и с тех пор мне никак не удаётся бежать. Я не люблю фей: они, как мошकारа, назойливы, ужасно тупы и, похоже, никогда не поумнеют. А я расту, я изменяюсь, ума у меня год от года прибавляется, и мне так хочется опять

вернуться к людям, в свой мир! Но феи не позволяют: они всё время превращают меня в кого-то, заставляя играть какую-нибудь глупую роль, да притом ещё всю ночь, а целый день мне приходится спать. Сами они обожают подобные дурацкие проделки, но мне-то нравится оставаться самой собой!.. Королева, правда, говорит, что стать абсолютно счастливой всё равно невозможно. Но я точно знаю: счастье для меня – это снова оказаться среди людей и жить как обыкновенная девочка... Забери меня у них!

– Как же я сумею забрать тебя? – изумился Колин.

И его взволнованный шёпот прозвучал громом среди ясного неба после нежного девичьего голоска, изменчивого и неуловимого, как ветер, что шелестит в поле высохшими бобовыми стручками.

– Королева тобою очарована и наверняка предложит что-нибудь тебе в подарок, а ты попроси меня. Ой, она уже идёт сюда...

В тот же миг мальчик услышал другой голос, куда более пронзительный, резкий и властный, и, взглядевшись, увидел, что прямо перед ним на краю кровати стоит прелестное волшебное создание в сияющей драгоценными камнями короне и как скипетр сжимает в руке камыш, верхушка которого блистает роскошной гроздью изумрудов...

– Что это ты так пристально уставился на меня, невежа-здоровяк?! – требовательно выговорила повелительница фей. – Похоже, твои глазищи слишком велики, чтоб ясно видеть с их помощью... Да и все вы, люди... такие несуразно огромные, толстокожие, неуклюжие твари... словно гигантские кони домовых!

Завершив высокомерную тираду, Королева возложила свой великолепный жезл на веки Колина.

– Ну, глупец, и как всё выглядит сейчас? – поинтересовалась она.

В этот миг знакомая комната вдруг представилась мальчику гигантской житницей, которую переполняли, как зерно, существа росточком около двух дюймов. И лучи неверного лунного света, льющегося из окна, и рельефные балки потолочных перекрытий буквально кишели мириадами фей. Они развлекались, проделывая всевозможные трюки и выдумывая шалости; карабкались по всему, что стояло, лежало и висело в доме; сбивали друг друга с ног, азартно бросаясь пылью и сажей в лицо; внезапно вспрыгивали на шею зазевавшимся собратьям и ловко подставляли приятелям подножки, скалясь потом в недобрых ухмылках из дальних углов...

Вот два озорника, подхватив пустую яичную скорлупку, подкрались сзади к третьему. Тот сидел на краю стола, умирая со смеху от какого-то забавного зрелища. Правда, оно происходило внизу, на полу, и потому видно было только ему. И пока увлечённый наблюдатель дирижировал чьими-то проказами, постанывая и взвизгивая от удовольствия, проворная парочка, хихикая, опрокинула скорлупку прямо на него, так что неудачливый весельчак неожиданно оказался в одиночестве, в непонятно откуда возникшей пустоте белой пещеры...

Справедливости ради надо заметить, что феи-дамы не принимали участия в подобных грубых шалостях. Их розыгрыши и выдумки, неизменно грациозные, были, главным образом, словесными, а не акробатическими...

Тут, не снимая жезла с глаз Колина, Королева продолжила свою речь:

– Знаешь, ты, сын смертного человека, приятно удивил меня – повелительницу фей. Ведь я леди и Королева – существо из волшебного мира, чуждого низким стихиям, и потому не опускаюсь до подчинения их своей воле. Так что даже я – я! – не могу позволить себе делать всё что пожелаю. А ты мило услужил мне. Уже не первый год мне страшно хочется предпринять путешествие на корабле по этому ручью вниз, к океану. А ваш ужасный скотный двор – с тех пор, как твой прадед построил здесь дом – был единственным препятствием для осуществления моих заветных планов. И всё потому, что мы, феи, да будет тебе известно, ненавидим грязь во всех её видах, будь то заброшенный старый дом или невымытое тело бродяги-оборванца. И в лесах, и на полях, и в лугах терпеть нечистоту и мусор нам неважно. Но самое невыносимое – испоганенные, втопанные

в грязь живые, стремительные водные потоки... Впрочем, нет смысла посвящать неразумного юнца в суть проблем, которые его не касаются. И вообще, не стоит дольше объясняться. Я поведала кое-что о себе, поскольку ты, потомок человеческий, славный мальчик и, пожалуй, достоин получить в награду за свою услугу то, что пожелаешь. И я разрешаю тебе: всё, что хочешь, проси у Королевы!

– Если можно, Ваше Величество, – сдержанно, взвешивая каждое слово, начал Колин, – я желал бы забрать маленькую девочку, которую вы унесли с собою семь лет назад, лишь только малютка родилась. Мне, Ваше Величество, хотелось бы получить в дар именно её.

– Это неприятно Нашему Величеству!.. – задохнувшись от гнева, резко выкрикнула Королева, и лицо её мгновенно помрачнело. – Попроси чего-нибудь ещё!

– Ни за что, понравится это Вашему Величеству или нет! – отвечал Колин храбро. – Ловлю Ваше Величество на слове, вы дали обещание. Мне нужна только эта малышка, и ничего другого. И она у меня будет, вот так-то!

– Да как ты смеешь, наглый толстяк, разговаривать со мною в таком тоне?! – топнула Королева изящной ножкой.

– Смею, Ваше Величество.

– Тогда ты её не получишь!

– Ну, в таком случае я поверну ручей на кучу навоза, – стараясь выглядеть невозмутимым, изрёк Колин. – И раз уж вы относитесь ко мне настолько плохо, едва ли теперь я так просто позволю всей вашей компании без приглашения являться в мой дом, шуметь здесь, развлекаться и резвиться, когда и как вам заблагорассудится.

Мальчик, приподнявшись, уселся в кровати поудобней и оказался лицом к лицу с Королевой. Совершая эти несложные манипуляции, он случайно заметил благодарный взгляд очаровательной девчушки, блеснувший из полутьмы в изголовье его кровати. И сразу понял, что это и есть его давешняя маленькая собеседница: по тому, как затаённо она молчала и как испуганно и утомлённо выглядела, и с каким внутренним напряжением прислушивалась к спору, нервно покусывая большой палец...

Повелительница фей тем временем сообразила, с кем ей приходится иметь дело, и, понимая, что королевское слово следует держать твёрдо, решила изменить тактику. Она нацепила на лицо притворно-сладчайшую маску, используя нежнейшие взгляды и улыбки и стремясь усыпить бдительность Колина. И когда лукавая светская дама проделала всё это, девичье личико за грядущей кровати стало ещё более озабоченным, и пушистая головка горестно закачалась, и изящный пальчик от огорчения выскользнул из детского рта.

– Добрый, славный Колин, – ласково промурлыкала Королева, – ладно, я согласна, ты получишь эту девочку. Но сначала тебе придётся кое-что сделать для меня.

Изо всех сил пытаюсь предостеречь Колина, таившаяся в уголке бедная пленница отрицательно замотала головой – так живо, энергично и отчаянно, как только могла. Но поздно! Мальчик уже поддался на каверзу Королевы.

– Конечно, я готов. А что надо сделать? – наивно спросил он, связав себя, таким образом, новым обязательством и оказавшись во власти искусительницы.

– Ты должен принести мне Карачун. Целую бутылку, – хитро и удовлетворённо ухмыляясь, сказала фея.

– И что же это такое? – поинтересовался Колин.

– Это напиток, нечто вроде особого вина, которое делает людей счастливыми.

– А разве вы всё ещё несчастны, Ваше Величество?

– Увы, да, Колин, – отвечала Королева со вздохом.

– Но ведь теперь у вас есть всё, о чём вы мечтали! Разве не так?

– Кроме Карачуна, – холодно возразила фея.

– Вы же можете делать всё, что хотите, плыть и ходить, куда пожелаете...

– В том-то и дело. Всё легко и доступно, а мне хочется чего-нибудь необычайного – такого, что я пока ещё не полюбила, что никогда не доставляло мне неведомого

удовольствия – потому что я просто ничего не знаю о нём, то есть ни малейшего понятия не имею! Ясно?.. Я желаю бутылку с Карачуном!

И тут Королева захныкала притворно, как балованное дитя, а вовсе не так, как могла бы плакать искренне опечаленная женщина.

– Как же мне раздобыть этот Карачун?

– Откуда я-то знаю! Ты сам взялся – вот сам и думай...

– Но это же нечестно! – возмущённо воскликнул Колин.

В ответ фея зашла в приступе презрительного, злого смеха, и залиvistое эхо его долго перекатывалось по дому, как звон колокольчиков на шеях у сотни резвящихся овец. Потом величаво отвернулась и молча направилась прочь, к берегу потока, а там легко вспорхнула на борт поджидавшей ладьи, которая доставила её на королевский фрегат. Тут же, словно беспокойный рой пчёл, начали слетаться к ней галантные придворные, собираться деятельные моряки. Два маленьких существа выползли из мехов волынки, одно – из её раструба, другое крохотное создание появилось из-под клапана; трое выбрались из-за плетёных ножен меча, что висел на стене; шестеро – все перепачканные белым – вынырнули из кадки с мукой... В том же духе суэта продолжилась и потом. Повинуясь неведомому знаку своей повелительницы, слетаясь на её неслышимый зов, феи появлялись отовсюду, из всех углов и щелей в доме. Гурьбою они направились к берегу ручья, к своим кораблям и лодкам. Среди них Колин заметил несчастную маленькую девочку, которая беспомощно ползала на коленях по палубе королевского парусника. Глаза пленницы были завязаны передником, а Королева трясла над ней кулаком и что-то сварливо кричала...

Не прошло и пяти минут, как все пассажиры вскарабкались на борт; моряки, умело маневрируя, вышли на фарватер – и флот быстро двинулся вниз по течению. Спустя несколько мгновений домик опустел, и всё в нём приобрело привычный вид, вернувшись на круги своя...

«Они же разобьются на скалах вдребезги!..» – словно очнувшись, воскликнул Колин, в ужасе вскочил и выбежал в сад. Но поздно!.. У водопада позади дома уже ничего и никого не было видно.

Ночь дышала свежестью и покоем. Ничто не тревожило душу, кроме мерцания лунного света и быстрого всплеска, мгновенно поглощённого мерным шумом воды, разбиравшейся о камни... Колину померещились как будто отдалённые тоненькие крики; слышались жалобные голоса, молящие о спасении; отчаянные вопли тонущих захлебнулись вдали... И почудилось, что среди них он различает безутешные всхлипывания маленькой девочки, которую так глупо потерял. Но, может, это были просто звуки, рождаемые течением, ведь разнообразию голосов бегущего потока нет конца...

Мальчик спустился вниз по ручью вплоть до его старого русла и, не обнаружив никаких следов недавней катастрофы, побрёл назад, домой. А там, лёжа в постели, долго ещё размышлял о случившемся и, наконец, с горечью признал, что, поддавшись на хитрые уловки Королевы, оказался настоящим глупцом. Усилием воли он заставил себя заснуть, несмотря на тяжёлые воспоминания об украденной феями девочке, которой, быть может, теперь никогда уж не стать взрослой женщиной...

Глава третья Старуха и курица

К утру, однако, решимость бороться за малышку возвратилась к Колину, а слово «Карачун» неотступно крутилось и на разные лады повторялось в его мозгу, смутно напоминая о чём-то давнем, даже древнем – но необыкновенно важном.

«Люди в сказках всегда находят то, что хотят, – сказал он себе. – Почему бы и мне не попытаться найти этот Карачун? Очевидно, мои поиски не увенчаются успехом.

Но не всё же в мире держится на том, что очевидно. Пожалуй, надо всё-таки попробовать».

Но с чего начать? Сомневаясь в том, что нужно предпринять, Колин обычно начинал делать хоть что-нибудь. И как только отец погнал овец на пастбище, мальчик поспешил к ручью, по которому приплыли ночью в дом сказочные существа. Задумавшись, он и не заметил, как добрался до начала сделанного им отводного канала.

«Смысла двигаться дальше, вверх по течению, нет, – вдруг решил он. – Королева знала бы, как раздобыть Карачун, находишься он в стране фей».

Тут Колин почему-то вспомнил, как ещё совсем маленьким он заблудился на дальней вересковой пустоши – дремучей, загадочно-пугающей, словно древний языческий мир, и как, уже порядком устав, набрёл на какую-то хижину, а войдя туда, обнаружил старую женщину, сидящую за прялкой у очага. Старуха рассказывала ему тогда такие необыкновенные истории (он их до сих пор вспоминает)... А потом объяснила, как вернуться домой.

Старая хозяйка хижины, подумал Колин, наверняка смогла бы помочь ему и теперь. Ведь уже в те годы женщина на вид казалась очень пожилой и опытной, а значит, сейчас должна стать ещё старше и мудрее. Итак, решено: надо скорее искать хижину, чтобы спросить у старухи, что же ему делать дальше.

С этой минуты поток перестал интересовать Колина. Взобравшись на холм за фермой, он отправился куда глаза глядят, и всё шёл и шёл, пока не очутился на бескрайней и уединённой вересковой пустоши.

Солнце скрылось за облаками, подул холодный ветер; небо глядело мрачно и безотраднo, и нигде не было ни малейшего намёка на жильё... Казалось, этот мир обречён на вечное запустение. Колин машинально влачился дальше, надеясь отыскать хижину хотя бы по воле случая; когда же странное оцепенение, навеянное сумеречным обликом местности, прошло, он обнаружил, что заплутал и не знает дороги назад. Обернувшись, чтобы понять, где оказался, мальчик вдруг увидел прямо перед собою знакомый домик. И вспомнил, что в прошлый раз тоже набрёл на него лишь тогда, когда, казалось, окончательно заблудился.

«Похоже, единственный способ найти что-то – это потеряться самому», – вслух подумал Колин. Он поднялся к хижине, стоявшей на небольшом возвышении и походившей на крупный пчелиный улей, выстроенный из торфа, и постучал в едва заметную невысокую дверцу.

– Заходи, Колин, – раздался голос.

Низко склонившись, мальчик повиновался.

Старая женщина сидела у маленькой печки и пряла пряжу – тем древним способом, каким это делали в прежние времена: с помощью прялки и веретена. В миг, когда Колин вошёл, прялка остановилась.

– Проходи и садись у огня, – продолжала женщина. – И рассказывай. Говори, что тебе нужно.

И тут Колин увидел, что у старухи нет глаз.

– Жаль, что вы слепая, – вежливо произнёс он.

– Не обращай на это внимания, милый. Несмотря на мою слепоту, я вижу больше, чем ты. Признайся же наконец, чего ты хочешь. Тогда и посмотрим, смогу ли я что-нибудь сделать для тебя.

– А откуда вы знаете, что мне что-то нужно? – поинтересовался Колин.

– Вот уж не люблю я этого, – заворчала старуха в ответ. – Зачем ты тратишь слова понапрасну? Хлебные крошки не раскидывают без толку, и слов на ветер нечего бросать!

– Простите меня, – устыдился Колин. – Я всё вам расскажу.

И он поведал хозяйке свою историю.

– Ах, детки, детки несмышлёные! – вздохнула женщина. – Вечно вы шалите да проказничаете. И ведь никогда не угомонитесь, пока кому-нибудь случайно не навредите,

плохо не сделаете... Но, пожалуй, и впрямь пора немного вразумить капризную Королеву фей. Ты по душе мне, мальчик, и я научу тебя, что нужно делать, чтобы выполнить обещание. Ты отнесёшь повелительнице вожделенную бутылку с драгоценным напитком. Только, боюсь, отведав его, она разочаруется. Впрочем, это уже забота моя... Ну, к делу: слушай и будь внимателен! Сперва, Колин, тебе придётся грезить три дня, но при этом – не спать... Потом ты должен будешь трудиться трое суток кряду, но уже без всяких видений... А напоследок ещё три дня надо будет и работать, и мечтать одновременно. Вот и всё.

– Как же всё это устроится?

– Чем смогу – помогу. Но многое зависит и от тебя самого... А теперь пора тебе немножко подкрепиться.

С этими словами старуха встала, прошла в угол за свою кровать и возвратилась оттуда с большим золотистым яйцом в руке. Положив яйцо на сухой вереск, она тщательно укрыла его горячей золой. Затем снова уселась за прялку и принялась расспрашивать Колина об отце, о его овцах, о корове и обо всех-всех домашних делах. Оказалось, что ей известны все подробности его жизни! Наконец женщина наклонилась и, стряхнув пепел с яйца, положила его на тарелку, которую поставила перед Колином.

– Ой, а теперь яйцо сияет как серебряное! – удивился мальчик.

– Это как раз и означает, что оно уже готово, – с улыбкой пояснила старуха и села напротив.

Да, ничего хоть вполовину такого вкусного Колин отродясь не пробовал! И уж точно никогда и не предполагал, что яйцо может быть настолько питательным: не съев ещё и трети, он почувствовал, что уже сыт по уши...

Между тем хозяйка предложила:

– Тебе что-нибудь рассказать, пока ты перекусываешь?

– О да, пожалуйста! – обрадовался мальчик. – Помню, прежде вы рассказывали мне такие замечательные истории...

– Пряха Дженни! – позвала женщина. – У меня закончилось волокно. Принеси-ка ещё немного.

В тот же миг из-за кровати вынырнула пёстренькая, неяркой расцветки, но довольно крупная курочка поразительно изящных очертаний. Поблёскивая умным круглым глазом, она степенно прошествовала через комнату, ставя на пол свои лапки так изысканно и важно, словно первейшая матрона (какою она, вероятно, и была). И, остановившись у выхода, с достоинством сообщила:

– Клёк-клёк...

– Ах да, дверь-то закрыта... Верно ведь? – улыбнулась слепая хозяйка.

– Позвольте мне отворить ей, – предложил Колин.

– Сделай милость, дорогой.

– Ой, а что это за белые пушистые штуки? – изумился мальчик, увидев за порогом пышно разросшиеся тёмные травянистые кусты с белыми верхушками. Теперь оказалось, что старухина хижина стояла посреди целого цветущего острова этой буйной, роскошной зелени. Да она просто утопала в травах!..

– Это собралась мои овцы, – спокойно ответила женщина. – Сейчас всё увидишь.

Тем временем Пряха Дженни вошла в траву и, грациозно вытягивая шею, старательно собирала клювом с верхушек растений белый пух. Когда его скопилось достаточно – столько, сколько можно было унести в клюве, курочка вернулась в дом, аккуратно опустила собранное на пол, затем отделила от пуха зёрна, проглотила их – и тут же отправилась за следующей порцией. Старуха подняла волокно и, прикрепив кудель, придала веретену нужное положение, а затем отпустила его и потянула с прялки ровную нить... Закружившись, веретено вдруг засверкало всеми цветами радуги. Глядеть на него было одно удовольствие! Каким-то чудесным образом руки прядильщицы из старых и морщинистых вдруг превратились в юные и прекрасные, с длинными тонкими

пальцами, которые безостановочно вытягивали пряжу, работая ловко и споро... И они тянули и тянули нить, а веретено всё мелькало и крутилось, и курочка продолжала размеренно входить и выходить, принося пух и склёвывая зерна; и безмятежный голос женщины всё звучал, и одна история сменялась другою...

Колин подумал, что, верно, мог бы просидеть здесь всю жизнь, слушая дивные рассказы хозяйки дома. Иногда ему казалось, что юркое веретено прилежно вытягивало эти истории, словно ровную нить, откуда-то из-за колеса волшебной прялки... Порою – будто искусные пальцы прядильщицы мастерски вплетали их в основу, как тонкие пуховые волокна... Или вдруг виделось, как курица усердно собирала их, обрывая сухие пушистые верхушки высокой, как кусты, длиннолистой травы, и принося их в клюве в дом, и роняя на пол...

Но вот веретено закружилось медленнее и наконец, дрогнув, остановилось. Пальцы женщины выпустили нить, курица направилась отдыхать в своё убежище, за кровать, и голос слепой рассказчицы смолк.

– Мне, кажется, пора идти, – очнувшись, вздохнул Колин.

– Да, пора, – подтвердила старуха.

– Пожалуйста, объясните мне, что значит грезить три дня без сна.

– Эта часть твоего испытания уже позади, – промолвила хозяйка. – Она только что завершилась. Я же обещала тебе помочь, чем смогу.

– Значит, я пробыл у вас три дня? – изумился Колин.

– И три ночи тоже. И я, и Пряха Дженни страшно устали и хотим спать. Видишь, Дженни снесла три яйца – вот они здесь лежат, рядом с тобою. Поторопись, мой мальчик.

– Пожалуйста, посоветуйте мне, что делать дальше, – попросил Колин.

– Пряха Дженни выведет тебя на дорогу. По ней доберёшься до нужного места и передашь тому, кого там встретишь, вот что. Скажи ему: старуха с веретеном желает, чтобы Гору Тяжких Костей подняли на ярд повыше, а дымоход от жаровни направили прямо под бесплодные мхи на краю болота у Истощённого Камня... Дженни, покажи Колину путь.

С сердитым клёкотом Дженни вышла из угла и уверенно повела мальчика через вересковую пустошь по еле заметной тропке, видимо, хорошо знакомой ей, которую, кажется, способна найти была только курица. Внезапно провожатая развернулась и, оставив Колина в одиночестве, безмолвно отправилась назад, к хижине.

Глава четвёртая

Чёрный Кузнец-Великан

Почти наугад находя в зарослях вереска тропинку, будто едва намеченную куриными лапками, Колин шёл по ней до самого заката солнца. Уже в сумерках где-то впереди он увидел смутное мерцание. Это был первый знак чудесной помощи с тех пор, как Пряха Дженни покинула Колина в дикой, выморочной и пустынной местности, и он особенно обрадовал мальчика. Ориентируясь по слабым проблескам света, к ночи он добрался наконец до продымлённой кузницы. А там, заглянув в полуоткрытую дверь, обнаружил огромного горбатого Кузнеца, который работал двумя молотами, держа их по одному в каждой руке.

Увидев Колина, Великан как-то плотоядно усмехнулся и пророкотал:

– Входи, входи... Моим малышам ты понравиться...

Это было настоящее чудовище, с огромной заячьей губой и с багровым шаром вместо носа. Что бы он ни делал – говорил ли, смеялся или чихал, – могучие ручищи ни на мгновение не прекращали работы. Частые искры летели Кузнецу в лицо, но всякий раз он ловко захватывал их своими сверкающими глазами цвета полуостывшего угля – то одним, то другим; и чем больше искр попадало в ненасытные эти глаза, тем ярче сияли угольные зрачки исполина. В тот миг, когда вошёл Колин, горбатый мастер перенёс

громадный кусок железа из горна и, используя оба молота, так приналёг на работу за наковальней, что совершенно скрылся в клубах горячих искр.

А вот Колину пришлось поскорее крепко зажмуриться и отскочить в сторону. Хорошо ещё, что ему удалось легко отделаться – всего лишь несколькими ожогами на лице и руках.

Кузнец молотил по железу до тех пор, пока оно, остыв, не стало почти чёрным. Тогда Великан снова положил его в огонь и, обернувшись, выкрикнул во тьму череду страшных имён:

– Сюда спешите, Прыщ, Слюнтяй, Косматый, Камнепад, Задвигун, Колотун, Спотыкун, Мучитель!.. Мышеловец, Клякса, Картофельная Пасть и Хмурый Палач!..

В ответ на зов его один за другим безобразные карлики вывалились в кузню из дымохода в углу, где рычало пламя. Они столпились вокруг Колина и принялись увлечённо корчить отвратительные рожи, одна другой страшнее, и плевать в незваного пришельца огнём. Некоторое время мальчик старался сохранять полную невозмутимость. Однако когда один из злобных уродцев больно ущипнул его своими корявыми когтями, Колин не удержался и изо всех сил заехал тому по уху.

О, что это была за боль!.. Колину показалось, что рука его разлетается на мелкие кусочки... Это был шок, а голова – его собственная голова! – зазвенела и закачалась, словно пустой железный горшок на шесте.

– Но-но, юноша! – прикрикнул Кузнец. – Убери-ка свои кулаки от моих ребят!

– В таком случае скажите им, чтобы сами меня не трогали, – огрызнулся Колин.

Сосредоточившись и с трудом преодолев гудение в голове, мальчик попытался восстановить в памяти послание, которое требовалось передать столь любезным хозяевам по поручению старухи из хижины, напоминавшей улей. Тем временем карлики, собравшись гурьбою, снова начали подбираться к нему, а их взгляды засверкали ещё более мерзко и кровожадно. Колин понял: мешкать некогда – и всё ещё сердито добавил:

– Ну, вы, чёртово отродье!.. Вот уж я не собираюсь больше терпеть ваши гнусные выходки! Немедленно принимайтесь за свою работу. Старуха с веретеном велела вам поднять Гору Тяжких Костей на ярд выше и подвести дымоход от жаровни прямо под бесплодное болото у Истощённого Камня.

В ту же секунду карлики исчезли в трубе дымохода. Ещё через миг кузница вздрогнула до самого своего основания. Кузнец, однако, не обратил на это особого внимания, только заработал ещё быстрее. Затем послышался страшный грохот, раздался треск – и сильнейший толчок сбил Колина с ног. Кузнец пошатнулся, но молотов не выронил и даже не пропустил ни одного удара по наковальне.

– Мои сорванцы вечно норовят всё испортить, – проворчал он. Потом, повернувшись к Колину, сказал: – А вы, сэр, возьмитесь-ка вот за этот молоток, поменьше. Здесь не место для бездельников. Работать не будешь – так тебя и растерзают в одно мгновение.

И тут из дымохода вырвался мощный порыв горячего ветра, который выдул весь огонь из горна прямо в центр кузницы. Кузнец, нахмурившись, бросился к развороченному горну и в одно мгновение исчез из вида. Вскоре он вернулся с одним из зловредных «малюток» под мышкой. Тот усердно пинался и пронзительно визжал. Великан уложил безобразную голову карлика прямо на наковальню, придержал пленника там за шею и, выдохнув, нанёс ему сокрушительный удар чуть выше уха своим громадным молотом. Молот со звоном отскочил, карлик дико взвыл, и Кузнец швырнул провинившегося в горячий дымоход, приговаривая:

– Ну-ка, остынь, парень... Похоже, сейчас это единственный способ тебе услужить, Слюнтяй... В другой раз, надо думать, будешь осторожней.

И тут же, быстро подняв с пола второй молот, Великан обратился к Колину:

– А теперь, юноша, нам пора за работу... Старайся успевать ударить своим молотком в очередь после каждого из моих ударов – и с тобою будет всё в порядке. Но если остановишься или пропустишь очередной удар, не мне придётся отвечать за последствия перед старухой с веретеном!

Колин молча поднял небольшой молоток, на который указал ему Кузнец, и принялся за дело, пытаясь исполнять свою часть работы как можно лучше. Мальчик старался изо всех сил, однако вскоре понял, что прежде он ни в малейшей степени не представлял себе, что такое настоящий труд. Словно играючи стучал по наковальне двумя тяжеленными молотами Кузнец-Великан, а всё, что удавалось Колину, так это бить по раскалённой заготовке маленьким молоточком, крепко сжимая его обеими руками. И требовалось невероятное напряжение всех его детских сил для того, чтобы без опозданий отвечать ударом на удар Кузнеца...

Однажды Колин зазевался, и молот Кузнеца обрушился на верхнюю часть молотка, находящегося в руках у мальчика, вмиг расплющив стальную болванку на наковальне, как тонкий лист! Рукоять же от молоточка, пролетев через всю кузницу, впечаталась в стенку, словно выброшенное из пушки ядро.

– Я же тебя предупреждал, – с укором произнёс Кузнец. – Вот другой молоток, держи. И поворачивайся поскорее, не то мои малыши соскучатся по тебе, да и по мне тоже, задолго до того, как поднимут Гору Тяжких Костей хоть на полфута вверх...

Будто таинственным образом услышав слова Великана, в тот же миг самый большеголовый из семейства карликов вынырнул из дымохода.

– Шестифутовые клинья и трёхъярдовый железный лом, срочно! – потребовал он. – Иначе Тяжкие Кости вот-вот придавят всем своим весом наши бедные косточки...

Кузнец поспешил за горн и вынес оттуда длинный железный брус толщиной около трёх дюймов. Отделив от него кусок в три ярда, он поместил конец в огонь, подул мощно и властно – и извлёк заготовку из печи: уже белую, как бумага, и пышущую жаром. Они с Колином трудились над ломом до тех пор, пока один конец бруска не стал плоским и острым, как лезвие, которое Кузнец, прищурившись, смерил на глаз и точным движением слегка подогнул кверху. Подавая готовый инструмент большеголовому карлику, он сказал:

– Вот лом, возьми, Плевок, и беги с ним поскорее. А клинья будут готовы, как вернёшься.

И, не медля более ни секунды, они принялись за клинья.

Колин трудился за троих. Прежде он и понятия не имел, что умеет так работать. Никакого отдыха, кроме краткой передышки, когда Кузнец отходил к горну за новым раскалённым брусом! И ещё, к собственному изумлению, Колин обнаружил, что чем больше он работал – тем сильнее, казалось, становился. Слабость, изнеможение – всё отступало раз за разом, удар за ударом. И вместо того, чтобы, обессилев, опустить руки, в мгновения роздыха Колин собирался с духом – и силы опять прибывали откуда-то, и ему хотелось снова и снова с полной отдачей заниматься нелёгким кузнечным делом: ковать, формовать... Мальчик с радостью ощущал, что вырос чуть ли не вдвое с тех пор, как взял в руки молот. А карлики всё продолжали вбегать и выбегать, требуя то одно, то другое. Колин подумал: если они и в самом деле используют все эти инструменты по назначению, трудиться беднякам приходится достаточно тяжело. Жаркая суета, волнами поднимавшаяся в кузнице, свидетельствовала об их чертовски напряжённых усилиях, причём где-то совсем неподалёку. И чем дольше мальчик и Великан работали вместе, тем дружелюбнее становился последний. Наконец Кузнец произнёс (всякий раз слова как будто добавляли крепости его и так невероятно могучим ударам):

– Хотел бы я знать, для чего старухе понадобилось вносить улучшения в устройство болота у Истощённого Камня? С чего это вдруг она решила укрепить и утеплить его основание?

– Я и не знал, что она собиралась как-то его улучшить, – честно признался Колин.

– Ну, это же ясно как день. Во-первых, Гору Тяжких Костей требуется на ярд поднять. Это для того, чтобы направить порывы северо-восточных ветров поверх Горы – так они не затронут болота. Потом, старуха хочет, чтобы под влажным торфяным основанием болота проходил горячий дымоход... Всё просто, как молоток! Ты ведь, я уверен, просил

старуху как-то помочь тебе? Уж я-то её хорошо знаю: вечно она старается для людей, а мои старые кости заставляет скрипеть от натуги...

– Не заметно, чтобы вас это слишком занимало, сэр, – осторожно заметил Колин.

– Ещё чего, – буркнул Кузнец, сопроводив свои слова ударом, который вогнал наковальню в землю чуть ли не наполовину, и потом Великану пришлось немало потрудиться, чтобы снова извлечь её оттуда. – Но мне надо знать, что ещё у старухи на уме.

Тогда Колин рассказал Кузнецу всё, что знал о намерениях старой хозяйки хижины, но эта история, конечно, в основном отражала его собственный взгляд на вещи.

– Понимаю, понимаю, – кивнул тем не менее Кузнец. – Это всё призрачный лунный свет... Придётся нам постараться и во что бы то ни стало сделать всё, что велит старуха. Ну, теперь моя очередь поддержать тебя, ведь ты хорошо работал. Когда покинешь кузницу, иди прямо к болоту у Истощённого Камня. Выбери самое высокое его место; очерти там круг трёх ярдов в поперечнике и вырой по окружности узкую канавку. Я дам тебе лопату... Всё время оставайся внутри круга. На закате первого дня из земли пробьётся виноградная лоза. Ближе к концу второго она покроет землю по всей поверхности круга. А на исходе третьего созреет тёмный виноград. Выжимай виноградины по одной в бутылку – её я тебе тоже дам – до тех пор, пока сосуд не наполнится доверху. Тогда поплотнее закупорь его, и к тому времени, когда Королева фей явится за напитком, это и будет Карачун.

– О, спасибо, спасибо вам! – радостно воскликнул Колин. – А когда мне можно будет уйти?

– Как только ребята поднимут Гору Тяжких Костей и направят дымоход под лишайники болота. До той поры смысла нет.

– Что ж, я готов продолжать работу, – отозвался Колин и устремился к наковальне.

Через минуту-другую вошёл карлик по имени Слюнтяй, чью голову отец-Кузнец так основательно подправил молотком, и вежливо сообщил:

– Всё в порядке, сэр. Малыши собирают инструменты, а потом – сразу ужинать.

– Вы уверены, что подняли Гору хотя бы на ярд? – спросил Кузнец.

– Соня говорит, что даже на полдюйма повыше ярда. А Ворчун считает, что на три четверти дюйма. Но разве это так уж важно?

– Нет, думаю, не слишком. Но приятно быть точным... А дымоход готов?

– Да, часть его нам удалось сделать. Ещё когда поднимали Гору...

– Прекрасно. А как твоя голова?

– Звенит немножко.

– Пусть она прозвенит тебе строгое предупреждение на будущее, Слюнтяй.

– Да, сэр.

– Ну, маленький мастер, теперь можешь уходить, как только пожелаешь, – обратился Кузнец к Колину. – Стыдно сказать, но у нас нечем тебя накормить.

– Пустяки, я не слишком голоден. Только старуха с веретеном говорила, что мне надо ещё поработать трое суток без всяких видений...

– Конечно. Но ведь тебе и некогда было мечтать тут, у нас?..

И Кузнец-Великан, задав вопрос, свирепо взглянул на мальчика и угрожающе поднял молот, словно, если б что не так, не в шутку предполагал немедленно услужить Колину тем же способом, что и Слюнтяю.

– Нет-нет, что вы, какие мечты! Ни за что не получилось бы, – отвечал Колин. И с уважением добавил: – Вы хорошенько об этом позаботились, сэр.

Кузнец наконец-то улыбнулся.

– Ну, тогда вперёд! – сказал он. – Значит, всё в порядке.

– Но ведь я проработал только...

– Целых три дня, да ещё три ночи, – с улыбкой перебил Кузнец. – Так что беспокоиться не о чем. Не будь этого, мальчики уже позаботились бы о тебе... А теперь держи свою лопату. И бутылку не забудь, мастер.

Глава пятая Виноградник во мхах

Больше намёков Колину не требовалось, и он выскочил из кузницы, не задерживаясь ни на миг. Спихватившись было, он обернулся, чтобы подробнее расспросить про дорогу – но его глаза не увидели ничего, кроме большой кучи болотного торфа, собранного кем-то и, очевидно, оставленного здесь на просушку.

«А не оказался ли я ненароком прямо на болоте у Истощённого Камня?!» – с тайной надеждой подумал мальчик.

Солнце тихо клонилось к закату. Попробовать, что ли, дотемна поискать тут самую высокую точку? Придя к такому решению, Колин двинулся вверх по склону и через некоторое время достиг наконец приметного возвышения, откуда видны были все окрестности далеко вокруг. Мальчик огляделся: с северо-востока высился пик – не иначе как Гора Тяжких Костей! Посматривает на него вон как гордо, сверху вниз, того и гляди придавит своим бременем!.. А здесь, у самых ног его, лежит одно из яиц, снесённых хлопотливой Пряхой Дженни, яркое, как серебро. Да вот и крошечная тропка, протоптанная, процарапанная лапками курицы. Она лёгкими штрихами, словно намечая, очерчивает круг на земле – как раз такого размера, что велел нарисовать Кузнец.

Колин сразу принялся за дело. Для начала, усевшись в центр еле заметного круга, съел яйцо – подарок Дженни, а затем старательно прокопал по краю окружности узкую, но глубокую канавку, превратившую возвышение, на котором он находился, в маленький островок.

Три дня, проведённые здесь Колином, были счастливейшими днями его жизни. Он ясным умом осознавал и чистым сердцем искренне принимал всё, что делал и придумывал сам, и в то же время мальчик чувствовал: он всем существом своим сросся с окружающим миром. Колину стало ясно, что такое тростник и почему цветок его появляется, выпуская стрелку именно с этой стороны; и отчего она снаружи красновато-коричневого цвета крови, а её нежная пушистая серединка – белая; и зачем плотные кожистые листья зелены. Грезя, ребёнок говорил себе: «Да, если б я был тростником, именно так я и рос бы, и так бы цвёл...» И он понимал, каково это: выжить вереску, с его прохладными, глубоко уходящими в безжизненную болотную гниль корнями и с ломкой полупрозрачной кроной, усыпанной хрупкими пурпурными колокольчиками... Душа Колина ощущала себя сродни выглядевшим вполне разумными хлопковым зарослям – тем, которые старуха из хижины называла своим овечьим стадом. И почему-то казалось, что теперь ему из себя самого прясть за прядью надо вытягивать длинную белую хлопковую бороду – волокнистую основу, из которой слепая провидица, сидя у огня, плела бы, сучила свою нить... И он точно знал, для чего нужна была эта нить: из неё свивается мягкая белая ткань, из какой шьют потом ночные одеяния для всех добрых людей, что отойдут к смерти как ко сну. Потому что всякий славный человек, на котором надеты светлые погребальные одежды, сотканые старухой, никогда не умирает: грезя в прохладе и отдаваясь течению удивительных неторопливых мечтаний, он лежит там, на своём ложе – до тех пор, пока мир не прейдёт и не настанет время человеку восстать снова и принять участие в Творении...

Кожу Колина оведал свежий ветер, играющий с каждой былинкой травы, с каждым виноградным листом в его очарованном круге. Он чувствовал токи тепла, что поднимались от горячего подземного дымохода, созерцал игру туманных болотных испарений и предвосхищал заветное мгновение, когда лоза должна будет проклюнуться из земли, он вместе с нею собирал живые соки и направлял их ввысь, от корней к гроздьям... И всё это

время ему мнилось, что он по-прежнему находится дома – как обычно, присматривает за коровой, готовит ужин отцу или читает, сидя у камина в ожидании его возвращения с пастбища.

И настал вечер третьего дня. Колин отжал истекающие соком чёрно-красные виноградины в тёмную бутылку, крепко закупорил её, положил лопату на плечо и направился к дому. Его ориентиром в пути была дальняя, неправильной формы вершина, которую он узнал на расстоянии. Пройдя всю ночь при свете луны, поутру мальчик добрался до места, которое уже было ему совершенно точно знакомо, и, спустившись оттуда вниз по течению ручья, поспешил домой.

Он встретил отца – тот отправлялся на пастбище с овцами и несказанно обрадовался, увидев Колина живым и невредимым, так как страшно о нём беспокоился. В те давние времена легче, чем теперь, верили в чудеса, и после того, как мальчик рассказал обо всём, что пережил и передумал в период своих девятидневных странствий, пастух не посмеялся над Колином, а напротив, крепко задумался, идя с отарой на холмы. Проводив отца, Колин заторопился в дом, где за время его отсутствия накопилась тьма работы. Мальчик заботливо уложил бутылку в сундучок со своими праздничными воскресными одеждами и принялся за привычные домашние дела – так же, как бывало и прежде.

Таинственный ручей всё ещё весело струился через их жилище. Но, несмотря на то, что Колин упорно наблюдал за ним допоздна каждую ночь, специально дожидаясь времени, когда в окна домика вовсю светит луна, волшебный флот всё не прибывал и маленькие парусники не мерцали мокрыми бортами в лунных бликах, и в прихотливом течении потока не танцевали вёрткие лёгкие лодочки.

Вот уже и осень пришла, и холодные туманы стали подниматься над водою и бродить по комнате... И Колин повернул ручей обратно в его старое русло, заделал бреши в стенах и заложил глиной узкий канал в полу, торопясь успеть до начала близких и суровых зимних бурь.

Такой тяжкой зимы он ещё не помнил. Колин чувствовал какую-то усталость и непонятную грусть. Он не мог удержаться от постоянных раздумий о печальной судьбе маленькой девочки, пленницы фей. Размышляя о том как, должно быть, ей теперь холодно и одиноко, он представлял, как малышка, наверное, говорит себе: «Жаль, что Колин не был хоть чуточку умнее. Тогда б он меня не потерял...»

Глава шестая

Последствия

Наконец пришла весна, а после весны – лето. В первый же тёплый день Колин взял лопату и кирку – и вновь ручей устремился в низину через домик, на все лады распевая и резвясь. Восторг Колина был неописуем. Мальчик снова увлечённо смотрел ночами на поток, хотя ни луны, ни сказочной флотилии не было.

Больше недели минуло со дня возвращения потока в дом. Наконец на девятую ночь, как будто задремав, Колин опять открыл глаза и с новой силою преисполнился ожиданием.

Вот оно!.. Мгновение – и комната озарилась мерцающим лунным светом и волшебным сиянием!.. Крохотные лодочки снова покачивались на воде, а Королева в сопровождении всей своей свиты высаживалась на берег, и феи уже принялись изящно пританцовывать на глиняном полу...

Колин времени даром не терял.

– Королева, а Королева! – обратился он к надменной фее. – Я принёс вам Карачун, целую бутылку!

Танец мгновенно прекратился, и Королева легко вскочила на краешек кровати, где лежал мальчик:

– Не выношу взгляда твоих пристальных, безобразно-громоздких глаз... Надо избавиться от него, прежде чем вступить с тобою в разговор.

И она, как когда-то, возложила свой магический камышовый жезл на веки Колина, после чего тот увидел фей вшестеро большими по размеру, чем прежде. Повелительница высокомерно продолжала:

– Где Карачун?.. Давай его сюда!

– Он у меня в сундуке под кроватью. Если Ваше Величество отойдёт в сторонку, я вам его достану.

Королева прыгнула на пол, и Колин, привычно соскользнув с постели, выдвинул свой небольшой сундучок и достал заветную бутыль.

– Вот она, Ваше Величество, – произнёс мальчик, но не предложил бутылку Королеве.

– Сейчас же отдай её мне! – потребовала Королева, протягивая руку.

– Сначала вы вернёте мне девочку! – дерзко возразил Колин.

– Да как ты, юнец, смеешь торговаться со мной?! – разозлилась Королева.

– Ваше Величество изволили начать со мною торг первой, – невозмутимо парировал Колин.

– Но ты-то после этого попытался всем нам свернуть шеи! Ты же соорудил отвратительный, мерзкий водопад на противоположной стороне вашего садика!.. Наши корабли разлетелись в щепки, да и сами мы едва спаслись! Вдобавок потом ещё пришлось ожидать, когда приведут наших лошадей... Если б я разбилась, ты уже никогда не смог бы вступить со мною в сделку и некому было бы теперь предлагать свои условия!

– Я вижу, вам больше по вкусу головоломный спуск по моему водопаду, – заключил Колин.

– Твой водопад!.. – возмущённо взвизгнула Королева. – Да что ты несёшь?! Все воды, истекающие из Одинокого Озера, да будет тебе известно, принадлежат только мне – и никому больше! Все потоки, все водные пути и ручьи, все до самого океана – мои, уж поверь!

– Кроме тех мест, где ручьи протекают через территорию ферм, Ваше Величество.

– Я выдворю тебя из страны! – пригрозила фея.

– В таком случае, я снова убираю бутылку в ящик, – сообщил Колин и сделал шаг к сундучку.

– Ко мне Игрушку, быстрее!.. – злым голосом приказала придворным вконец раздосадованная повелительница.

Подталкиваемая тычками фей, несчастная малышка тихо подошла к ней, остановилась чуть сзади и со слезами на глазах взглянула прямо на Колина.

– Дай-ка мне твою руку, крошка, – мягко произнёс Колин, подавая девочке свою.

Она повиновалась. Рука была холодная как лёд.

– Отпусти её сейчас же! – приказала Королева.

– Не отпущу, – возразил мальчик, – она моя.

– Тогда отдавай мне бутылку! – потребовала фея.

– Не делай этого... – запнувшись, вымолвила девочка.

Но было поздно: бутылка с Карачуном оказалась в руках у повелительницы фей.

– А теперь держи свою девчонку! – удовлетворённо крикнула фея и издевательски расхохоталась.

– Да, держи, держи меня крепче, – всхлинула малышка, – держишшшшь?..

Её плач потонул в шипении. Колин почувствовал, что сжимает в кулаке что-то скользкое и извивающееся, и, глянув вниз, обнаружил вместо маленьких детских пальчиков корчащегося в руке огромного землисто-серого червя.

– Если это змея, я её задушу, – прошептал он. – А если это девочка, я её удержу.

В тот же миг змея превратилась в белого крольчонка, который жалобно смотрел мальчику в лицо и пытался вырвать свои передние лапки из жёсткого захвата. Но хотя Колин и старался, по возможности, не причинять зверьку боли, лапок он не отпустил. Тогда кролик превратился в громадную, как пантера, чёрную кошку, с глазами, пылающими зелёным огнём. Она яростно шипела, изгибалась, била хвостом, но тщетно:

мальчик держал крепко. Потом кошка стала лесной голубкой, которая трепетала, и пугливо вспархивала, и металась, пробуя освободить своё крыло из руки Колина. Однако он ещё крепче сцепил пальцы...

Всё это время, пока продолжалась череда волшебных превращений маленькой девочки, Королева безуспешно пыталась вытащить пробку из бутылки. И вот настал момент, когда пробка наконец поддалась её усилиям... Но тут драгоценный сосуд выскользнул из рук Королевы – и, вскрикнув горестно и пронзительно, гордая фея, владычица водных путей, замертво упала на тёмный глиняный пол. Карачун заструился по утрамбованной глине, и странный аромат наполнил домик. Придя в себя после глубокого обморока, Королева медленно поднялась и оттолкнула руки поддерживавших её придворных. Трепеща и вздрагивая, стояла она над опрокинутой бутылкой, и весь двор капризной повелительницы, приблизившись к ней, тоже всхлипывал и дрожал, и юные прекрасные лица сказочных существ с каждым мгновением изменялись, становясь всё более старыми и морщинистыми...

Первой пришла в себя Королева. Согнувшись и пошатываясь от слабости, как старуха, она молча направилась к лодкам, и вмиг одряхлевшие придворные безмолвно последовали за нею, хромя и содрогаясь, с искажёнными лицами и потухшими глазами...

Колин застыл, глядя в немом изумлении на таинственные метаморфозы. Он всё ещё видел их здесь, рядом, всей гурьбой возвращавшихся восвояси ни с чем, и в то же время слышал за стенами домика смутный, затухающий шум, и казалось, что вдаль уходила большая компания – множество женщин и мужчин, безутешно о чём-то рыдавших...

Они поплыли вниз по ручью. Обессиленные гребцы, бросив вёсла, сгибались в горьком плаче, позволяя лодкам свободно дрейфовать по течению. Вся флотилия исчезла из виду, словно растворилась в неверном лунном свете, и лишь ненадолго звук водопада, принесённый ночным ветром, казалось, стал громче, чем прежде... Но – увы! – когда Колин очнулся от грёз, он обнаружил, что рука его невольно разжалась, и лесная голубка упорхнула. Делать было нечего, разве что приказать себе немедленно уснуть, ни о чём не думая больше, – он умел это делать. И Колин заставил себя провалиться в сон.

Утром мальчик поднялся с постели совершенно разбитый и с трудом принялся за домашние дела. Но в тот миг, когда он вошёл в коровник, мир снова засиял красками жизни: рядом с рыжей коровой на скамеечке для дойки молока, поджав босые ножки, сидела чудесная малышка. Сидела в одном белом платьице – и тихо плакала.

– Я так замёрзла, – пожаловалась она, всхлипнув.

Колин подхватил её на руки, вбежал с драгоценной ношей в дом, уложил девочку в постель и принёс от коровы чашку парного молока. Бедняжка выпила его с жадностью изголодавшегося котёнка, опустила голову на подушку и крепко уснула. Колин заметил, что, хотя девочке было, по её собственным подсчётам, около восьми лет от роду, лицо её казалось младенческим, едва ли старше по виду, чем у восьмимесячного ребёнка.

Вернувшись домой, отец в недоумении застыл, увидев дитя, лежащее в кровати. Колин поведал ему о случившемся. В ответ отец рассказал мальчику, что встретил сегодня поутру цыганский табор, странствующий по холмам.

– Ты всегда был мечтателем, Колин, даже когда и говорить-то толком ещё не умел, – улыбнулся пастух.

– Но разве ты не чувствуешь запаха Карачуна в доме?

– И правда, аромат очень приятный, – согласно кивнул отец. – Наверное, это пахнут желтофиоли, вьющиеся по садовой ограде. Сколько цветов на них в этом году!.. Думаю, и в сказочной стране фей нет ничего нежнее. А, Колин?..

Мальчик не стал возражать.

Малышка проспала три дня подряд. И ещё три дня она не произносила ни звука, кроме жалобного: «Мне так холодно, холодно!..» Потом девочка начала потихоньку оживать и обращать внимание на то, что происходит вокруг неё. Три недели она ничего не могла есть и лишь пила парное молоко, ни за что не соглашаясь выйти из тёплого угла рядом

с дымоходом; по прошествии ещё некоторого времени начала понемногу помогать Колину в домашней работе, и когда молчаливая крошка хлопотала по дому, лицо её становилось раз от разу всё более осмысленным. Девочка делала заметные успехи, и месяца через три научилась вести хозяйство не хуже Колина, притом по-женски опрятно. Теперь Колин иногда давал ей задания на весь день и мог уйти с отцом на холмы пасти овец: пора уж было и ему осваивать пастушье дело.

Года три так всё и шло. И Фея, как ласково прозвали девочку, росла и хорошела, всё взрослея и умнея и с каждым днём всё больше заглядываясь на Колина. На исходе третьего года отец решил отослать сына в школу, где работал его старинный друг, школьный учитель. Тревожная мысль о том, что Фея, оставшись без его защиты, может подвергнуться опасности, ни на миг не покидала мальчика, и перед отъездом он заставил подружку дать твёрдое обещание никогда не подходить к ручью после заката солнца. Колин вернул поток в старое русло ещё в тот день, когда Фея чудесным образом нашлась в яслях, заплаканная и замёрзшая. Теперь же, поручая её заботам отца, он попросил его особенно тщательно присматривать за девочкой в дни полной луны, потому что в эти периоды Фея становилась беспокойной и странно молчаливой, и её серо-зелёные глаза, казалось, видели что-то недоступное другим...

Прошло ещё три года. По завершении учёбы в школе Колин собрался домой, но учитель не отпустил его, настояв на том, чтобы способный мальчик окончил ещё и колледж. В колледже сын пастуха также пробыл три года.

Воротившись наконец в родной дом, юноша увидел Фею – и изумился. Её развившийся ум и удивительная хрупкая красота до глубины души поразили его, и он отчаянно влюбился в девушку. Что ж до самой Феи, то она давно знала, что сердце её без остатка принадлежит только Колину. Она любила его всегда, с первой их встречи... Нет, с рождения... или ещё до него; как долго – она не помнила. И пастух согласился благословить их брак при условии, что свадьба состоится сразу же после того, как у Колина будет свой дом, куда можно привести молодую жену. Отцовы доводы были разумны. Колин отправился в Лондон. Там он без устали напряжённо работал, чтобы скопить денег, которых было бы достаточно на покупку дома. Наконец приобретя в Девоншире маленький коттедж, он постарался всё устроить там как можно лучше для семьи.

Молодые выехали на новое место жительства сразу после свадьбы, и Колин радовался, что увозит жену от опасного соседства с повелительницей фей, на которую ни в чём нельзя было положиться.

(Продолжение следует)

Галина МУРЕНИНА

Галина Платоновна Муренина – директор Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского, заслуженный работник культуры России.

ВЕРНЫЕ СПУТНИКИ ЖИЗНИ

Из истории личной библиотеки Н. Г. Чернышевского

В круг научных проблем, разрабатываемых коллективом Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского в Саратове, входит создание полного библиографического перечня литературы, прошедшей через руки Николая Гавриловича в течение всей его жизни. Результаты научных исследований находят практическое применение во вновь создаваемых музейных экспозициях, научном комплектовании фондов, предлагают ключ к изучению теоретических вопросов биографии и творческого наследия Н. Г. Чернышевского.

Личная библиотека писателя даёт, как правило, очень многое для понимания идейного, общественного, эстетического генезиса его творчества, это один из самых значительных реальных источников изучения писателя в биографическом, историко-литературном, теоретико-типологическом планах.

К сожалению, из огромного количества книг, входивших в круг чтения Н. Г. Чернышевского, до нас дошла лишь незначительная часть. Этот факт скудности библиотечного наследия писателя неслучаен. Обстоятельства его жизни были таковы, что говорить о сохранности большого книжного собрания ныне не приходится. С одной стороны, частые перемены места жительства, арест и ссылки исключили возможность собирать и хранить книги; с другой стороны, писатель видел в них средство распространения знаний в широких массах и не жалея раздавал свои книги в общественные библиотеки и отдельным людям.

«Популярные книги перечеканивают в ходячую монету, тяжёлый слиток золота, выплавленный наукой», – утверждал Н. Г. Чернышевский.

В 1866 году во время саратовского пожара сгорела обширная библиотека Гаврилы Ивановича Чернышевского. Из агентурных донесений известно, что незадолго до ареста Николай Гаврилович продавал свои книги «толкучникам», в Сибири остались книги, которыми он пользовался в ссылке. В последние годы жизни Чернышевским был подарен комплект «Вестника Европы» за 1886–1888 годы саратовскому журналисту Н. Ф. Хованскому и пожертвованы книги и журналы в организованную в Астрахани бесплатную народную библиотеку. Все эти книги не разысканы.

В настоящее время известны два наиболее представительных собрания книг Н. Г. Чернышевского, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве и в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского в Саратове. 148 книг хранятся в фондах музея, и около 30 книг – в РГАЛИ. О принадлежности их Чернышевскому говорят собственные пометы писателя на страницах книг, дарственные автографы на книгах, надписи М. Н. Чернышевского (младшего сына и первого директора музея), А. Н. Пыпина (двоюродного брата) и других лиц и, наконец, описи книг, составленные Михаилом Николаевичем при передаче их на хранение в Саратовскую публичную библиотеку в 1894 году и в Библиотеку рукописного отделения Академии наук в 1908 году.

Итак, в настоящее время нам известно около 180 книг из личной библиотеки Н. Г. Чернышевского. Большинство из них выявлено и описано Ниной Михайловной

Чернышевской (внучкой писателя и вторым директором музея Н. Г. Чернышевского) в статье «Личная библиотека Н. Г. Чернышевского».

И здесь нельзя не сказать о роли младшего сына писателя – Михаила Николаевича Чернышевского в собирании и хранении личной библиотеки отца. Собирательская деятельность М. Н. Чернышевского обширна и многообразна. Его стараниями было собрано, а затем передано для организации музея в Саратове (передан был и дом, в котором родился Н. Г. Чернышевский) 11 картонок, 40 папок и несколько ящиков, куда вошли (цитирую по статье Н. М. Чернышевской «У истоков») «семейные документы, начиная с конца 18 века, детские ученические рукописи Н. Г. Чернышевского 1835–1842 годов, его семинарские работы 1842–1845 годов, университетские лекции, дневники, письма, подлинные портреты (дагерротипы и фотографии) как Чернышевского, так и его семейного, литературного и общественного окружения; мебель, вещи, реликвии Н. Г., О. С.,

Г. И. Чернышевских, книги из личной библиотеки писателя, обширное собрание журнальных статей и газетных вырезок за 1854–1923 гг., рукопись библиографического указателя, составленного М. Н. Чернышевским по 1925 год, папки с высококачественными негативами, его работы и материалы для издания полного собрания сочинений 1906 г., в том числе личный экземпляр М. Н. Чернышевского, со сделанными им собственноручно вставками для будущего советского издания. К этому собранию прибавились работы М. Н. Чернышевского по расшифровке дневников и подготовке к печати новооткрытых произведений отца из тайников Петропавловской крепости. Ныне в фондах музея находится 34 книги из личной библиотеки писателя, подаренных М. Н. Чернышевским в 1920 году. Среди них следует выделить особо книги с автографами. Это труд И. И. Срезневского «Исследование о языческом богослужении древних славян». (СПб., 1848). На книге собственноручная надпись Н. Г. Чернышевского: «*Н. Чернышевский. Петербург. 1851*».

Оттиски двух статей Н. А. Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова», подписанных псевдонимом «Лайбов». Статьи сброшюрованы в одну книжку с автографом на обороте обложки: «*Николаю Гавриловичу Чернышевскому. Глубоко уважающий Н. Добролюбов*».

Второе издание книги П. С. Билярского «Судьбы церковного языка», том 1, издана в Петербурге в Императорской академии наук в 1858 году. На книге автограф: «*Достопочтенному деятелю современного образования Николаю Гавриловичу Чернышевскому от автора*».

В музее хранится также книга Владимира Короленко «Слепой музыкант» (издание редакции журнала «Русская мысль», Москва, 1888). На книге автограф: «*Николаю Гавриловичу Чернышевскому от глубокоуважающего В. Короленко*».

Дарственные надписи на книгах говорят о широких литературных, общественных, научных связях Н. Г. Чернышевского. Действительно, в круг его близких знакомых входили такие известные учёные, как академик Петербургской академии наук Пётр Спиридонович Билярский, академик Пётр Петрович Пекарский, известный историк и литературовед, Павел Аполлонович Ровинский, этнограф-славяновед и др. Не менее обширны были и его литературные и общественные связи. Из документальных источников известно, что в библиотеке Чернышевского были книги с автографами известных русских писателей, ныне не обнаруженные.

В 1908 году Михаил Николаевич передал в Академию наук для организации уголка памяти Н. Г. Чернышевского:

«1. Открытый шкаф в пять полок, принадлежавший Н. Г. Чернышевскому.

2. 11 картонок с од. №№ 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 15 с рукописями, письмами и др. материалами, относящимися к Н. Г. Чернышевскому.

3. 9 пачек книг.

4. Опись книг».

Об этом факте писала газета «Россия», известная своей тенденциозностью, 1 января 1910 года в заметке «Академия наук в 1909 году»: *«Революционные уголки тщательно устраивает Императорская академия наук, собирая все предметы, касающиеся выдающихся революционеров. Так, профессор Чернышевский, виновник несчастий нескольких тысяч соблазненных его романом «Что делать?» (...) удостоился особого внимания Академии наук, хранящей даже его старые перчатки. Собрал для Академии эти вещи сын Чернышевского, прославившийся в 1905 году потворством революционному движению на Новозыбковском подъездном пути, членом правления коего он состоял».*

В опись книг, переданных Михаилом Николаевичем в Академию наук, внесено 11 названий книг, принадлежавших Н. Г. Чернышевскому. Ныне семь из них находятся в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского в Саратове, четыре – со «следами» работы Н. Г. Чернышевского – в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве. Последние поступили в ЦГАЛИ в 1941 году из музея, ныне хранятся в Фонде Н. Г. Чернышевского.

Вот эти книги:

1. Соколов. «Краледворская рукопись и суд Любуши». (Казань. 1846). На первом чистом листе – автограф: *«Н. Чернышевский. Петербург. 1851»*. В студенческом дневнике Николая Чернышевского есть запись от 10 мая 1849 года, которая констатирует, что на экзамене у профессора Срезневского ему достался «прекрасный» билет по чешской литературе о Любуше и Краледворской рукописи.

2. Джон Стюарт Милль. «Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии». (Лондон. 1857). Экземпляр содержит два тома сочинений известного английского буржуазного учёного-философа и экономиста. Оба тома являются рабочим экземпляром, служившим Чернышевскому при подготовке перевода книги Милля с его примечаниями.

3. Элиот Джордж. «Ромола». (Лейпциг. 1863). Два тома книг английской писательницы 19 века Мэри Анн Эванс в одном переплёте. Книга содержит пометы Н. Г. Чернышевского, А. Н. Пыпина, М. Н. Чернышевского, свидетельствующие о том, что писатель читал её в Сибири.

4. Русский календарь на 1884 год А. Суворина. (С.-Петербург, типография А. С. Суворина).

Книга была прислана Н. Г. Чернышевскому в Астрахань Михаилом Николаевичем в декабре 1883 года. На книге – помета: *«М. Н.»*, говорящая о принадлежности её Н. Г. Чернышевскому.

После смерти писателя младший сын на правах наследника пожертвовал книги отца в Саратовскую городскую публичную библиотеку. В список книг, переданных в 1894 году в Саратовскую библиотеку, внесено 140 названий. Список составлен Михаилом Николаевичем с присущей ему тщательностью, в хронологическом порядке, вследствие чего без труда выявляется, что в библиотеку было передано 35 книг, принадлежавших Чернышевскому до 1862 года, 9 книг, посланных ему в Петропавловскую крепость, и 96 книг, входивших в круг чтения Н. Г. Чернышевского в последние годы жизни. К сожалению, не все из них вернулись в музей в 1925 году. Часть книг не была учтена в каталоге библиотеки, изданном в 1912 году.

В настоящее время в музее хранится 109 книг из списка М. Н. Чернышевского. В этой коллекции выделяются два больших энциклопедических издания. «Энциклопедия о модерне», вышедшая в Париже в 1854–1857 гг. в 15 томах, служила Чернышевскому общим научным справочником в 60-е годы. Энциклопедическим словарём Брокгауза, изданным в Лейпциге в 1882–1887 годах, писатель пользовался в Астрахани.

В 1888 году Н. Г. Чернышевский вознамерился дать русскую переработку 17-томного словаря Брокгауза, но задуманный труд не осуществился, т. к. издание было предпринято раньше Сувориным.

Такова краткая характеристика книг личной библиотеки Николая Гавриловича Чернышевского, хранящихся в музее его имени на родине. Здесь – прижизненные издания сочинений великого демократа, тома с автографами писателя и дарственными надписями ему, книги, которые он читал и над которыми работал. Верные спутники писателя в течение всей его жизни, эти драгоценные реликвии с потёртыми переплётами, пожелтевшими листами открывают нам страницы биографии Н. Г. Чернышевского, рассказывают о его взаимоотношениях с близкими, друзьями, единомышленниками.

Сохранил их для потомков Михаил Николаевич Чернышевский.

Алексей ГЕРАСИМОВ

Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

6 сентября 2015 года моему другу, ведущему мастеру МХТ имени Чехова Владимиру Александровичу Краснову исполнилось 75 лет. От души поздравляю его с юбилеем, желаю здоровья и новых творческих свершений. Хочу познакомить читателей нашего журнала с некоторыми замечательными его театральными работами в Саратове и Москве, которые мне посчастливилось увидеть.

Алексей Герасимов

АКТЁР ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Перефразировав заглавие знаменитой пьесы К. М. Симонова, захотелось так назвать мой рассказ о народном артисте России Владимире Александровиче Краснове. В Саратове есть удивительная общность людей, называемая «сухоставцы». С Володей я познакомился во Дворце пионеров в далёкие 50-е годы в театральном коллективе нашей театральной мамы, незабвенной Наталии Иосифовны Сухостав. Многие её питомцы стали большими мастерами сцены: Олег Табаков, Галина Яцкина, Володя Краснов, Владимир Конкин, Ирина Афанасьева, замечательный артист цирка Гена Ротман и многие другие (более ста народных и заслуженных). Думаю, что не менее важно и другое: независимо от профессии все её воспитанники, «сухоставцы», на всю жизнь полюбили театр, искусство, прекрасное в жизни.

Сразу вспомнил наш детский спектакль «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка». В этой постановке Наталии Иосифовны роль старика-странника играл я, а Володя – маленького козлёночка, в которого превратился непослушный Иванушка. Володя был в спектакле лучше всех. Роль без единого слова, но незабываемые глаза его «козлёнка» выражали душевное состояние персонажа лучше всяких слов. Всем стало ясно, что этого мальчика ждёт судьба актёра.

Но всё обстояло не так просто. В одной из телепередач «Прежние места» Володя вспомнил любопытный эпизод своего детства. Он рассказал, что его тогдашняя жизнь «разрывалась» между Дворцом пионеров, где была Наталия Иосифовна, кружковцы, прекрасный мир театра, и... улицы. Там шла своя, совсем иная, но тоже притягивающая к себе жизнь. На какое-то время пересилила улица. Володя перестал ходить в кружок. Мудрая наша театральная мама всё поняла и направила «парламентёром» меня. Разговор по душам оказался успешным: Володя снова стал ходить во Дворец пионеров, а со временем стал актёром и режиссёром – Мастером с большой буквы. Горжусь многолетней дружбой с ним.

Какая же мудрая была наша театральная мама! Галина Яцкина сделала о ней изумительный документально-художественный фильм «Натали», с участием Олега Табакова, Генриха Ротмана, Владимира Конкина и других питомцев Наталии Иосифовны Сухостав. Вот слова благодарности Владимира Краснова из этого фильма: «Я вырос в бандитском местечке («саратовский Шанхай». – А. Г.). Оттуда многие отмотали пару сроков в тюрьмах. Не знаю, каким бы было моё будущее, если б не встреча с Натали. Она вырвала меня из этой среды, сделала из меня человека и артиста».

В 1960 году Краснов поступил в театральную студию при Саратовском театре юного зрителя. Тепло вспоминает Владимир Александрович всех своих педагогов студии и тех, у кого он учился в театре: Вадима Ивановича Давыдова, Василия Никифоровича

Начинкина, Александра Ивановича Щёголева, Серафиму Алексеичу Фомину, Николая Александровича Архангельского, Евгения Павловича Каменогородского... «Любуясь ими, я учился у них, – говорит Володя. – В моём родном театре служили искусству мастера могучего дарования, и среди них – народный артист СССР Александр Иванович Щёголев, он стал моим первым педагогом в театральной студии...

Особые слова благодарности я говорю моему Учителю, режиссёру, педагогу, человеку Юрию Петровичу Киселёву, поверившему в то, что пацан из Глебучева оврага имеет что-то за душой и сможет рассказать об этом, в меру отпущенных ему способностей, другим. Он был строг, требователен, заражал поразительной работоспособностью. Приучил анализировать, ставить высокую планку. Тот, кто у Киселёва учился, получил могучую театральную школу... Вечное ему спасибо!»

На первых порах учёбы в студии Краснов играл в массовке. Но вот в 1962 году ученик студии Владимир Краснов получил главную роль Володи Фёдорова в поставленном Ю. П. Киселёвым спектакле по пьесе Виктора Розова «В дороге». В книге «Обычай мудрости храня» о Юрии Петровиче Киселёве автор её, Валерий Владимирович Прозоров, пишет: «Этапный для Саратовского театра юного зрителя спектакль – «В дороге», год – 1962-й... Огромная, памятная всем удача... С этого спектакля началось восхождение талантливого актёра Владимира Краснова... Трепет. Оголённые нервы. Вызывающая и непокорная прямота. Полёт вдохновения... Юрий Петрович назовёт свою постановку «В дороге» с Красновым в главной роли работой, в которой он, режиссёр, «высказался с максимальной полнотой».

Прочитав в журнале «Волга–XXI век» (№ 11–12 2011) предыдущие главы моей книги о театре, вы могли заметить, что я вспоминаю о моих собственных впечатлениях. Но, рассказывая о друге, не хочу ограничиваться личными воспоминаниями. Постараюсь, чтобы о В. А. Краснове (одном из самых моих любимых актёров современности) говорили профессионалы: театральные критики, режиссёры. При подготовке этой статьи я использовал и материалы, опубликованные ранее в прессе.

В зале Саратовского ТЮЗа мне доводилось видеть великого режиссёра, легендарную Марию Осиповну Кнебель. Читал её театральные книги, видел замечательный, поставленный ею спектакль «Дядюшкин сон» с Марией Ивановной Бабановой в главной роли. Мария Осиповна Кнебель писала, что «розовских героев играть трудно, нужно, чтобы актёр умел создавать своеобразие личности... Могу назвать лишь немногие имена актёров, которым в розовских пьесах удалось создать жизненный характер». И среди этих немногих назвала Владимира Краснова в спектакле «В дороге».

Шли годы. Владимир Краснов создал много самых разных образов в спектаклях ТЮЗа: Олег Кошевой («Молодая гвардия» А. Фадеева) и Овод («Итальянская трагедия» по Э. Войнич), Саша Одуев («Обыкновенная история» по И. Гончарову) и Правдин («Недоросль» Д. Фонвизина), Гринёв («Капитанская дочка» А. Пушкина) и Ришелье («Три мушкетёра» А. Дюма)...

Особое место в творчестве актёра занимает тема войны. В. А. Краснов рассказывает: «Я родился за год до Великой Отечественной. Война оставила глубокие рубцы и в душах наших родителей, и в наших, детских. Память и эти рубцы оживали во мне с особой силой всякий раз, когда я как актёр сталкивался с военной темой: в фильме Петра Тодоровского «Верность», в спектаклях «Молодая гвардия», «Неизвестный солдат», «Рядовые» и, особенно, «В списках не значился».

Да, лейтенант Плужников в спектакле «В списках не значился» по повести Бориса Васильева оставил очень яркое, пронзительное впечатление в моей душе. Спектакль я смотрел в 1975 году, но до сих пор, как вспомню, комок подступает к горлу. И партнёрша у Володи была замечательная – Мирру играла Вера Беляева.

В 1979 году Ю. П. Киселёв поставил очень необычную пьесу М. Шатрова «Синие кони на красной траве» с В. Красновым в роли Ленина. Я был потрясён трудолюбием Владимира: при подготовке роли актёр прочитал все тома ленинских трудов. И это не засушило образ: его герой на сцене был страстный, пронзительный, мучающийся, жестокий и больной.

Вот слова Ю. П. Киселёва, сказанные о своём ученике: «Владимира Краснова отличают, прежде всего, высокая профессиональность, необычайная требовательность к своему творчеству, доходящая до щепетильности. В каждой роли он докапывается до самой глубины, до самых её истоков. Его способ, метод работы характеризует тщательный и тонкий психологизм. Актёра интересует в искусстве человек и его взаимоотношения со временем. Предельная искренность, полнейшая самоотдача. У Краснова каждая работа интересна».

В творчестве В. Краснова были не только главные роли, но и незабываемые эпизодические. 1973 год. Спектакль «Валентин и Валентина» М. Рощина в постановке Ю. П. Киселёва. Эту пьесу ставили многие театры (видел версии театров Москвы, кинофильм). Считаю, что спектакль Юрия Петровича был лучше всех. Поразительная жизненная правда, глубина и естественность отличали исполнителей: Валентина Семёновна Немцова (мать Валентина), Елена Александровна Росс (сестра Валентины Женя), Вера Беляева (подруга Валентины Дина). Конечно, обе исполнительские пары главных героев: В. Клюкин и Л. Иванникова, В. Шкрабак и Т. Шкрабак, и многие другие – подлинный актёрский ансамбль. Едва ли не лучшим в спектакле был Володя в эпизодической роли лейтенанта Гусева. Какая глубина, острый глаз, лоск и выправка морского офицера, изящество, ироничность и остроумие. Как не влюбиться в такого! А вот Валентина, оказывается, другого любит. Живут в моём сердце неповторимые интонации Гусева-Краснова в коротком диалоге его с Валентиной: «И кто же он?» – «Просто один мальчик». – «Да, один мальчик – это уже много!» Я люблю многие сценические создания Володи Краснова, но, пожалуй, самое любимое – его «старлей» Гусев. Спасибо, дорогой Володя!

В одном из разговоров об искусстве актёра Ангелина Осиповна Степанова сказала мне: «Что отличает хорошего от посредственного актёра? «Шлейф роли», с которым актёр выходит на сцену (как актёр несёт на сцену то, что было с человеком раньше и куда потянется ниточка роли потом)». Рассказывая о Краснове в роли Гусева, я вспомнил слова великой актрисы. Как нёс этот «шлейф роли» Володя в спектакле «Валентин и Валентина»!

Глубоко и просто читает В. Краснов стихи А. Пушкина, Б. Пастернака и других авторов. Ряд лет он даже руководил чтецами Саратовской филармонии. Интересно и ярко проводил Краснов капустники в театре, вечера мастеров театра. Сразу вспоминается юбилей народного артиста СССР Олега Павловича Табакова в Саратове в 2005 году, который подготовил и вёл Владимир Краснов. Шедевром было выступление «сухоставцев» во главе с юбиларом, в шортиках и с пионерскими галстуками.

Никогда не забуду и организованный (так тепло и светло) вечер в ТЮЗе к 100-летию со дня рождения композитора Е. П. Каменоградского. Володя даже подарил мне аудиозапись этого вечера и полную версию музыки Е. П. Каменоградского к «Аленькому цветочку». Безмерно благодарен Володе.

В театре для детей и юношества актёр не может обойтись без сказочных персонажей.

Были они и у В. А. Краснова. Так, в «Золотом ключике» 1971 года он играл злого Карабаса. В возобновлённой в 1999 году сказке покориł зрителей актуальным во все времена авантюристом – Котом Базилио.

Глубоко, тонко и ярко играет В. А. Краснов героев А. Чехова, А. Островского, В. Шекспира, других великих авторов. Как не вспомнить хотя бы одну, поистине блистательную его работу в комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». Крючоктвор, обманщик, трус, пройдоха, стяжатель, готовый совершить любую подлость, подлог,

подделку документов. Чего стоит один только удивительный его нос в виде запятой, которым он готов залезть в любую бумагу ради выгоды, всё пронюхать. Зримый и очень современный, жизненный персонаж. Не единожды «любовался» этим созданием мастера. На сцене ТЮЗа Киселёва спектакль ставили москвичи: режиссёр В. Иванов, художник А. Глазунов, композитор А. Иванов. Главную героиню Меропию Давыдовну Мурзавецкую замечательно играла Елена Александровна Росс (это была её последняя роль).

В. Краснов не только играет, но и ставит на сцене спектакли. Хочу рассказать о двух его режиссёрских работах. Многие годы Владимир Краснов берёт легендарный спектакль нашего ТЮЗа «Аленький цветочек», созданный в 1948 году режиссёром В. И. Давыдовым, художником Н. А. Архангельским и композитором Е. П. Каменоградским. Трижды (в 1974, 1984 и 1994 годах) он восстанавливал это чудо театрального искусства с новыми исполнителями. В разные годы играл в нём Работника, Купца, Лешего и даже Бабу Ягу. Спектакль и сейчас в репертуаре театра.

1996 год. А. Н. Островский, «Банкрот». Театральный критик А. Иняхин писал: «Совестливость – вообще «жизнеобразующее» свойство его таланта. Это проявилось и в его педагогике, и в выборе названий для режиссёрских опытов (кроме «Банкрота» помню «В день свадьбы» и «Последний срок» – спектакли напряжённо-драматические, страстные, честные)». И продолжает уже об актёрской работе Краснова: «Трагической фигурой предстал Самсон Силыч из «Банкрота» – человек рискованный, азартный, сполна познавший горечь предательства от близких и любимых».

Этот прекрасный спектакль В. Краснова я видел трижды. В начале роль Самсона Силыча Большова играл С. Пускепалис (в дальнейшем роль Большова стал исполнять и режиссёр спектакля). Думаю, что В. Краснов поручил молодому актёру эту возрастную, характерную роль, воспитывая, обучая его, – дал роль на сопротивление, преодоление.

Ныне Сергей Пускепалис стал широкоизвестным, прекрасным актёром театра и кино, сам занимается режиссурой. В 2012 году мне довелось увидеть поставленный С. Пускепалисом на сцене МХТ имени А. П. Чехова спектакль «Дом» Е. Гришковца и А. Матисон. Интересный, яркий спектакль, в котором В. А. Краснов показывает волшебство перевоплощения в коротких эпизодических ролях.

В 2001 году Олег Павлович Табаков пригласил Владимира Краснова в труппу Московского Художественного театра имени А. П. Чехова. На прославленной сцене МХТ и в «Табакерке» Красновым сыграно около пятнадцати ролей. Некоторые мне посчастливилось увидеть. О спектакле «Дом» уже сказал.

Теперь о роли Краснова в «Ретро» Александра Галина. Автор назвал свою пьесу драмой, хотя говорит, что он комик – «всегда всех смешил». Да, в его знаменитой пьесе «Ретро» много смешного, но много и хватающего за душу, серьёзного и важного. Таким и предстаёт перед нами герой Краснова Николай Михайлович Чмутин в истории о том, как непонимающие его дочь и тесть решили женить старика-отца, чтобы им спокойно жилось, он был бы под чьим-то присмотром, а им не нужно было бы волноваться. Тему одиночества и непонимания близкими людьми, чуждости молодых и ненужности им стариков («нас забыли») несёт актёр в спектакле. А финал светлый: ему предлагали на выбор сразу «трёх жён», а нашёл он трёх друзей. К счастью, и детки, кажется, поняли что-то.

Володя покорила меня своим Перчихиным в «Мещанах» М. Горького. Трогательный, блаженный, беспомощный, уходящий от жизненных бед в какой-то свой «птичий мир» (заключённый в клетку свободы). Думаю, что это едва ли не лучшая роль в спектакле. Мне очень дорог отзыв крупнейшего театрального деятеля Бориса Михайловича Поюровского, особо отметившего актёра в этом спектакле МХТ: «Удивительно: Владимир Краснов служит во МХАТе без году неделю. Однако он играет так, будто всю жизнь исповедовал эту веру!» Вот что значит актёр школы Юрия Петровича Киселёва!

14 февраля 2014 года исполнилось 100 лет со дня рождения народного артиста СССР Юрия Петровича Киселёва. В этот день в театре юного зрителя, носящем имя Мастера, проводился вечер воспоминаний; открылся театральный музей. Владимир Краснов, конечно, не забыл своего Учителя. 24 и 25 февраля на сцене ТЮЗа был показан новый спектакль МХТ с участием Владимира Александровича Краснова – «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова. Режиссёр – Сергей Пускепалис. На афише надпись: «К 100-летию Ю. П. Киселёва».

Одно из самых дорогих свойств, ценимых мною в людях, – умение помнить тех, кто нас создавал, учил, сделал настоящими людьми. Володя именно такой, я ценю и люблю его за это. Он не только большой актёр – он удивительный человек и друг! Неравнодушный к людям, всегда готовый прийти на помощь, горячо и обострённо, отдавая жар своего сердца.

СПРАВЕДЛИВОСТИ РАДИ...

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ФРОНТОВИКОВ

Из всей плеяды саратовских писателей-фронтовиков, с которыми мне посчастливилось познакомиться в середине сороковых–начале пятидесятих годов, он был, пожалуй, самой яркой личностью. Имя его – Борис Озёрный – я впервые услышала ещё до войны. Поэт читал по саратовскому радио свои стихи, и я, уже знавшая произведения Пушкина и Лермонтова, слушала эти стихи с упоением – детское восприятие не делило поэтов на великих и невеликих... Помню довоенный снимок в молодёжной газете: Борис Озёрный в окружении начинающих поэтов, школьников-старшеклассников, с которыми он ещё тогда много и упорно работал. Он остался верен этому до конца своих дней. В его заботе о талантливой молодёжи было что-то особенное, что-то отцовское, по-крестьянски обстоятельное: он не только пестовал, продвигал талант, но и беспокоился о повседневной жизни, о быте молодых.

Борис Озёрный принадлежал к тому поколению мужественных русских людей, которое, пережив в детстве революцию, гражданскую войну и разруху, впоследствии на своих плечах вынесло тяготы ещё двух войн – финской и Великой Отечественной. И на ту, и на другую он уходил добровольцем... А после войны, будучи с 1945 по 1957 год (с небольшим перерывом) ответственным секретарём Саратовской писательской организации, он поднимал эту организацию из руин – не было талантливого молодого пополнения, не было тех мальчиков-старшеклассников, перемолотых в страшной мясорубке войны, которых он когда-то заботливо пестовал. А сам он, возвратившись с фронта тяжелооболванным, находил в себе силы биться за судьбу каждого таланта. Помню гнев, с каким он обрушился на заезжего московского критикана, который с присущим москвичам высокомерием к провинции издевательски отозвался об одном из серьёзных саратовских авторов. И немудрено – буквально за несколько дней на каком-то очередном многочленном обсуждении после жестокой и несправедливой критики такого же заезжего бойкого москвича прямо в зале скончался от сердечного приступа хороший писатель А. Н. Матвеев, сказки которого («Серая утица», «Зерно-зернинко») читаются детьми и по сию пору. Зная, что такие удары могут быть смертельными, Борис Фёдорович всегда болезненно воспринимал любые указания сверху, от чиновников: такого-то писателя считать хорошим, а такого-то – нет, такого-то идеологически выдержанным, а такого-то – нет.

Когда этот большой, красивый человек по долгу службы входил в крохотную каморку под крышей Дома книги, которую власти выделили для писательской организации, казалось, он готов был своими плечами раздвинуть тесные, тяжёлые двери этой каморки, разнести на куски тёмный, давно протекающий от непогоды потолок, чтобы открылось чистое небо. Но, увы, не только «на плечи» принимал он заботы и горести творческой организации того времени... Как-то в разговоре с одним товарищем он обмолвился: врачи сказали ему, что его сердце состарилось раньше него самого, оно старше его на двадцать лет. Сердцем он воспринимал все тяжкие обиды, приходящиеся на долю писателей того времени, не принимал всякого рода осуждения и оргвыводы, навязываемые тогда сверху <...>

Поэт крестьянской, да и фронтовой закалки (а родился Борис Озёрный в Новых Бурасах, и помнят ли о нём, чтут ли его память земляки?), он писал тонкие лирические стихи о родной земле, о светлых горизонтах «за ветрами быстрокрылыми», о тёплых

далёких огнях и звёздах, светящих во мгле усталым путникам. Он много переводил с грузинского, с айзербайджанского, калмыцкого. Уже после его смерти вышло не менее шести его сборников, и они раскупались, читались... Именно Озёрному Саратов обязан тем, что (к сожалению, уже после его смерти) в нашем городе начал выходить литературно-художественный журнал «Волга». Он хлопотал об открытии этого журнала долго и настойчиво и, зная, что никто из саратовских писателей не будет назначен на пост главного редактора, поскольку неверие в местную творческую интеллигенцию всегда было присуще нашим партийным чиновникам, «перетянул» из Ульяновска Г. И. Коновалова как главного и единственного претендента на эту должность.

Борис Фёдорович много ездил по стране и осенью 1958 года снова отправился в длительную творческую командировку, на этот раз на Кавказ, в Баку. И кажется мне (возвращаясь я к этой мысли постоянно), что уехал он в эту командировку ещё и потому, что не хотел принимать участия в очередной назревающей и навязанной сверху разборке-расправе с кем-то из неугодных писателей...

До Кавказа Борис Фёдорович не доехал – его жизнь трагически оборвалась в Астрахани. Он разделил роковую судьбу многих русских поэтов.

На Воскресенском кладбище в Саратове на памятнике над его могилой выбита строка из его же стихотворения: «...только поэт, умирая, как лебедь, роняет перо».

Галина Ширяева,
член Союза писателей России,
(цит. по материалам четвёртого выпуска
«Вестника Саратовской писательской организации»)

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Спасибо Галине Даниловне Ширяевой за её сердечную, искреннюю, глубокую оценку деятельности Бориса Фёдоровича Озёрного, ответственного секретаря Саратовского отделения Союза советских писателей.

Как говорится, здесь ничего не убавить, можно только прибавить, обнаружив наконец некоторые факты и документы, свидетельствующие о тех личных качествах Б. Озёрного, о которых говорила Г. Ширяева.

С 1945 по 1947 гг. и затем в 1951–1957 гг. он был на посту «рулевого» саратовской писательской организации. И о том, что произошло в 1947-м, а затем в 1948-м, мало кто знает. А это интересно и поучительно.

Дело было так: 5 апреля 1947 года в «Литературной газете» (рубрика «В Союзе советских писателей СССР») была опубликована небольшая заметка под заголовком «У писателей Саратова». Стоит её воспроизвести (с небольшими сокращениями), чтобы понять, как и почему на неё откликнулся Б. Озёрный.

«Писательская организация Саратова – количественно небольшая, но в ней нет «мёртвых душ», – констатируют в своём сообщении на заседании Комиссии по русской литературе краёв и областей РСФСР тт. Г. Боровиков и Ю. Чепурин. – Писатели много работают, регулярно печатаются. За последние полгода в областном издательстве вышли книги рассказов Б. Озёрного, Г. Боровикова, большой труд Т. Акимовой «Фольклор Саратовской области», книга Матвеевко «Серая утица» и др.

Большое внимание работе писательской организации уделяет Саратовский обком ВКП(б). Недавно в обкоме на собрании партийного актива состоялось обсуждение новой пьесы Ю. Чепурина «Последние рубежи».

Готовится к выпуску очередной номер альманаха «Литературный Саратов», но выходу этой книги мешает Областное издательство: нарушая существующие правила, директор Саратовского издательства Б. Быстров запрещает печатать

в альманахе отрывки из тех произведений, на которые издательство заключило договоры с авторами. Альманаху предоставлено право печатать лишь стихи и рассказы, почему-либо не заинтересовавшие издательство либо отвергнутые им. Областная газета «Коммунист» (редактор Н. Логинов) примерно уже полгода не выпускает литературных страниц и не печатает ни прозы, ни стихов местных авторов, делая исключение только для поэта И. Тобольского».

Вроде бы, всё обычно, «заметка как заметка»: «доложили», «привлекли внимание», как говорится, всё в порядке «в Датском королевстве»... И что же побудило Б. Озёрного написать в газету «Культура и жизнь» (орган Управления пропаганды и агитации Центрального комитета ВКП(б)) то письмо, черновик которого сохранился в его заветной архивной папке? Вот что он писал: «Редактору газеты «Культура и жизнь». «Уважаемый тов. редактор! В «Лит. газете» от 5 апреля появилось сообщение под заголовком «У писателей Саратова». Это сообщение лишено логики, неверно освещает жизнь нашей литературной организации и дезориентирует общественность.

«Большое внимание работе писательской организации, – пишет «ЛГ», – уделяет Саратовский обком ВКП(б)», а в последнем абзаце говорится о том, что редактор областной газеты редко печатает произведения местных авторов, директор Облгиза мешает творческой деятельности писателей. Спрашивается, почему же при большом внимании обкома ВКП(б) не могут быть решены такие мелочи?

Всё дело заключается в том, что «Литературная газета» грешит против истины. Конечно, можно говорить о том, что редактор областной газеты тов. Логинов редко печатает произведения местных авторов, но в этом – вина более писателей, чем редактора, потому что у молодых писателей нет произведений, которые отвечали бы вопросам газеты, по-настоящему и остро перекликались с политикой партии. И если молодой поэт И. Тобольский печатается чаще других, то только потому, что он ближе других стоит к вопросам политики.

Неладно получилось у корреспондента «ЛГ» с упрёком в адрес директора Облгиза Б. Быстрова, который якобы «запрещает печатать в альманахе отрывки из тех произведений, на которые издательство заключило договоры с авторами. Альманаху предоставлено право печатать лишь стихи и рассказы, почему-либо не заинтересовавшие издательство или отвергнутые им».

Приходится только удивляться подобной чепухе. Может быть, было бы убедительней, если бы это обвинение подкреплялось фактами. Но фактов у нас нет, а следовательно, их не могло быть и у редакции «ЛГ». У нас имел место единственный случай, когда член Союза СП Б. Неводов предложил в альманах рукопись романа «Разведчики», который стоит в плане издания отдельной книгой. Но его роман отвергнут не по тем мотивам, на которые ссылается «ЛГ», а потому, что он литературно беспомощен, а события и люди в описаниях извращены.

Кому-кому, а уж работникам «ЛГ» должно быть известно, что за областной альманах несёт ответственность не только отделение Союза советских писателей, но и издательство. Так могли директор издательства рекомендовать в альманах произведения, им же отвергнутые? Чепуха!

Что же касается «большого внимания обкома ВКП(б)», то его хотелось бы иметь, но между тем, что есть и что хотелось бы иметь, существует разница, и трудно мешать эти два понятия.

Видимо, автор сообщения имел в виду то обстоятельство, что в ноябре прошлого года Саратовский обком ВКП(б) после известного решения ЦК ВКП(б) о ленинградских журналах вынес решение, которое направлено на улучшение работы отделения ССП и писателей, объединяемых им. Но беда заключается в том, что это решение отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б) предано забвению и ни один из пунктов решения не выполнен».

Не правда ли, очень похожа история почти 70-летней давности на ту, что происходит сейчас с литературно-художественным журналом «Волга–XXI век»?! Газета «Глас народа» в лице её редактора Е. Столяровой и литсотрудника этой же газеты И. Пыркова (он же, как это ни странно, является членом редколлегии журнала «Волга–XXI век») обвиняют главного редактора журнала Елизавету Мартынову в том, что она не даёт дороги молодым саратовским талантам, печатает никому не известных писателей-иногородцев. На самом же деле положение таково, что его можно охарактеризовать словами Бориса Озёрного из вышеприведённого письма: *«Можно говорить о том, что редактор областной газеты тов. Логинов редко печатает произведения местных авторов, но в этом – вина более писателей, чем редактора, потому что у молодых писателей нет произведений, которые отвечали бы вопросам газеты...»* В данном случае – вопросам направления журнала «Волга–XXI век».

Письмо Бориса Озёрного, отправленное в одну из главных идеологических газет страны, разумеется, не было напечатано. Нависла угроза «оргвыводов», но уже не для Н. Логинова и Б. Быстрова, а для самого адресанта. Благо, подходящий случай вскоре представился, да и охотники «высечь» смельчака-борца за правду – нашлись.

Читаем протоколы общих собраний Саратовского отделения Союза советских писателей, что хранятся в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области. Вот необычайно интересный и интригующий протокол от 3 марта 1948 года со следующей повесткой дня: «1. Постановление ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба» (докладчик И. Тобольский). 2. О плане работы отделения ССП (докладчик Г. Боровиков)». Мне до сих пор непонятно, почему молодой поэт, не имеющий музыкального образования и вряд ли знакомый с оперой Мурадели «Великая дружба», ополчился на «формалистов» Мурадели, Прокофьева, Шостаковича?

Усилил гневное обличение «ненаших» композиторов маститый В. А. Смирнов-Ульяновский, особо отметив, что в Саратовской консерватории имеют место «формалистические извращения». Кстати, справедливости ради, отмечу, что единственным защитником известных советских композиторов был доцент консерватории Бендицкий, утверждавший на том собрании, что *«эту музыку поймут через сто лет. Надо поднять уровень культуры народа до понимания такой музыки»*.

Позвольте, спросит меня читатель, а как же с писателями? Они-то должны прежде всего говорить о состоянии и характере писательского творчества. Они и заговорили после обличений в формализме известных композиторов. *«Партия нацеливает нас, – сказал Г. Боровиков, – на реалистический путь. Формализм приводит к вырождению общества, о чём наглядно свидетельствует буржуазное искусство. Формализм имеет место и в творчестве наших писателей, чем проникнута поэма Б. Озёрного «Мечта». В ней есть что-то мистическое, декадентское. Против этой поэмы высказалось отделение ССП»*.

Вот как сурово! Это значит – не печатать! А книга с поэмой «Мечта» уже была подготовлена для издания. В Саратове это стало невозможным. Поэтический сборник Б. Озёрного «У крутых берегов» с поэмой «Мечта» вышел в Астраханском книжном издательстве в 1950 году. Эта книга была особенно дорога поэту.

Закончу свои «архивные» заметки отрывком из поэмы Б. Озёрного «Мечта», и пусть сегодняшний читатель сам определит, «реализм» в ней или «формализм», а может быть, найдёт в нём то, что даёт только настоящая поэзия:

*Я к лишениям привык,
Быль военных походов сурова,
Но живу я на фронте
Всё время мечтою своей:
Вот он, спящий Затон,
Над Затонем – гора Соколова,*

*С Соколовой горы
Виден город в сиянье огней.*

*Скоро брызнет рассвет
На посадки,
На парки,
И скоро
Встрепенётся наш город
В призывном напеве гудка.
Затрещают трамваи,
Откроются настежь просторы,
Засверкает на солнце
Широким разливом река...*

*А над Волгой, наверно,
Широкие, ясные зори,
Зацветают тюльпаны
В медовом обилии рос.
О, родная земля –
Без конца и без края просторы,
О, родная река –
Колыбель наших песен и грёз!*

**Светлана Дурнова,
член Союза журналистов России**

КОЕ-ЧТО О САМОКРИТИЧНОСТИ

Этот оклик написан редакцией только для того, чтобы расставить все точки над «і» в той конфликтной ситуации, которая снова была создана газетой «Глас народа» в августе этого года, уже после того, как вышел 7–8 номер нашего журнала со статьёй-возражением. Когда августовский номер ушёл в печать, в газете «Глас народа» (№ 30 (127) от 28.08.2015 г.) были опубликованы ответ главного редактора журнала «Волга–XXI век» Елизаветы Даниловой на статью Елены Столяровой «Волгу» в XXI веке погубили писатели?» («Глас народа» № 27 (124) от 07.08.2015 г.) и ответ Е. Столяровой под заголовком «Отвечаем». Также были опубликованы статья Ивана Пыркова «Не то течение» и материал анонимного автора под заголовком «От «Волги» до «Суры».

Все эти три текста являются комментариями на ответ. Оставим за скобками то, что публикация «ответа на ответ» и «комментариев на ответ» в одном номере СМИ вместе с текстом ответа являются нарушением статьи 46 «Закона РФ о СМИ», и то, что одного этого нарушения главному редактору «Гласа народа» показалось, видимо, мало, и она решила к прежним ошибкам и лживым утверждениям добавить новые, также не подкреплённые какими-либо документами и вескими доказательствами. Мы прекрасно понимаем, что приносить извинения редакция «ГН» не собирается и целью серии публикаций о журнале является раздувание скандала. Поэтому в газету с новым возражением мы обращаться не стали. Тем более что подробный ответ содержится в предыдущем номере нашего издания.

Но на «литературную» часть публикаций в «ГН» мы обязаны ответить.

Редакция журнала внимательно ознакомилась с обширным отзывом «Не то течение» И. Пыркова на 5–6 номер журнала «Волга–XXI век». Мы более чем благодарны их автору, что он не стал по заданию редактора писать про жареных судаков, а прочитал единственный номер из тех, которые изданы в этом году. Впрочем, и здесь он тоже выполнил задание редактора. На «троечку». Надо было доказать, что все (поимённо) авторы этого номера – «графоманы» (и ни в коем случае не «talанты»): и саратовский поэт Иван Малохаткин, и постоянный автор журнала, поэт и прозаик Александр Рыжов, и печатающаяся по всей России Сагидаш Зулкарнаева, и авторы журналов «Сура» и «Подъём» Фёдор Ошевнёв и Виктор Сазыкин. Нелогично у критика получилось. Видимо, мало его прозомбировали.

Удивительно, что всего лишь несколько месяцев назад автор статьи, направленной против журнала, назвал стихи одного из постоянных саратовских авторов, члена редколлегии журнала, «блестящими». Цитирую статью: *«Если я открываю стихотворный сборник Кремера, то же «Свидетельство жизни», например, или его блестящие стихотворные подборки в журнале «Волга–XXI век» (полужирный курсив наш. – Ред.), то надеюсь найти и нахожу неожиданную строку, о которой потом, через время, вдруг вспомню, как вспоминал стихотворение про «ничего не случилось» в ту пору, когда мне было очень трудно и я цеплялся памятью за мотив, начинающийся после слова...»*

Что ж, люди иногда изменяют взгляды даже в течение нескольких минут. Особенно тогда, когда им это выгодно.

Так что предупреждение И. Пыркова о том, чтобы мы «не обижались» на критику, – излишне. Нет, мы не обижаемся. На критику мы не обижаемся никогда. Даже можем признать (безо всяких обид), что для авторов статей, направленных против журнала, нет разницы между литературной критикой и травлей. А началось всё именно с травли. Мол,

произвести «революцию» и закрыть. Только этой «литкритике» мы и отвечали. Что касается тенденциозного разбора текстов... разумеется, мы верим, что автор статьи – не «ханжа-ретроград» (он сам от этого отрешивается) и что «нет запретных тем». Но своим «литературным разбором» пытается доказать именно то, что такие темы есть, «разбирая» именно содержание, а не «языковой колорит», и предлагая судить о литературном произведении по «цитатам» и вольно пересказанной фабуле.

Да, герои современных произведений пьют, курят и вообще ведут себя аморально. Видимо, И. Пырков считает, что изображение зла является его апологией. В таком случае, надо «запретить» множество художественных текстов, изъять их из школьной программы, из библиотек. Произведения Шукшина, Распутина, Астафьева, Довлатова, Лимонова, Шаргунова, Сенчина, Гуцко и Прилепина. Можно так же вольно пересказать их сюжеты и осудить авторов, героев и редакторов, опубликовавших эти произведения, за безнравственность и отсутствие вкуса. Ведь в этих произведениях тоже присутствуют сцены пьянства, семейные драмы, изображение «зон», картины из жизни вымирающей русской деревни.

А сколько «ужасных» цитат можно набрать, допустим, из «незаказных», жизненных произведений: из «Печального детектива» Виктора Астафьева, из повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», из «Зоны», «Компромисса» и «Заповедника» Сергея Довлатова, из «Афинских ночей» Романа Сенчина, из романа Захара Прилепина «Обитель» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой!» Всё это так безвкусно и ужасно, в отличие от «саратовской литературной школы». Да вот, пожалуйста, в качестве приложения ограничимся пока Астафьевым (его «Печальным детективом», включённым **в школьную программу**):

«Он <Сошнин> зашёл в местный бар, где постоянные клиенты встретили его одобрительным гулом, взял рюмку коньяку, выпил её махом и вышел вон, чувствуя, как черствеет во рту и теплеет в груди».

Это бывший милиционер-то... Ни стыда, ни совести!

Вот ещё. Нарисована явно несимпатичная личность.

«Сошнин хотел зайти на рынок, купить яблок, но возле ворот рынка с перекосившимися фанерными буквами на дуге «Добро пожаловать» корячилась и привязывалась к прохожим пьяная женщина по прозвищу Урна. За беззубый, чёрный и грязный рот получила прозвище, уже и не женщина, какое-то обособленное существо, со слепой, полубезумной тягой к пьянству и безобразиям. Была у неё семья, муж, дети, пела она в самодеятельности железнодорожного ДК «под Мордасову» – всё пропало, всё потеряла, сделалась позорной достопримечательностью города Вейска. В милицию её уже не брали, даже в приёмнике-распределителе УВД, который в народе зовётся «бичевником», а в старые времена звался тюрьмой для бродяг, не держали, из вытрезвителя гнали, в дом престарелых не принимали, потому что она была старой лишь на вид. Вела она себя в общественных местах срамно, стыдно, с наглым и мстительным ко всем вызовом. С Урной невозможно и нечем бороться, она, хоть и валялась на улице, спала по чердакам и на скамейках, не умирала и не замерзала».

О «весёлых» семейных сценах хотите? Пожалуйста.

«Ну дак чё теперь? Убыло меня? Ну, поревела бы... Обидно, конечно. Да разве мне привыкать? Чича, бывало, свалит в кочегарке... Ты извини, что про такое говорю. Ты уж большой. Милиционером служишь, всякого сраму по норки нахлебался и нанюхался небось... Чиче не дашься – физкультуру делает. Схватит лопату и ну меня вокруг кочегарки гонять... Эти поганцы... обмуслякали, в грязи изваляли... отстиралась бы...»

Жаргон тюремный? Пожалуйста.

«Из лексикона лагерных языотворцев ему скорее подходило: стопор-стопорило, кайло-рубило, секач, колун, обух, но лучшие всего – пихальщик, который не пускал к воротам честных, смелых ребят – нападающих, бил их бутсой в кость, стягивал с них

трусы и майки, валил наземь, получая лютное удовольствие от вопля поверженного «противника».

– Да-да! – поторопил футболист-пихальщик, косым, грузным взглядом давя «противника». – Не лезь в офсайд! Не то получишь гол в рыло!»

А вот тоже хороший отрывок.

«– Издеваешься, гад! – взревел модник и бросился сверху на жертву лохматым зверем. Сошнин чуть прогнулся и перебросил парня через себя с таким расчётом, чтобы он смёл с лестницы собутыльников, но тот уронил лишь рахитного от рождения урку. Футболист устоял на ногах, однако был ошеломлён. Не давая гулякам опомниться, Леонид прыжком миновал футболиста, двумя ударами свалил модника на грязный пол, отбросил урку к батарее, уже не владея собой: микстуры, уколы, антибиотики, разные всякие идиотики, изматывающие дежурства, погони, схватки, ночное литтворчество сказались, раны сказались, чужая, в него влитая кровь сказала (...). Задавленно хрипя, он вогнал кулаками футболиста под лестницу, размазывал его по стене.

– Вступайтесь за друга, подонки! Вступайтесь же за друга!

– Какой он нам друг! Какой друг! – прячась за спину урки, твердил кавалер и, что-то вспомнив, толкнул урку в спину, по-бараньи заблажив: – Геха, режь! Насмерть режь! Геха послушно сунул руку за пазуху, но вынуть нож ему Сошнин не дал: коротким ударом в сплетение вышиб из него дых и, когда урка, охнув, согнулся, поддел его встречным, отправив к заплёванному, мутному окну...»

Да, конечно, нельзя так писать. «Поряdochные» писатели, наделённые художественным вкусом, молчат о таких вещах «в тряпочку».

Может быть, вообще следует ввести цензуру и придерживаться возрастного ценза? Хорошо. Мы согласны. Мы обязуемся публиковать произведения только саратовских авторов от 0 до 35 лет (молодых), да и то лишь тех, кто не поднимает социально значимых тем, а если и поднимает, то исключительно в светлом, оптимистическом ключе. Мы забудем о том, что художественный стиль может включать и жаргонизмы, и просторечие, и прочие слои русской лексики.

Мы согласны, что писатели старше 35 лет исчерпали свои творческие возможности. Зачем публиковать их стихи и прозу, если под рукой есть сочинение школьника, написанное на ЕГЭ на 100 баллов. Ведь ему «есть что сказать (и показать) миру». После этого школьник непременно будет напечатан в Москве – за его литературные заслуги.

И сделать это нужно тем более потому, что в нашем журнале никогда не было «дебютной» рубрики и новых имён. И это не у нас были опубликованы молодые авторы из Саратова и из Саратовской области: Гульсара Туктарова, Анастасия Ястребкова, Анна Морковина, Алексей Никитин, Ирина Татарова, Татьяна Коновалова, Анна Илюнчева, Кселена Литвинова, Александр Зрячкин, Иван Попков, Ирина Фёдорова, Сергей Синьков, Евгений Мельников. Не у нас публиковались участники литературных клубов «Проба пера» и «Солнечный посёлок»: Оксана Мухина, Дарья Егорова, Зульхан Идрисова, Кристина Курбина; участники и лауреаты областных литературных конкурсов для школьников Юлия Беломестнова, Евгения Муренина, Анна Мартюкова, Анастасия Олейник, Анна Удалова, Ольга Чванова. Не в 2014 году в 3–4 номере журнала были опубликованы стихи участников литературного объединения «Лира» («Красноармейск») Зинаиды Силкиной, Елены Пасочниковой, Османа Магомедова. Не были несколько лет назад представлены стихи участников клуба «Диалог»: Елены Борзых, Марии Сергун, Екатерины Щербаковой, Владимира Селиванова, Антона Воробьёва, Игоря Преснякова. Не у нас печатались участники литературной студии «Фантазёры» Ольга Колесникова и Виктория Задворнова. И это не редакция журнала в течение последних семи лет принимает участие в работе жюри областных литературных конкурсов, помогая центру «Поиск» в оценке и отборе лучших работ, в работе жюри конкурса «Живая классика», в конкурсах, проводимых музеем Н. Г. Чернышевского, в школьных научно-практических конференциях, в проведении «Недели детской книги» в Саратове. Это не мы проводили

презентации журнала в музее Н. Г. Чернышевского, в виртуальном филиале Русского музея в СГСЭУ. И наконец, это не члены редколлегии журнала проводят заседания клуба писателей и краеведов на Саратовском радио.

Да, конечно, мы никогда не печатали представителей «саратовской литературной» школы. Это не наш журнал публиковал произведения авторов Саратова и области Ивана Печавина, Виктора Маняхина, Людмилы Каримовой, Нелли Кременской, Валерия Кремера, Григория Большунова, Александра Дивеева, Татьяны Кузнецовой, Александра Арисова, Валерия Шамратова, Веры Капцевой, Нины Коровкиной, Ивана Шульпина, Я. Удина, Виктора Сафронова, Михаила Меренченко, Владимира Авилова, Василия Реснянского.

Не выходил из печати номер 11–12 2014 с произведениями лауреатов премии имени Михаила Алексева.

Не в нашем журнале есть рубрика «Останется мой голос» со стихами ушедших саратовских поэтов: Натальи Медведевой, Елены Тарасовой, Вячеслава Андрюнина, Виктора Пшенина, Бориса Бешарова, Андрея Маковейчука, Виктора Политова, Льва Тобольского, Алексея Машенцева.

Не было в нашем журнале и материалов краеведческого характера. Никогда не публиковались Дмитрий Луньков, Виктор Шептицкий, Николай Семёнов (неоднократно), Евгений Самохин, Анна Морковина, Евгений Бажанов, Фрид Рашитов, Виктор Тотфалушин. Не писали о Собиновском фестивале, не публиковали материалов, посвящённых саратовским художникам, наш корреспондент не брал интервью у известных бардов, режиссёров и других деятелей искусства.

Не было и рубрик, посвящённых 70-летию Великой Победы. Не у нас публиковались произведения саратовских писателей-фронтовиков: Бориса Озёрного (неоднократно), Дмитрия Гребенщикова, Михаила Поликарпова, Вадима Земного. Не было и материалов о жизни и творчестве Льва Прозоровского, о приезде Серафимовича в Саратов накануне войны. Да и вообще «военного» номера (3–4 2015) с мемуарами, документальными рассказами, стихами – не было.

Не стоило публиковать интервью с саратовскими писателями, отражающие их взгляды на современную литературную ситуацию. Это лишнее.

Не надо было давать подборку материалов к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова – он ведь не саратовский, а пензенский.

Не стоило отмечать «юбилеи» Евгения Носова (90 лет со дня рождения) и Виктора Астафьева. Они тоже к Саратову отношения не имеют. Классиков нам не надо. Тем более что их произведения и их взгляды устарели. Вот, например, что пишет Виктор Астафьев в письме к Виктору Политову о противоречии между написанной по заказу литературой и современностью: *«...есть налёт некоей романтической дешевизны, такого бодряческого литературного допинга, коим заменяют настоящую жизнь и мускульную энергию авторы журнала «Юность» и киношники типа Герасимова, «отвечающие на насущные вопросы современности». А она, современность, как верблюд, бредёт себе, жуя коноплю и запивая это дело «Экстрой» или современным вином «самогнали».*

Разумеется, зря опубликованы стихи и проза известных в России авторов: Фёдора Сухова, Татьяны Брыксиной, Василия Макеева, Дианы Кан, Евгения Семичева, Игоря Тюленева, Юрия Перминова, Андрея Романова, Нины Ягодинцевой, Светланы Супруновой, Светланы Сырневой, Николая Беседина, Евгения Шишкина и других. Для Саратовской области их творчество никакой роли не играет. Так же, как и произведения участников форумов молодых писателей России. Это мероприятие для Саратова имеет чисто информационное значение, а уж кто там что пишет – какая разница.

Думаю, что доказательств нашей самокритичности (в отсутствии которой упрекает нас статья «Не то течение») уже достаточно. Предоставим слово читателям, взгляд которых не тенденциозен и улавливает главное.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

«В наше время, когда с большинства каналов телевидения льются потоки пошлости, людям навязывают сцены жестокости, убийства и насилия, начинаешь верить, что идёт повсеместная сознательная дебилизация населения.

И вдруг в руки попадает журнал «Волга–XXI век». Умный, честный, с хорошим вкусом, великолепными подборками, талантливыми авторами. К тому же раньше он был – с замечательными цветными иллюстрациями картин художников, которые тоже приобщали читателя к отечественной и зарубежной культуре, к культуре родного края. Журнал – как поток чистого воздуха.

Надолго в памяти остаются пронзительные стихи Натальи Медведевой, гражданская позиция Геннадия Касмынина, проза Александра Бунеева, короткие и ёмкие рассказы Нелли Кременской, деревенская проза Татьяны Грибановой. Это – навскидку. А вообще-то хороших авторов в журнале, слава Богу, очень много.

Я считаю, что нужно увеличить тираж журнала. С помощью телевидения необходимо знакомить с ним и студентов, и школьников. Литературные вечера, встречи с писателями, обсуждения наиболее интересных произведений тоже способствовали бы развитию культуры молодых людей. А без культуры у любой нации нет будущего.

**Е. Клячко,
учитель математики»**

«Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина 2015 год назван «Годом литературы». Это обстоятельство предполагает как минимум исполнение приказа Президента, в русле которого важным моментом является поддержка публичных, в т. ч. толстых журналов, таких как «Волга–XXI век». Это особенно важно для поддержки культуры в экономически значимых регионах страны, к которым относится житница России – Саратовская область.

Подобные издания, с одной стороны, способствуют поиску и открытию новых талантов среди россиян так называемой «глубинки», а также являются единственной возможностью для публикации произведений авторов регионального масштаба. При этом следует заметить, что провинциальная литература дала миру крупных мастеров литературного жанра. Сюда можно отнести Бунина, Распутина, Белова, Шергина, Федина и многих других авторов, чей вклад в мировую литературу огромен и неоспорим.

По словам руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаила Сеславинского, в 2015 году планируется провести Международный писательский форум «Литературная Евразия», осуществить проект «Литературная карта России». Он также подчеркнул важность наполнения «Года литературы» содержательными мероприятиями по всей стране. А что может быть содержательнее самих литературных произведений, открытия новых имён среди писателей и поэтов, которые способны прославлять и продвигать Литературу России?!

В связи с этим я от имени интеллигентского сообщества губернии обращаю внимание на необходимость пересмотра отношения к журналу «Волга–XXI век», который является квинтэссенцией уровня литературы в Поволжском регионе и в России и пользуется заслуженным вниманием и интересом у населения.

**Кандидат сельскохозяйственных наук,
селекционер,
Т. Г. Хуснетдинова»**

«Мы смирились, что отечественная промышленность порушена, потому что не может конкурировать на мировом рынке. Зато культура! Тут мы впереди планеты всей! На фоне мирового рейтинга наших мастеров как-то не очень важным кажется, что у художников саратовских отобрали творческие мастерские, как будто художники нам больше не нужны.

Сгрудились они все в бывшем своём училище, живут, работают без элементарного – отопления, порой без света и воды. А здание не жалко – пусть разрушается. И художников не жалко. Любимым делом занимаются, могут и потерпеть! А между тем у наших художников практически нет смены. Кто пойдёт по этому пути нищеты, невостребованности? Дума, банки, администрация тем не менее устраивают выставки, хочется оживить безликие коридоры офисов, но говорить о трудностях на открытиях выставок неприлично. Так же и писатели. Кто помнит, что они прежде получали за свои произведения гонорары?

Нужны ли нам наши – не столичные – театры, писатели, художники? Нужен ли журнал «Волга–XXI век»? На этот вопрос есть единственный ответ: необходимы!

Когда А. П. Боголюбов предложил саратовцам открыть Радищевский музей, большая часть членов городской Думы сказала «нет», потому что не хотела тратить средства на «пустое» дело. Между тем император Александр III поддержал начинание, потому что увидел в этом залог развития региона. Ситуация повторяется. Поддержка талантов, их развитие является почвой для общего, в том числе экономического движения. В это трудное для культуры время все равнодушные люди должны сплотиться и отстаивать наше культурное достояние. Как вырасти, пробиться талантам, если не будет в Саратове ни литературного журнала, ни художественных мастерских? Это грозит бедствием нам всем, нашему региону, который и без того покидают молодые люди, не находя здесь поприща для работы и возможностей для досуга. Перекрыть источники творчества легко, восстанавливать – трудно и долго!

**Л. П. Краснопёрова,
сотрудник Радищевского музея»**

«Начну с того, что от содержания до оформления мне очень нравится журнал «Волга–XXI век». Разумеется, в первую очередь, в этом – заслуга редколлегии и главного редактора Елизаветы Даниловой. Когда прочитаешь журнал, создается впечатление, что пообщался с умным, многосторонне образованным, интеллигентным собеседником, чем, к сожалению, нас жизнь нечасто балует.

Ходят упорные слухи, что журнал могут закрыть. Это значительно обеднило бы культурную жизнь Саратова. Впрочем, не только нашего города. Благодаря читателям журнал попадает и в бывшие республики бывшего Союза, и даже в дальнее зарубежье. Поэтому наряду с печатной необходимо продвигать и электронную версию журнала.

В нашей стране разворовываются, теряются, превращаются в дым миллионы и миллиарды долларов, а мы не можем изыскать средства на культурные ценности, на то, что является фундаментом, основой любой нации, что должно сохраняться на самых крутых поворотах существования любого государства.

Дорогие господа, в чьих руках находится судьба «Волги–XXI век»! Пожалуйста, изыщите организационную и материальную возможность, чтобы не только спасти журнал в его теперешнем виде, но и дать толчок к его дальнейшему процветанию.

**Ваш постоянный читатель
Галина Ивановна Арефьева,
нейрохирург, кандидат медицинских наук»**

«Я не только читатель. Публикуюсь в журнале не первый год. Именно поэтому меня поражает преемственность высоких литературно-художественных традиций журнала. Можно только удивляться и благодарить Бога, что в провинции существуют и публикуются поэты и писатели высочайшего класса, затрагивающие самые разнообразные проблемы нашей жизни: социальные, творческие, психологические и прочие. Уже много лет планка качества этого интеллектуального продукта столь высока, что вызывает не только уважение у читающих горожан, но и законную гордость.

Специально не называю фамилии наиболее понравившихся авторов, ибо даже писатели и поэты второго плана тоже достойны быть упомянуты.

Среди всеобщего снижения культурного уровня населения, среди поголовной безграмотности и духовного обнищания, вызванными хлынувшими к нам западными ценностями, журнал «Волга–XXI век» является живительным островком, не только прививающим вкус и красоту слова, показывающим его очарование, но и воспитывающим высокие морально-этические идеалы. И спасибо редакции, которая не поддалась «творцам», ухватившимся за возможность создавать искусство кое-как, левой ногой, не очень-то напрягая собственные извилины, не очень-то расходуя нервы, время, интеллектуальный запас (если он есть). Хорошая литература – это, прежде всего, тщательный отбор слов, фраз, произведений.

К сожалению, в последнее время в журнале исчезли цветные вклейки, сократился тираж. А ведь в противовес интернету для приобщения людей к печатной продукции, наоборот, стоило бы увеличить тираж и создать привлекательность издания красочными фотографиями.

И последнее. Многие мои знакомые – от охранников до докторов наук, от литературоведов до сантехников – с удовольствием купили бы журнал, но не знают, где его взять. Нужно продавать его хотя бы в одном киоске, но в самом людном и центральном месте города.

Н. Кременская»

«(...)Мы из числа коренных жителей Саратова, для которых интеллектуальная и культурная аура родного города не безразлична и которые считают, что её безусловно необходимо сохранить и беречь и что за неё надо бороться. Саратов – провинциальный город, но он уникален как общепризнанный центр интеллектуальной и культурной жизни Поволжья, и не только. Такой статус города исторически сложился благодаря университету (в котором мы учились и работали), Радищевскому музею, консерватории, филармонии и, конечно же, журналу «Волга–XXI век».

Мы и наши друзья обеспокоены слухами о закрытии журнала и считаем, что этого допустить никак нельзя, иначе это будет проявлением неуважения к людям, чьим трудом, пером и мыслью создавался и создаётся фундамент славы Саратова. Мы верим, что у области есть возможности для решения данной проблемы.

**С уважением –
кандидат физ-мат. наук А. Ф. Равич,
кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела биотехнологии НИИСХ
Юго-Востока М. И. Цветова»**

Журнал «Волга – XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Ирина Шин.

Подписано в печать 29 октября 2015 года.

Дата выхода в свет 30 октября 2015 года.

Журнал отпечатан в типографии «Буква».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Астраханская, 102.

Заказ № 01/29105

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.